

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
имени П. А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Г О
И Н С Т И Т У Т А
У П Р А В Л Е Н И Я

Научный журнал

№ 2 (47)
2015

Саратов

Научный журнал

Учредитель

***Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации***

Главный редактор – ***В.Л. Чепляев***
Зам. главного редактора – ***О.Н. Фомин***
Ответственный секретарь – ***Д.В. Акаев***

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук;
В.В. Герасимова, д-р экон. наук;
В.М. Долгов, д-р ист. наук;
О.А. Лиценбергер, д-р ист. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук;
Е.Ю. Сидорова, д-р экон. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук;
О.И. Цыбулевская, д-р юрид. наук;
С.Е. Чаннов, д-р юрид. наук;
Т.И. Черняева, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжского института управления» ПИ № ФС 77 – 61170 от 30 марта 2015 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 – 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru/vestnik>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2015

№ 2 (47)
2015

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION INSTITUTE
OF A D M I N I S T R A T I O N

Science journal

Founder:
The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration

Editor-in-chief: ***V.L. Chepliaev***
Deputy editor-in-chief: ***O.N. Fomin***
Executive secretary: ***D.V. Akaev***

Editorial board:

V.N. Gasilin, Doctor of Science (Philosophy);
V.V. Gerasimova, Doctor of Sciences (Economics);
V.M. Dolgov, Doctor of Science (History);
O.A. Litsenberger, Doctor of Sciences (History);
A.V. Ryazanov, Doctor of Sciences (Philosophy);
E.Yu. Sidorova, Doctor of Science (Economics);
Yu.I. Tarsky, Doctor of Sciences (Sociology);
O.I. Tsybulevskaya, Doctor of Sciences (Law);
S.E. Channov, Doctor of Science (Law);
T.I. Chernyaeva, Doctor of Sciences (Sociology)

© Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2015

**ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ,
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

S.E. Channov
**The State Civil Service:
Changes in the Legislation
on Corruption Counteraction**

Changes to the legislation on public civil service, provided by the Federal Law dated December 22, 2014 No. 431-FZ are analyzed. The author notes that many of them ripened long ago and solve a number of problems arising within corruption counteraction at civil service.

Key words and word-combinations: civil service, corruption counteraction, control of the income and expenses.

Анализируются изменения, внесенные в законодательство о государственной гражданской службе Федеральным законом от 22 декабря 2014 г. № 431-ФЗ. Отмечается, что многие изменения давно назрели и решают ряд проблем, возникающих в рамках противодействия коррупции на гражданской службе.

Ключевые слова и словосочетания: гражданская служба, противодействие коррупции, контроль за доходами и расходами.

УДК 354:342.5
ББК 66.3(0).123

С.Е. Чаннов

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА:
ИЗМЕНЕНИЯ
В СФЕРЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ**

Приоритетным направлением совершенствования законодательства в сфере государственного и муниципального управления остается борьба с коррупцией. Очередным шагом в этом направлении стало принятие Федерального закона от 22 декабря 2014 г. № 431-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» (далее – Федеральный закон № 431). Этим Законом были внесены изменения в ряд законодательных актов, в том числе регулирующих вопросы прохождения государственной гражданской службы. О них и пойдет речь в настоящей статье.

Так, изменению подвергся п. 3 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»,

устанавливающий запрет на занятие гражданскими служащими предпринимательской деятельностью. В новой редакции он звучит следующим образом: гражданскому служащему запрещено «заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, а также участвовать в управлении хозяйствующим субъектом (за исключением жилищного, жилищно-строительного, гаражного кооперативов, садоводческого, огороднического, дачного потребительских кооперативов, товарищества собственников недвижимости и профсоюза, зарегистрированного в установленном порядке), если иное не предусмотрено федеральными законами или если в порядке, установленном нормативным правовым актом Российской Федерации или субъекта Российской Федерации в соответствии с федеральными законами или законами субъекта Российской Федерации, ему не поручено участвовать в управлении этой организацией».

Одновременно утратил силу п. 1 ч. 1 ст. 17 того же Закона, поскольку п. 3 в новой редакции поглощает его по объему.

Необходимость указанного изменения определялась тем, что на практике иногда возникали вопросы относительно объема запрета гражданским служащим заниматься предпринимательской деятельностью. В частности, неясно было, распространяется ли этот запрет только на случаи осуществления ими индивидуальной предпринимательской деятельности либо также на осуществление предпринимательской деятельности посредством учреждения различных хозяйственных обществ и других предпринимательских структур. Связано это с тем, что согласно ст. 2 Гражданского кодекса (ГК РФ) предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицам, зарегистрированным в этом качестве в установленном законом порядке. При этом в ст. 18 ГК РФ, устанавливающей содержание правоспособности граждан, отдельно перечисляются права граждан заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью и создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами. Таким образом, толкование ст. 2 во взаимосвязи со ст. 18 ГК РФ приводило к выводу, что законодатель, определяя понятие предпринимательской деятельности, имел в виду только индивидуальную предпринимательскую деятельность.

Косвенным доводом в пользу разрешения рассматриваемой ситуации могла служить также позиция Конституционного Суда РФ, который в постановлении от 24 февраля 2004 г. № 3-П [1] указал, что деятельность акционеров не является предпринимательской (поскольку понятия «акционер» и «учредитель» все же не являются синонимами).

На практике же можно было встретить различные подходы к привлечению к ответственности гражданских служащих, являющихся учредителями юридических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. В некоторых случаях к ним применялись меры ответственности в связи с нарушениями п. 3 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в других – им инкриминировалось нарушение запрета, установленного п. 1 той же части (запрет участвовать на платной основе в

деятельности органа управления коммерческой организацией, за исключением случаев, установленных федеральным законом). Однако последний вариант также срабатывал не всегда – в некоторых случаях суды вставали на сторону уволенных служащих, указывающих, что они не входили в состав органов управления учрежденных ими юридических лиц, а доверяли это делать другим. Кроме того, п. 1 ч. 1 ст. 17 не учитывал случаи управления гражданскими служащими некоммерческими организациями, которые также могут осуществлять предпринимательскую деятельность.

Новая редакция п. 3 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» расширяет сферу действия рассматриваемого запрета, так как под него теперь подпадает участие в управлении любым хозяйствующим субъектом (за исключением приведенных непосредственно в данной норме). Кроме того, на наш взгляд, как нарушение теперь следует трактовать и учреждение служащим любой предпринимательской структуры, поскольку, даже если он не будет управлять ей непосредственно, он все же делегирует свои полномочия как учредителя другим лицам.

Более серьезным выглядит изменение ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Данная часть теперь изложена в следующей редакции:

«1. Сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера членов своей семьи представителю нанимателя представляют:

1) гражданин, претендующий на замещение должности гражданской службы, – при поступлении на службу;

2) гражданский служащий, замещающий должность гражданской службы, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации, – ежегодно не позднее срока, установленного нормативными правовыми актами Российской Федерации».

По сравнению с предыдущей редакцией новая предусматривает подачу сведений о доходах всеми гражданами, поступающими на государственную гражданскую службу, независимо от того, на какую должность они претендуют. Гражданские же служащие по-прежнему будут отчитываться о своих доходах и доходах членов семьи, только если замещают должность, включенную в перечень коррупционно опасных должностей.

Наконец, в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» было внесено еще одно изменение. Статья 59.3 Закона, устанавливающая порядок привлечения к ответственности за совершение коррупционных правонарушений, была дополнена указанием на то, что взыскание в виде замечания может быть применено к гражданскому служащему при малозначительности совершенного им коррупционного правонарушения на основании рекомендации комиссии по урегулированию конфликтов интересов.

Стоит отметить, что в отсутствие каких-либо пояснений от разработчиков данных изменений приведенная норма видится не до конца понятной. Предложения о дополнении законодательства о государственной и муниципальной службе применительно к коррупционным правонарушениям понятием «мало-

значительность» ранее уже высказывались в научной литературе [2]. Однако речь шла о проблеме, связанной с тем, что действующее законодательство предусматривает обязательное увольнение служащих, совершивших определенные коррупционные правонарушения (осуществление предпринимательской деятельности, непредставление сведений о доходах либо представление заведомо ложных сведений; невыполнение обязанностей в связи с конфликтом интересов и др.). При этом никак не учитывается ни продолжительность нарушения, ни форма вины служащего, ни наступление либо ненаступление общественно опасных последствий и т.п. Соответственно, предлагалось дополнить законодательство о служебной деятельности понятием «малозначительное правонарушение» (дав ему определение) и указанием на то, что, если совершенное служащим коррупционное правонарушение является малозначительным, он может быть полностью освобожден от ответственности, либо к нему могут быть применены менее жесткие дисциплинарные санкции, чем увольнение.

Изменения же, внесенные Федеральным законом № 431, можно толковать двояко.

В первом варианте можно предположить, что ч. 3.1 ст. 59.3 распространяется на все случаи привлечения гражданских служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков, то есть, вводя ее, законодатель как раз преследовал цель ввести специальное правило: какое бы наказание ни предусматривалось иными статьями Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» за коррупционный проступок, комиссия по урегулированию конфликта интересов может признать его малозначительным и рекомендовать представителю нанимателя ограничиться замечанием.

Во втором – следует исходить из того, что ч. 3.1 ст. 59.3 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» касается лишь случаев, когда законодательство о гражданской службе в принципе предусматривает возможность наложения на служащего взыскания в виде замечания (ст. 59.1). В таком случае, при совершении гражданским служащим проступков, указанных в ч. 1 ст. 59.2 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», даже если они действительно являются малозначительными, он по-прежнему подлежит увольнению со службы; при совершении же иных проступков ему грозит взыскание в виде выговора или предупреждения о неполном должностном соответствии, если только конфликтная комиссия не признает их малозначительными. В таком случае внесенные изменения имеют цель – не смягчить, а ужесточить ответственность за коррупционные правонарушения. С учетом общей направленности Закона, а также использованных в ч. 3.1 ст. 59.3 формулировок именно это толкование видится нам более верным.

К сожалению, авторы законопроекта не только никак не прокомментировали эту, достаточно неоднозначно звучащую норму, но и не озаботились тем, чтобы разъяснить в Законе – что же такое «малозначительность», что, безусловно, усложнит применение ч. 3.1 ст. 59.3 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» на практике.

Предлагаем следующее: малозначительным может быть признано впервые совершенное гражданским служащим коррупционное правонарушение в случае, если оно было совершено по неосторожности и не повлекло извлечение служащим какого-либо дохода или иной выгоды для себя. Конечно, желательно, чтобы такое (либо схожее определение) было непосредственно закреплено в законодательстве.

Кроме того, при применении положений о малозначительности коррупционных правонарушений следует помнить, что такое решение может принять только комиссия по урегулированию конфликтов интересов, создаваемая в государственном органе. Между тем Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не предусматривает обязательное рассмотрение вопросов о совершении гражданскими служащими коррупционных правонарушений такими комиссиями. В соответствии с ч. 1 ст. 59.3 указанного Закона «взыскания, предусмотренные статьями 59.1 и 59.2 настоящего Федерального закона, применяются представителем нанимателя на основании доклада о результатах проверки, проведенной подразделением кадровой службы соответствующего государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений» и только в случае, «если доклад о результатах проверки направлялся в комиссию по урегулированию конфликтов интересов, – и на основании рекомендации указанной комиссии».

Следовательно, если доклад о результатах проверки в комиссию по урегулированию конфликтов интересов не направлялся и она не привлекалась к рассмотрению вопроса каким-либо иным образом (например, оценивала ситуацию конфликта интересов, рассматривала обращение служащего о невозможности по уважительной причине представить сведения о доходах и т.п.) – признание совершенного коррупционного правонарушения малозначительным невозможно.

Изменениям в рамках Федерального закона № 431 подвергся и Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». В данный Закон внесено сразу несколько изменений, все они выглядят необходимыми, но носят прежде всего уточняющий характер.

Так, для начала законодатель спустя два года все-таки определился с тем, кто же именно из государственных и муниципальных служащих и иных работников подпадает под контроль за расходами. В принципе уже при принятии Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» представлялось очевидным, что это должны быть лица, замещающие должности, связанные с представлением сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также члены их семей. Однако в самом Законе это прямо сказано не было.

Итак, наконец данный вопрос решен однозначно. В частности, применительно к гражданской службе, Закон определяет, что он устанавливает контроль за расходами лиц, занимающих:

должности федеральной государственной службы, осуществление полномочий по которым влечет за собой обязанность представлять сведения о своих

доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей;

должности государственной гражданской службы субъектов РФ, осуществление полномочий по которым влечет за собой обязанность представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей; а также супруг (супругов) и несовершеннолетних детей указанных лиц.

Кроме того, была устранена неясность, связанная с исчислением сроков, за которые должны были считаться доходы, полученные подконтрольными лицами. Статья 3 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» ранее устанавливала, что лицо, замещающее (занимающее) одну из указанных должностей, обязано представлять сведения о своих расходах, а также о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), если сумма сделки превышает общий доход данного лица и его супруги (супруга) *за три последних года, предшествующих совершению сделки*, и об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка.

При этом на практике нередко возникал вопрос: имеются ли в виду доходы, полученные за три календарных года, предшествующих году совершения сделки, либо за три года именно с момента ее совершения? Другими словами, если сделка, совершена, например, 15 июня 2014 г. – за какой период служащий должен рассчитывать свой доход, чтобы определить, обязан ли он о ней информировать: с 1 января 2011 г. по 31 декабря 2013 г. либо с 16 июня 2011 г. по 15 июня 2014 г.? При этом буквальное толкование нормы Закона, скорее, склоняло ко второму варианту, в то время как системное (с учетом законодательства о контроле за доходами в целом) – к первому.

Теперь данная проблема решена путем введения в закон понятия «отчетного периода». Отчетным периодом считается календарный год, предшествующий году представления сведений (то есть год, когда была совершена сделка). Расчет же доходов следует производить за три последних года, предшествующих отчетному периоду.

Таким образом, в рассмотренном примере со сделкой, совершенной 15 июня 2014 г., обязанность представления сведений возникнет, если ее сумма превышает доходы служащего и членов его семьи за период с 1 января 2011 г. по 31 декабря 2013 г. С одной стороны, это выглядит логично, поскольку упрощает сопоставление представленных служащим сведений с его декларациями о доходах; с другой – могут возникнуть и проблемы, ведь крупная сделка могла быть совершена и за счет дохода, полученного именно в 2014 г. Но в любом случае у служащего останется возможность пояснить источники своих

доходов в рамках ст. 9 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

Наконец, в рамках совершенствования антикоррупционного законодательства были внесены изменения в Федеральный закон «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами». Ранее данный Закон распространялся только на высших должностных лиц государственной гражданской службы (и членов их семей) – лиц, замещающих:

должности федеральной государственной службы, назначение на которые и освобождение от которых осуществляются Президентом РФ, Правительством РФ или Генеральным прокурором РФ;

должности заместителей руководителей федеральных органов исполнительной власти.

Теперь на гражданской службе запрет открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами также касается лиц, замещающих должности федеральной государственной службы, должности государственной гражданской службы субъектов РФ, осуществление полномочий по которым предусматривает участие в подготовке решений, затрагивающих вопросы суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации, и которые включены в перечни, установленные соответственно нормативными правовыми актами федеральных государственных органов субъектов РФ. Соответственно, у указанных органов государственной власти возникает обязанность разработки перечней таких должностей.

Кроме этого, была уточнена ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами», устанавливающая уважительные причины невыполнения указанных в Законе требований. Если раньше таковыми признавались только арест и запрет распоряжения, наложенные компетентными органами иностранного государства в соответствии с законодательством данного иностранного государства, на территории которого находятся счета (вклады), осуществляется хранение наличных денежных средств и ценностей в иностранном банке и (или) имеются иностранные финансовые инструменты, то теперь данная норма дополнена указанием на некие иные обстоятельства, не зависящие от воли лиц, на которых распространяется данный запрет. Как представляется, данная формулировка является слишком общей и нуждается все же в большей конкретизации.

В противном случае указанные изменения сами, в свою очередь, могут выступить коррупциогенным фактором для лиц, желающих обойти рассматриваемый запрет.

Библиографический список

1. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы: постановление Конституционного Суда РФ от 24 февр. 2004 г. № 3-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 2.

2. Чаннов С.Е. Может ли коррупционное правонарушение быть малозначительным? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2197–2203.

E.Yu. Sidorova, D.S. Okorokov
The System of Agricultural
Organizations Reserves
Management

The classification of agricultural organization reserves is presented. Basic functions and principles of reserves management and their applicability are considered. Stages of development and implementation of the organization production reserves management system are identified. The peculiarities of the system of agricultural organizations reserves management and its structure are revealed.

Key words and word-combinations: production reserves, management system, agricultural organizations.

Представлена классификация резервов сельскохозяйственных организаций. Рассмотрены основные функции и принципы управления резервами и их применимость. Определены стадии процесса разработки и внедрения системы управления производственными резервами организации. Выявлены особенности системы управления резервами сельскохозяйственных организаций и ее структура.

Ключевые слова и словосочетания: производственные резервы, система управления, сельскохозяйственные организации.

УДК 338.43
ББК 65.32

Е.Ю. Сидорова, Д.С. Огороков

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ
РЕЗЕРВАМИ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ

В современных условиях для сельскохозяйственных организаций (далее – организация) большое значение приобретает поиск резервов повышения эффективности производства. В экономической литературе широко представлены различные подходы к понятию «резервы». Под резервами сельскохозяйственных организаций понимаются неиспользованные или частично используемые возможности (с учетом современного развития науки, техники и технологий) эффективного функционирования организаций на основе применения инновационных технологий производства и оборудования, прогрессивных технологий управления, передового мирового опыта с целью выпуска запроецированного количества качественной продукции и максимального удовлетворения потребностей в ее количестве и качестве [1, с. 32]. Таким образом, все резервы организаций можно разделить на следующие укрупненные группы.

Первая группа «Резервы совершенствования организации производства и труда» включает подгруппы: техническое развитие сельскохозяйственного производства; развитие трудового потенциала; резервы использования материальных, финансовых ресурсов; резервы повышения качества и конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции. Рассмотрим каждую подгруппу. Под техническим развитием сельскохозяйственного производства подразумевается набор неиспользуемых либо неэффективно используемых ресурсов, связанных с техническим развитием сельскохозяйственного производства, который может быть направлен на развитие этого производства и является стимулом улучшения уровня качества его продукции. Развитие трудового потенциала – набор неиспользуемых либо неэффективно используемых ресурсов, связанных с использованием трудовых ресурсов сельскохозяйственного производства, который может быть направлен на развитие этого производства. Под резервами использования материальных ресурсов понимается набор неиспользуемых либо неэффективно используемых ресурсов, связанных с использованием материальных ресурсов сельскохозяйственного производства, который может быть направлен на развитие этого производства. Под резервами использования финансовых ресурсов понимается набор неиспользуемых либо неэффективно используемых ресурсов, связанных с использованием финансовых ресурсов сельскохозяйственного производства, который может быть направлен на развитие этого производства. В качестве резервов повышения качества и конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции можно предположить набор неиспользуемых либо неэффективно используемых ресурсов, связанных с повышением качества и конкурентоспособности продукции, который может быть направлен на развитие этого производства и является стимулом улучшения уровня качества его продукции.

Вторая группа «Резервы совершенствования управления производством и организацией в целом» укрупненно включает следующие подгруппы: совершенствование организационной и функциональной структуры управления, управляемой системы и информационного обеспечения организации. Рассмотрим эти элементы подробно. Совершенствование организационной и функциональной структуры управления – набор неиспользуемых либо неэффективно используемых ресурсов, связанных с системой управления сельскохозяйственного производства, который может быть направлен на развитие этого производства и является стимулом для оптимизации системы управления. Под совершенствованием управляемой системы понимается набор неиспользуемых либо неэффективно используемых ресурсов, связанных с оптимизацией процесса управления производством организаций, который может быть направлен на его развитие. Совершенствование информационного обеспечения организации – это набор неиспользуемых либо неэффективно используемых ресурсов, связанных с информационным обеспечением организации, который может быть направлен на развитие его производства и является стимулом улучшения уровня качества его продукции.

Третья группа «Резервы совершенствования коммерческой деятельности организации» укрупненно включает следующие направления:

1) развитие маркетинговой деятельности – набор неиспользуемых либо неэффективно используемых ресурсов, связанных с использованием маркетин-

говых инструментов организацией, который может быть направлен на повышение объема продаж организации и является стимулом для создания и поддержания благоприятного имиджа организации;

2) совершенствование системы обеспечения производства ресурсами – набор неиспользуемых либо неэффективно используемых ресурсов, связанных с реализацией снабженческих функций организации, который может быть направлен на оптимизацию работы с поставщиками товаров (работ, услуг) и является стимулом улучшения уровня качества поставляемых товаров (работ, услуг);

3) совершенствование логистики – набор неиспользуемых либо неэффективно используемых ресурсов, связанных с эффективным построением логистических цепочек сельскохозяйственного производства, который может быть направлен на развитие рационального процесса продвижения товаров (работ, услуг) от поставщиков сырья к потребителям и является стимулом улучшения уровня качества инфраструктуры товародвижения организации.

Использование классических функций управления применительно к производственным резервам рассматривается в работе В.А. Матвеева [2, с. 6, 7, 14], однако лишь в отношении промышленных предприятий и для обоснования группы показателей, определяющих использование резервов эффективности управления промышленным предприятием, ранжируемых по основным и конкретным функциям управления. Мы же предлагаем использовать классические функции управления для управления производственными резервами: планирование, организацию, координацию, контроль и мотивацию. При этом планирование процесса управления производственными резервами сельскохозяйственной организации – это диагностика выявления производственных резервов сельскохозяйственной организации, совершенствование методов использования уже применяемых производственных резервов и повышение отдачи от использования за счет выявления новых возможностей, условий и факторов. Организация процесса управления производственными резервами организации подразумевает использование управленческих методов для реализации производственных резервов организации. Координация процесса управления производственными резервами организации – это обеспечение системного подхода в управлении производственными резервами сельскохозяйственной организации и согласованность в работе всех элементов системы управления путем рационализации коммуникации между ними. Функция контроля за системой управления производственными резервами организации предусматривает определение экономической эффективности при внедрении производственных резервов в деятельность организации и на стадии претворения в жизнь корректировки планов в случае их серьезного отклонения от первоначального плана. Последняя, пятая, функция «мотивация процесса управления производственными резервами организации» предусматривает стимулирование трудовых ресурсов организации для выявления и внедрения производственных резервов в организации.

Перечисленные функции реализуются в процессе управления производственными резервами организации через методы управления. Взяв за основу традиционную классификацию методов управления и применив ее в отношении производственных резервов, можно выделить следующие категории:

экономические методы управления производственными резервами организа-

ции – реализуются через стимулирование работников с целью выявления резервов на предприятии, разработки инструментов их реализации, внедрения их в практику предприятия и получения экономического эффекта;

административные методы управления производственными резервами организации – реализуются через внедрение системы управления производственными резервами и контроль за ее функционированием;

социально-психологические методы управления производственными резервами организации – реализуются посредством воздействия на неэкономические интересы работников и создания системы моральных и эмоциональных стимулов, поддержания системы управления производственными резервами.

Критерием оценки эффективности управления производственными резервами организации может служить экономия затрат материальных, финансовых и других видов ресурсов применительно к деятельности организаций.

Изучение различных взглядов исследователей на принципы управления производственными резервами позволило выделить позиции двух авторов, которые фундаментально проанализировали этот вопрос, – Э.В. Георгиевского, В.Ф. Данишевского, однако в их работах исследовались резервы промышленных предприятий и не учитывалась специфика функционирования организаций. С нашей точки зрения, в основу функционирования системы управления производственными резервами организации могут быть положены следующие принципы (таблица).

**Принципы системы управления
производственными резервами организации**

Принцип	Содержание принципа
Системности	Существует совокупность подсистем, процессов и элементов, которые при взаимодействии обеспечивают качественное функционирование системы управления производственными резервами организации
Адаптивности (гибкости)	Система должна изменяться под влиянием внешних и внутренних факторов и быть адекватной текущей ситуации
Экономичности	Система должна функционировать с наименьшими затратами ресурсов на нее, но при этом быть результативной и рациональной
Своевременности	Своевременное принятие решения и реализации имеющихся резервов организации
Результативности	Высокая отдача от системы должна сопровождаться минимальными затратами времени и ресурсов
Обратной связи	Система должна сохранять устойчивые внутренние связи между субъектом и объектом управления данной системой с целью координации управленческих действий
Научности	Применение научных подходов при разработке и внедрении данной системы в практику организации
Эффективности	Система должна позволять сокращать расходы организации и повышать ее прибыльность
Мотивации	Система должна создать эффективный мотивационный механизм, стимулирующий работников организации эффективно внедрять данную систему в организации

Особенность исследования управления производственными резервами заключается в использовании системного и динамического методологических под-

ходов. Суть применения *системного подхода* в данном случае состоит в выявлении имеющихся производственных резервов в организации производится с учетом ее целостности. Выявляются все виды имеющихся производственных резервов организации и при данном развитии науки и техники определяется возможность их реализации в исследуемой организации. Иными словами, системный подход при исследовании производственных резервов организации должен основываться на анализе каждого элемента организации и на анализе механизмов взаимодействия между всеми элементами, с учетом интересов всех хозяйствующих субъектов внутри организации. Изучение производственных резервов организации осуществляется с позиций взаимодействия элементов системы управления внутри организации, а также взаимодействием организации с внешней средой. В процессе анализа на основе системного подхода система выделяется из среды, определяются состав и структура системы, ее функции, свойства, системообразующие факторы, взаимосвязи со средой, а затем, в процессе синтеза, строится модель реальной системы управления производственных резервов организации.

Для начала необходимо определить имеющиеся резервы организации, далее – исследовать систему управления организацией. При выявлении резервов следует использовать механизм, основанный на системном подходе (рис. 1).

Рис. 1. Механизм выявления производственных резервов организации

В процессе анализа имеющихся производственных резервов организации на основе системного подхода необходимо учитывать следующее:

- производственные резервы организации могут быть классифицированы на резервы использования трудовых, материальных, финансовых ресурсов;
- взаимодействие между элементами системы управления организации осуществляется в отношении производства сельскохозяйственных товаров;
- на характер производственных резервов организации влияет ее развитие и использование в ее деятельности современных инноваций.

Системный подход, применяемый для исследования производственных резервов организации, основывается на использовании целого ряда общенаучных методов: индукции, дедукции, анализа, синтеза, аналогии, обоснования, типологии, гипотетико-дедуктивного метода и других.

Наряду с этим процесс управления производственными резервами организации носит динамический характер. Соответственно, систему управления производственными резервами организации необходимо рассматривать в условиях постоянного развития. Это обстоятельство лежит в основе *динамического подхода*. Следовательно, во внимание должны приниматься ранее полученные результаты применения механизма выявления резервов организации, развитие науки и техники в области сельского хозяйства, современные экономические условия жизнедеятельности организации.

Анализ исследований в области управления производственными резервами организации позволил выделить интересные разработки ряда авторов. Так, Э.В. Георгиевский под управлением резервами понимает целенаправленное воздействие на объект управления резервами для стабилизации текущего состояния и приведения основных характеристик объекта в соответствие со стратегией его деятельности [3, с. 13–14]. В его работе представлены основные элементы системы управления резервами, повышения эффективности деятельности предприятия, основанные на классификации резервов на внутрипроизводственные и внепроизводственные. Основным недостатком работы является рассмотрение целей, принципов и моделей только в приложении к внутрипроизводственным резервам. Н.В. Щербакова [4, с. 18] в своих научных работах предложила методические рекомендации по реализации механизма управления резервами. Другие авторы, занимающиеся этой проблематикой, определили принципы управления резервами (В.Ф. Данишевский [5, с. 27]); раскрыли понятие «резервы» и предложили их классификацию, выделили стадии создания системы управления резервами (А.С. Малютин [6, с. 13–14]); установили алгоритм диагностики и оценки резервов эффективности управления (В.А. Матвеев [2]).

К особенностям управления производственными резервами организации в современных условиях можно отнести: специфический характер резервов; необходимость учитывать состояние современных технических средств, сортов сельскохозяйственных средств, пород животных и т.п.; повышенную рискованность деятельности организаций (рис. 2).

Рис. 2. Особенности системы управления производственными резервами организации

Стадии процесса разработки и внедрение системы управления производственными резервами организации должны включать семь этапов (рис. 3).

Рис. 3. Стадии процесса разработки и внедрение системы управления производственными резервами организации

Система управления производственными резервами организации должна быть встроена во все бизнес-процессы организации, а именно необходимо создать систему планирования и использования производственных резервов, которая будет частью общей системы планов организации. Алгоритм работы системы должен включать семь этапов:

- 1) разработка механизма выявления производственных резервов организации;
- 2) составление стратегических планов по реализации производственных резервов;
- 3) оценка эффективности реализации производственных резервов в сельскохозяйственной организации;
- 4) прогнозирование будущего результата;
- 5) подготовка и реализация плана мероприятий по внедрению выявленных производственных резервов;
- 6) сопоставление полученных результатов с плановыми показателями по группам резервов;
- 7) оценка конечного результата и постановка новых задач.

Положительные результаты подтверждают правильность разработанных мероприятий и достижение поставленных целей; отрицательные – свидетельствуют о недостаточной эффективности разработанных мероприятия и о необходимости реализовать обозначенный алгоритм снова. При этом система должна не только выявлять и реализовывать имеющиеся производственные резервы сельскохозяйственной организации, но и разрабатывать рациональные и обоснованные нормы резервных запасов и выявлять фактические запасы – их реальную потребность, разрабатывать меры по устранению всякого рода потерь и нерациональных затрат и обеспечивать использование всех достижений научно-технического прогресса в сельском хозяйстве и других отраслях агропромышленного комплекса.

Библиографический список

1. Сидорова Е.Ю., Огороков Д.С. Направления развития повышения эффективности деятельности сельскохозяйственных предприятий // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. Воронеж, 2014. № 4.
2. Матвеев В.А. Содержание и классификация резервов эффективности управления промышленным предприятием // Вестник Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 9.
3. Георгиевский Э.В. Основные методологические принципы выявления резервов производственно-хозяйственной деятельности предприятия // Наука и образование: межвуз. сб. Вып. 4: Общество и экономика. М., 2006.
4. Щербакова Н.В., Щербакова Н.В. Актуальные подходы к резервированию активов строительной организации // Вестник университета (Государственный университет управления). М., 2010.
5. Данишевский В.Ф. Управление резервами на допроизводственной стадии изготовления продукции // Материалы заседания учебно-методического совета УМО. Волгоград, 2002.
6. Малютин А.С. Резервы эффективности в хозяйственном механизме предприятий (теория и практика). Чебоксары, 2010.

**L.B. Gatsalova, L.K. Parsieva
Implementation
of Socio-Economic
Employment Policy
in the Republic
of North Ossetia – Alania**

The mechanism of socio-economic policy of the State in the aspect of adaptation at the regional level is analyzed, and the reasons for ineffective use of available human resources in the regions, poor living conditions, and lack of social support are considered. Special attention is given to identifying opportunities for the region to enhance employment programs, and align the demographic indicators in the Republic of North Ossetia – Alania.

Key words and word-combinations: regional economy, employment, labor migration, labor market, demographics.

Анализируется механизм социально-экономической политики государства в аспекте адаптации ее на региональном уровне. Рассматриваются причины неэффективного использования имеющихся в регионах трудовых ресурсов, низкого уровня жизни, слабой социальной поддержки населения. Особое внимание уделено определению возможностей региона в расширении программ занятости населения, выравнивания демографических показателей в Республике Северная Осетия – Алания.

Ключевые слова и словосочетания: региональная экономика, занятость, трудовая миграция, рынок труда, демография.

УДК 316.334.2:331
ББК 60.561.2+65.24

Л.Б. Гацалова, Л.К. Парсиева

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ

Регionalная политика занятости является составной частью социально-экономической политики государства. Более того, в условиях рыночной экономики государство призвано проводить политику, направленную на реализацию прав граждан в области содействия полной, эффективной и свободно избранной занятости в интересах роста уровня и качества жизни населения и повышения эффективности экономики. Реализация данной политики обуславливает и возможности регулирования полностью связанных с нею социальных сфер, таких, как поддержка и социальная защита многодетной семьи, миграция, выравнивание демографических показателей и т.д. Только с учетом региональной специфики и результатов системно-интегративного анализа региональных целевых программ по всем указанным сферам можно прогнозировать эффективность их реализации [1, с. 438].

Особенно актуально решение данной проблемы для республик Северного Кавказа, в которых продолжающийся спад производства и слабая эффективность программ занятости вызывают усиление миграционных потоков, подрывают политику государства в отношении урегулирования демографических проблем (в каждой из республик Северо-Кавказского федерального округа они разные), попутно детерминируя вопросы культурной адаптации северокавказских этносов в общероссийское

пространство. Вследствие этого определение мер, направленных на усиление эффективности мероприятий по расширению рынка труда в конкретном регионе с учетом его социально-экономических условий, снятие напряженности в сфере занятости населения, улучшение демографических показателей и обеспечение социальных гарантий, повышающих статус многодетной семьи, является крайне актуальным.

Исследованию теоретических основ проблем регулирования рынка труда, занятости и безработицы посвящены работы отечественных и зарубежных ученых Л.И. Абалкина, А.Г. Аганбегяна, М.А. Винокурова, С.Н. Злунко, И.С. Маслово, Э.Р. Саруханова, В.В. Чембровского, Дж.М. Кейнса, Т. Мальтуса, А. Смита, А. Пигу, М. Фелдстайна и других. Формирование рынка труда и механизмы регулирования занятости в период социально-экономической трансформации анализировались в работах М.И. Воейкова, В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников, Т.М. Малевой, Ю.Г. Одегова, И.В. Соболевой, А.А. Ткаченко, Т.Я. Четверниной и прочих. Данными авторами рассмотрены вопросы адаптации населения к меняющимся условиям занятости, анализировалась эффективность государственной политики на российском рынке труда и роль службы занятости населения как ведущего субъекта ее реализации.

Проблемы миграции населения в России, ее регулирования и влияния на занятость населения и рынок труда были освещены в работах М.Б. Денисенко, Ж.А. Зайончковской, В.И. Мукомеля, В.И. Переведенцева и других исследователей. Анализом проблем занятости как составного элемента социальной политики во взаимосвязи с политикой доходов, поддержки семей занимались Н.М. Римащевская, Л.С. Ржаницина, В.Д. Роик, М.С. Токсанбаева и другие ученые. Существенный вклад в исследование вопросов адаптации государственной политики к рискам и вызовам в сфере занятости, сопряженным с неизбежным усилением экономической нестабильности под воздействием глобализационных процессов, изучению особенностей функционирования регионального рынка труда, проблемам структурной и функциональной асимметрии социально-экономического развития российских регионов и различным аспектам управления устойчивым развитием региона, внесли ученые-регионоведы В.Ю. Ашхотов, С.С. Бадмаев, С.С. Галазова, М.Г. Ганапольский, Д.А. Еделев, Т.П. Елисеева, Б.Т. Моргоев, Н.Н. Новоселова, А.А. Татуев, С. Г. Тяглов, А.Х. Шидов, В.И. Яковлев. В то же время остается нерешенным ряд проблем научно-практического плана, связанных не только с демографическими, социально-экономическими особенностями региона, но и с постоянно возникающими задачами в государственном регулировании рынка труда, решении проблем занятости на региональном уровне [2].

Анализ результативности республиканских целевых программ по снижению напряженности на рынке труда в Республике Северная Осетия – Алания помог бы выявить возможные ошибки в практике их внедрения, а также своевременно откорректировать механизм их реализации. Социальная острота проблемы действенной работы службы занятости, ее недостаточная изученность и разработанность применительно к новым условиям развития экономики, необходимость совершенствования методов регулирования занятости и рынка труда путем улучшения деятельности государственной службы занятости требуют тщательного исследования.

В последние годы в Республике Северная Осетия – Алания принято множество республиканских целевых программ, направленных, в первую очередь, на снижение напряженности на рынке труда, поддержку самозанятости населения, развитие малого бизнеса и фермерских хозяйств:

- «Программа содействия занятости населения Республики Северная Осетия – Алания на 2012–2014 годы»;
- «Программа дополнительных мер снижения напряженности на рынке труда Республики Северная Осетия – Алания в 2011 году»;
- «Развитие семейных животноводческих молочных ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств на 2012–2014 годы»;
- «Развитие туристско-рекреационного комплекса Республики Северная Осетия – Алания на 2012–2018 годы»;
- «Поддержка начинающих фермеров в Республике Северная Осетия – Алания на 2012–2014 годы» и т.д.

Основными мероприятиями программ содействия занятости и самозанятости являются следующие: 1) поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства; 2) опережающее профессиональное обучение работников в случае угрозы увольнения; 3) содействие самозанятости безработных граждан и стимулирование создания безработными гражданами, открывшими собственное дело, дополнительных рабочих мест для трудоустройства безработных граждан; 4) содействие трудоустройству инвалидов, родителей, воспитывающих детей-инвалидов, многодетных родителей; 5) организация стажировки в целях приобретения опыта работы выпускников образовательных учреждений; 6) организация подготовки, переподготовки, повышения квалификации, стажировки работников организаций, безработных граждан. Кроме того, учитываются механизмы стимулирования работодателей, осуществляющих деятельность в других регионах с привлечением безработных граждан Северо-Кавказского федерального округа; оказание адресной поддержки гражданам, обратившимся в органы службы занятости в целях поиска работы, включая организацию их переезда в другую местность для замещения рабочих мест, создаваемых в рамках реализации федеральных целевых программ и инвестиционных программ.

Особого внимания заслуживают программы, разработка которых потребовала немалых финансовых затрат. По своей значимости именно они должны определять векторы развития всего региона на многие годы: «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года», «Стратегии социально-экономического развития Республики Северная Осетия – Алания до 2025 года».

Над решением проблем занятости активно работают в различных министерствах, комитетах, центрах, таких, как: Межрегиональный ресурсный центр Северо-Кавказского федерального округа, Комитет по занятости населения Республики Северная Осетия – Алания, центры занятости населения, координационные комитеты содействия занятости населения, Министерство экономического развития Республики Северная Осетия – Алания, Министерств труда и социального развития Республики Северная Осетия – Алания и подобных.

Именно от работы этих ведомств и организаций зависит успех в реализации

принятых программ не только по занятости, но и в аспекте поддержки многодетной семьи, регулировании миграционных потоков, преодолении демографического дисбаланса в регионе, а также решения многих других вопросов, связанных с социальной политикой и социальной защитой населения.

Проблема актуализируется не только продолжающимся мировым экономическим кризисом, но и сменой идеологических парадигм (мультикультурализм и толерантность vs национализм и сохранение национальной идентичности коренных народов), усилением в последнее время тенденций ксенофобии по отношению к выходцам с Кавказа, межкультурными и межконфессиональными конфликтами.

Реализация концепции трудоустройства населения Северного Кавказа за пределами Северо-Кавказского федерального округа при помощи Межрегионального ресурсного центра, специально созданного для этих целей в 2011 г., подвергается объективной критике именно по причинам, указанным ранее, главными из которых являются: межэтническая напряженность и отсутствие механизма адаптации мигрантов к условиям новой трудовой и бытовой среды, низкая заработная плата, неготовность местного населения «принять» в свое общество представителей иной культуры и религии, даже если так называемые «чужаки» претендуют на крайне непрестижные и низкооплачиваемые места [1].

Эффективность перечисленных программ, реализация которых требует больших финансовых вложений, крайне низкая: на переобучение, стажировку, повышение квалификации из одной, уже невостребованной, профессии в другую, непрестижную, низкооплачиваемую и бесперспективную, специальность уходят миллионы рублей; мероприятия по программам самозанятости малорезультативны в регионе с высоким уровнем коррупции и низкими доходами населения и т.д. В то же время официальная статистическая отчетность по безработице, индексу промышленного производства, уровню средней заработной платы в Республике Северная Осетия – Алания, «демонстрирующая неплохие, на первый взгляд, результаты деятельности региональных властей, к реалиям, подтверждаемым рейтингом данного субъекта среди других субъектов РФ, привязаны очень слабо» [2, с. 30].

На современном этапе большое значение имеет и системное обновление образования, создание соответствующих условий обучения [3]. Произошедшие в последние годы экономические и организационные трансформации привели к изменениям во взаимоотношениях между высшими учебными заведениями и предприятиями, государственными и негосударственными организациями в вопросах подготовки молодых специалистов высшей квалификации. Сегодня отсутствует система государственного распределения выпускников вузов, а предприятия и организации самостоятельно определяют свою кадровую политику. Это сопровождается, с одной стороны, общим сокращением численности рабочих, а с другой – более высокими требованиями к вновь принимаемым на работу. Во многих случаях предпочтение отдается специалистам с трудовым стажем и с опытом работы. Одной из проблем, связанных с изменениями на рынке труда, явилась проблема угрозы безработицы для молодых специалистов, оканчивающих вузы. Выпускники вузов стали одной из слабозащищенных в

социальном отношении групп населения [4]. Сегодня можно говорить о существовании «следующих групп противоречий на рынке труда молодых специалистов с высшим образованием: между социальными и профессиональными ориентациями молодежи и потребностями предприятий, организаций и фирм в рабочей силе; между задачей повышения эффективности подготовки вузам молодых специалистов и существующих системой вузовской подготовки; между теоретической подготовкой выпускников и отсутствием необходимых навыков практического использования полученных знаний; между жизненными и профессиональными планами выпускников и реальными возможностями их осуществления; между интересами развития отдельного предприятия и интересами общества» [5, с. 101–102]. Соответствие сформированных у выпускников компетенций основным видам профессиональной деятельности крайне важно при решении вопросов трудоустройства [6].

Основной целью региональной политики занятости должно стать обеспечение рабочими местами внутри субъекта, развитие производственной базы самой республики, реальная долгосрочная и краткосрочная программы (а не очередная высокобюджетная «стратегия») развития экономики. При множестве принятых республиканских целевых программ, демонстрирующих «активность» исполнительной и законодательной власти по вопросам занятости, реальная ситуация остается весьма депрессивной и в значительной мере способствует развитию социальной напряженности и усилению миграционных потоков.

Библиографический список

1. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Инновационные подходы регулирования региональной политики занятости в условиях экономической нестабильности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5.
2. Созанов В.Г. Системное обновление // Аккредитация в образовании. 2010. № 5 (40). С. 61–63.
3. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Социально-аксиологические ориентиры современного российского социума // В мире научных открытий. 2013. № 11.6 (47). С. 28–31.
4. Чернышкіна Н.Я. Трудоустройство выпускников вузов: опыт социологического анализа // Вестник ПАГС. 2013. № 6 (39). С. 59–63.
5. Бурляева В.А. Рынок труда и трудоустройство молодых специалистов // Успехи современного естествознания. 2010. № 3. С. 101–104.
6. Бурляева В.А., Чебанов К.А. Мониторинг удовлетворенности населения и работодателей качеством и доступностью образовательных услуг // Теория и практика общественного развития. 2014. № 5. С. 53–59.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

K.S. Mokin, N.A. Baryshnaya
Migration as a Process
of Regional Ethno-Political
Structure Formation

Based on the empirical research carried out under the Russian Academy of Sciences, major problems of immigration aspirations of the Saratov Region residents are outlined. For the first time the problem of social citizenship / inclusion of incoming immigrants in the regional society is analyzed. Basic mechanisms of using ethnicity as an essential instrument of economic, social, and cultural mobilization are revealed.

Key words and word-combinations: migration, social citizenship, ethnic-demographic replacement, structural competition, region, social structure, social processes, public opinion.

На основе эмпирических исследований, проведенных под руководством Российской академии наук, очерчены основные проблемы иммиграционных устремлений жителей Саратовской области. Впервые анализируется проблема социального гражданства / инклюзии прибывающих в региональное сообщество иммигрантов. Раскрываются основные механизмы использования этничности как основного инструмента экономической, социальной и культурной мобилизации.

Ключевые слова и словосочетания: миграция, социальное гражданство, этнодемографическое замещение, структурная конкуренция, регион, социальная структура, социальные процессы, общественное мнение.

УДК 316.34/35(470.44)
ББК 60.54(2Рос-4Сар)

К.С. Мокин, Н.А. Барышная

МИГРАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНА*

Современной российской миграционной политике не достает целостного представления о миграционных рисках и способах управления ими. Важные общегосударственные решения в области миграционной политики и региональная управленческая деятельность до настоящего времени основываются на экспертных суждениях, а не на данных фундаментальных исследований.

В настоящее время органы государственной власти Российской Федерации, в веде-

* Статья написана в рамках исследования при поддержке РФФИ, проект № 14-06-00117 «Миграционные риски России: анализ интеграционных перспектив», методическая разработка: ИЭА РАН и Сеть этномониторинга EAWARN. Исследование проводилось в Саратовской области. Выборка квотная, репрезентативная по полу и возрасту. Всего опрошено 200 человек в соответствии с заданными квотами, 100 экспертов (сотрудников органов власти, НКО, научных сотрудников).

нии которых находятся ресурсы и рычаги управления миграционной сферой, стоят перед проблемой перехода на новую стратегию, и уже принят соответствующий правовой документ с определением целей на длительную перспективу [1]. Однако, как и прежде, превалирует принцип оперативного управления, а не комплексный исследовательский подход. Особая опасность такого метода – в желании искусственно стимулировать адаптацию иностранных мигрантов, причем под адаптацией понимают превращение гастарбайтера в «россиянина» через язык, государственную лояльность и освоение российской бытовой культуры.

Задача адаптации мигрантов обусловлена опасениями, что трудовая миграция в качестве демографического ресурса не принесет пользу России и может породить конфликты. При этом непродуманные решения по принудительной адаптации сами могут ускорить такой исход событий. Следовательно, очевидна необходимость фундаментальных исследований в области миграционных рисков. Так, в 2014 г. по заказу Российской академии наук проведено эмпирическое исследование, включавшее опрос общественного мнения жителей Саратовской области по проблеме восприятия миграционных процессов, опрос экспертов и анализ существующего информационного поля. Инструментарий массового и экспертного опроса разработан Институтом этнологии и антропологии РАН, Центром этнополитических исследований.

Результаты анализа общественного мнения по оценке мобильности показали, что основным детерминирующим фактором миграционных перемещений жителей Саратовской области является экономическая целесообразность переезда в другие регионы России. Так, почти $\frac{1}{3}$ опрошенных (29%) заявили о своем желании уехать в другой регион на длительный срок или на постоянное проживание. Безусловным лидером в выборе территории будущего проживания выступают Москва и Московская область, на втором месте – Санкт-Петербург, на третьем – города юга России: Краснодар, Ростов-на-Дону и другие).

Лица среднего и старшего возраста, имеющие устойчивый заработок, семью, жилье (своего рода социальные «якоря», фиксирующие позицию инертного сохранения существующего социального и экономического капитала (своего и своей семьи)) заявили о нежелании уехать, в то время как более молодые ориентированы на зарабатывание этого капитала, в том числе и в других регионах России.

Характерным аспектом, выделенным в процессе эмпирического исследования, стал уровень самоидентификации респондентами себя как жителей страны. Так, 94% опрошенных считают, что, несмотря на существующие различия в уровнях дохода, образования, месте и условиях работы и проживания, необходимо позиционировать себя только как гражданина страны. Отчасти это связано с психологической мобилизацией в контексте событий на юго-востоке Украины и, соответственно, активным информационным воздействием массмедиа на жителей региона, в котором подчеркивается необходимость осознания себя как члена государства. Лишь 4% респондентов заявили о необходимости позиционирования себя как представителя отдельной национальности и 1,4% – как представителя той или иной территории. Такой высокий уровень гражданской (социальной) идентичности, на наш взгляд, объясняется стремлением к унификации различий (этнических, культурных, лингвистических и т.д.), что

серьезно упрощает систему социальных, политических и экономических отношений «в глубинке», с одной стороны, а с другой – демонстративным проявлением лояльности к государству (а значит, и проявлением декларируемой самоидентификации).

По сути, вопрос принадлежности к государству (наличие статуса гражданина) делит общество на две части: «гражданин (свой)» и «негражданин (чужой)» со всеми вытекающими из этого коннотациями. «Свой» – тот, кто владеет языком (русским), разделяет доминирующие в обществе ценности, образ жизни (как правило, городской), не пытается продемонстрировать свою инокультурную инаковость и «согласен» с доминирующим дискурсом как в приватном, так и в публичном пространстве. «Чужой» – это, как правило, фенотипически отличный от местного населения, не владеющий языком местного сообщества и не принимающий норм и ценностей локального сообщества. Подобное разделение не только маркирует систему дихотомических отношений, но и ее конфигурирует. В зависимости от степени лояльности к государству и местному сообществу происходит разделение «чужих» на близких (в отношении с кем, как правило, не возникает проблем), и «иных» (тех, кого местное, локальное сообщество вне зависимости от юридического статуса гражданства отторгает).

Так, образованные представители стран Закавказья (Армении, Азербайджана, Грузии), хорошо знающие русский язык и владеющие социально значимыми профессиями (например врач, педагог), достаточно быстро и успешно интегрируются в местное сообщество, в то же время представители Северного Кавказа (граждане России), выполняющие сезонные работы в сельском хозяйстве или на стройках, вызывают отторжение и неприятие.

Важнейшим аспектом выстраивания отношений между мигрантами и принимающим сообществом также выступает опыт личных отношений местного населения с иммигрантами. Лишь немногим (около 10%) из местного населения в повседневной жизни, с определенной частотой, приходится сталкиваться с иностранными трудовыми мигрантами. Подавляющее большинство (72%) никогда с ними не сталкивались либо не воспринимали встреченных как иммигрантов. Подобная ситуация является вполне объяснимой.

В Саратовской области, являющейся транзитным узлом миграционного трафика «Восток – Запад», много сезонных (экономических, циклических) мигрантов, и все они, как правило, если работают в публичной сфере, то обладают достаточной языковой компетенцией, навыками публичного общения, знают особенности социальной и бытовой жизни. Соответственно, местное население их чаще всего воспринимает как «своих», приехавших из восточных (пограничных) районов региона. В других случаях инокультурные мигранты, прибывшие для работы на стройке или иные работы, практически «не видны», поскольку подавляющее время находятся (работают, проживают) на территории объектов строительства, где для них создается вся необходимая инфраструктура. Ярким примером может являться участие более тысячи иностранных трудовых мигрантов в строительстве завода «Северсталь» в г. Балакове. На территории стройки были построены общежития (вагончики), столовая (с националь-

ной кухней), которая являлась своего рода клубом, где шел обмен информацией и просмотр национальных каналов. Раз в неделю несколько человек (как правило, представители «бригад») отвозили в город на рынок, где они покупали все необходимое, а затем их привозили обратно. Нахождение на территории муниципального района жестко контролировалось Федеральной миграционной службой, проводившей еженедельные проверки. По окончании строительства все иностранные мигранты были отправлены на родину. Иначе говоря, иностранные трудовые мигранты почти не присутствуют в публичной сфере конкретного локального сообщества.

Положительно относится к возможности активного привлечения мигрантов для малоквалифицированной работы в жилищном хозяйстве (уборка подъездов, вывоз мусора, чистка дороги и т.д.) $\frac{1}{3}$ опрошенных (32,5%), практически столько же (31%) нейтрально (безоценочно) воспринимают эту возможность. На наш взгляд, подобные оценки являются результатом устоявшихся стереотипных суждений, что, во-первых, работа в сфере жилищно-коммунального хозяйства не требует специальной (высокой и / или средней) квалификации, а во-вторых, работа в данном секторе занятости не является социально статусной и приемлемой для значительной части населения. При этом значимость коммунального обслуживания многоквартирных домов в городе никто не отрицает. В контексте подобной логики использование труда иностранных мигрантов, по мнению респондентов, выглядит вполне оправданным, поскольку позволяет решить, с одной стороны, вопросы обслуживания значительной части населения, а с другой, по их убеждению, – это сегмент занятости, когда их «просто не видно».

Менее однозначно население воспринимает возможность работы иностранных трудовых мигрантов в больницах и поликлиниках в качестве младшего персонала (санитарок, техничек и т.д.). Только 18% респондентов одобряют эту возможность, 21% – воспринимают это нейтрально, а более половины (59%) категорически возражают против идеи допуска «чужих» в сферу медицины, даже в качестве низового звена обслуживания.

Однако идея использования мигрантов на должностях младшего медицинского персонала активно обсуждается среди работников медицины, которые отмечают хроническую нехватку санитарок и медсестер. Главные врачи и руководители отделений готовы трудоустроить мигрантов на данные должности, но существующая система трудоустройства (прохождение медкомиссий, ограничение на пребывание в стране) не позволяют это реализовать. Например, в системе здравоохранения г. Балакова в настоящее время вакантными являются более 200 должностей младшего медицинского персонала, с уровнем оклада 5–7 тыс. рублей. Вполне естественным в этих условиях выглядит, что никто из местных жителей на такую работу не идет, поскольку реальный прожиточный минимум (оплата жилья, коммунальные услуги и питание) в городе составляет не менее 15–17 тыс. рублей. Вследствие этого данная ниша заполняется либо пенсионерами, ищущими подработку, либо неофициально «теми самими» мигрантами, но без официального оформления всех документов. Сложившаяся система сепарации медицинских кадров, условия работы, размер оплаты труда

практически обрекла государственные медицинские учреждения на постоянный «кадровый голод», особенно на низовом и среднем уровнях.

Еще более отрицательно респонденты (местные жители) воспринимают идею потенциального трудоустройства мигрантов охранниками школ или детских садов. Лишь 9% опрошенных оценили данную идею положительно. Крайне негативно к подобному предложению отнеслись 75% опрошенных, что объяснимо, ведь дети воспринимаются как ключевой элемент системы социальных, культурных и экономических отношений и являются основой построения всей ценностно-мотивационной структуры локального сообщества. Любая потенциальная угроза (мигранты и являются носителями «скрытой» угрозы в повседневном дискурсе основной массы населения) в отношении детей воспринимается местными жителями как угроза реальная и объективная. Это, в свою очередь, проецируется на реальные повседневные практики, оценки событий, формируя, таким образом, «бытовой контекст» этноцентризма. Идет жесткое, негласное разделение на «своих» и «чужих». Близость в этом случае определяется готовностью доверить самое дорогое – детей – «своим», которые действительно сделают все, чтобы оберегать ребенка. Характерно, что здесь критерий этнической идентификации играет малозначимую роль, а ключевым становится политико-гражданская лояльность (юридическое и социальное гражданство). Местное население, обладающее «этническим дальтонизмом», с трудом может отличить, например, казаха от узбека, а таджика от азербайджанца. Но при этом ключевым аспектом, определяющим степень доверия, выступает декларируемая мигрантом / иммигрантом поддержка существующего локального социального дискурса. Иначе говоря, – поддержка мигрантом / иммигрантом демонстративного проявления социальной лояльности сообществу, готовность следовать правилам и нормам, негласно установленным в городе / поселке / поселении, и следование предписанным (индокринирующим) нормам отношений («если я “иной”, я должен делать “так”»).

В подобной модели межкультурного взаимодействия роль СМИ трудно переоценить. Несмотря на все усилия властей и экспертов в области кросскультурной коммуникации, массмедиа продолжают выступать мощнейшим инструментом воздействия на местное население. В частности, благодаря СМИ постоянно ротируется и поддерживается миф, что «приезжие из других регионов России или государств отнимают места у местных жителей». Более половины респондентов (55%) разделяют подобную точку зрения, хотя при этом, практически, никто из давших такую оценку, не сталкивался в реальной жизни с иностранными трудовыми мигрантами и, тем более, не испытывал конкуренции с ним на рынке труда. Почти $\frac{1}{3}$ населения (31,5%) уверены, что мигранты не представляют угрозы на рынке труда и, скорее всего, будут пополнять ниши малооплачиваемого, низкоквалифицированного труда, который необходим (строительство, ЖКХ и т.д.), но не востребован местными жителями как источник дохода / заработка.

Тем не менее идеологема «они забирают наши рабочие места» является сверхустойчивой, подпитываемой, с одной стороны, СМИ, а с другой – роти-

руемыми в локальном сообществе убеждениями, что в конечном итоге определяет не только способы восприятия мигрантов, но и реальные практики взаимодействия. При этом формула взаимодействия «свой» – «чужой» имеет не только культурологический и лингвистический контексты, но и политический. В частности, на вопрос об ограничении въезда в Россию из других государств минимальное количество голосов за ограничение было высказано в адрес жителей республик Беларуси, Казахстана и Украины. Последнее объясняется социально-политическими событиями на Украине.

Беларусь (84%) и Казахстан (70%) в обобщенном представлении жителей Саратовского региона являются близкими исторически, культурологически и, отчасти, лингвистически (подавляющее большинство респондентов знают, что, например, в Казахстане русский язык является вторым государственным). Это влечет за собой близость паттернов поведения как в публичном, так и в частном пространствах.

Украина в контексте геополитических событий основной массой населения воспринимается (72%) как «дружественная, союзная республика, которая подверглась фашистской оккупации». Именно через эту призму рассматриваются события на юго-востоке Украины, а историческая память большей части населения воспроизводит модели поддержки и взаимопомощи к пострадавшим. Опрошенные именно в отношении приезжих из этих трех стран менее всего выступают за ограничения их приезда / пребывания в стране и в регионе.

Однако наибольшее социальное «отторжение» в части возможности приезда и тем более в потенциальной возможности «проявления» в публичном пространстве локального сообщества вызывают представители стран Средней Азии и Закавказья. Здесь существенную роль играют доминирующий дискурс (укрепленные в общественном сознании стереотипы отношений местного населения с мигрантами) и историко-политический контекст событий и отношений с республиками этих регионов.

Оценивая дискурс об «этнической преступности», подразумевающий, что иностранные трудовые мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители, можно выявить следующее. Почти 40% опрошенных уверены, что это так. Подпиткой подобных фобий выступают местные и региональные СМИ, регулярно ротирующие истории о преступлениях, совершенных иностранными мигрантами: идеологема «этнической преступности» не только ротируема, но и в определенной степени востребована. Криминализация этничности (как и ее политизация) позволяет сформировать мобилизационный капитал в политическом и социальном пространстве. Идею «борьбы с этнической преступностью» регулярно используют на выборах местного и регионального уровней, с ее помощью поднимают рейтинги новостных передач и т.д. По сути, декларирование борьбы с «этнической преступностью» стало одним из механизмов легитимизации органов власти, силовых структур.

В этой ситуации вполне объяснимым является высокий уровень мигрантофобии и готовность значительной части населения (39%) к участию в политических формах протеста против иностранных мигрантов (пикеты, акции). При этом реальность подобных акций практически нулевая. Отметим, что в регионе

практически отсутствуют структуры (силы), способные на мобилизацию населения по подобным вопросам.

На наш взгляд, проблема мигрантофобии скорее связана с вопросами «социального гражданства», при котором иностранные граждане в социально-бытовом плане становятся «своими» (соседями, друзьями, коллегами по работе). В этих условиях, безусловно, ключевой является способность средств массовой коммуникации (как инструмента – телевидение, газеты, особенно Интернет) массовой мобилизации в условиях реальных (физических) конфликтов.

Таким образом, опираясь на результаты исследования, сделаем следующие выводы:

Во-первых, миграционные устремления жителей сообщества остаются достаточно высокими. При этом основным аспектом реализации миграционных устремлений выступает социальный (в том числе профессионально-образовательный) потенциал, а также личные / семейные связи, позволяющие минимизировать период адаптации в новых территориально-социальных условиях.

Во-вторых, несмотря на собственный миграционный опыт, жители местного сообщества не стремятся к «встречному» движению к нынешним мигрантам, полностью перекладывая затраты по интеграции и адаптации на плечи самих иностранных трудовых мигрантов. В подавляющем большинстве предполагаются лишь односторонние усилия – со стороны мигрантов, а не взаимное, диффузное, движение, при котором происходит взаимоизменение ценностно-мотивационных установок и паттернов поведения.

В-третьих, анализ результатов исследования убедительно показывает, что в доминирующем дискурсе мигранты воспринимаются как своего рода необходимый, но побочный трудовой ресурс. Предложенная респондентам модель создания системы центров поддержки и обучения мигрантов показывает, что, несмотря на свою востребованность, в определенной части она будет способствовать не столько интеграции, сколько сепарации.

В-четвертых, появление мигрантов в частично приватной сфере (больницы, школы) вызывает у основной части населения фобии и последующие за этим механизмы их канализации (дистанцирование, стремление к минимизации контактов, отторжение). В этих условиях наиболее приемлемым вариантом видится использование имеющихся наиболее эффективных инструментов этнокультурной политики (например, СМИ) на уровне локального сообщества и региона, которые позволили бы расширить интеграционный потенциал местных жителей за счет расширения представлений плюсов культурного, этнического и лингвистического разнообразия.

Библиографический список

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf>
2. Об утверждении «Концепции федеральной целевой программы “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России”»: распоряжение Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 1292-р. URL: <http://government.ru/media/files/41d47c4f0588b3037601.pdf>
3. Мокин К.С., Барышная Н.А. Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика. Саратов, 2009.

N.V. Prokazina, A.V. Isaev
**Interethnic and Transnational
Conflicts in the Estimates
of Mono-Ethnic Regions
Population**

Based on statistical data and the results of sociological research, the problems of interethnic and transnational relations in mono-ethnic regions are considered. The causes and the main directions of interethnic and transnational conflicts prevention are analyzed.

Key words and word-combinations: transnational relations, ethnic conflicts, tolerance, mono-ethnic region.

На основе статистических данных и результатов социологических исследований рассматриваются проблемы межнациональных и межэтнических отношений в моноэтнических регионах. Анализируются причины и основные направления предотвращения межнациональных и межэтнических конфликтов.

Ключевые слова и словосочетания: межнациональные отношения, межэтнические конфликты, толерантность, моноэтнический регион.

УДК 323.1:316.334.52
ББК 60.59+66.094

Н.В. Проказина, А.В. Исаев

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ МОНОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ

Эскалация межнациональных и межэтнических конфликтов, активизация одновременных разнонаправленных процессов глобализации и регионализации актуализируют процесс моделирования многоуровневых взаимодействий между политическими и социальными акторами с учетом их национальной, культурной и религиозной самобытности. Взаимодействие как процесс, зависящий от уровня (степени) соотношения интересов и целей тех или иных субъектов, может протекать в таких формах, как сотрудничество, диалог, соглашение, партнерство, индифферентность (безразличие), конфронтация, конфликт, господство и подчинение, соперничество [1, с. 20]. Данные формы имеют свое содержание и характеристики.

Наиболее оптимальной и конструктивной моделью равноправных отношений как зарубежные ученые (У. Бек, Дж. Бхагвати, У. Ганнерс, У. Макбрайд, Я.Н. Питерсе), так и отечественные исследователи (А.А. Ашхамова, С.Л. Бурмистров, В.С. Библер, А.А. Гусейнов, М.С. Каган, В.В. Миронов, В.С. Степин, В.И. Толстых) признают диалог и партнерство. Разделяя данную точку зрения, считаем, что указанные формы взаимодействия объективируются в проявлении толерантности. Это, в свою очередь, позволяет решить проблему межнациональных, межэтнических и межкультурных отношений без силового вмешательства и экономических санкций.

Необходимо учитывать, что международную правовую основу толерантности составляют нормы ст. 18, 19, 26 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), а также Декларация принципов терпимости (1995 г.), в основу которой положены многие пакты, конвенции и декларации (например, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным или языковым меньшинствам, и другие).

В России на государственном уровне отмечается особая актуальность целенаправленной работы по формированию толерантности среди граждан, а также по предупреждению, выявлению и пресечению межнациональных конфликтов и экстремистской деятельности. Так, в 2001 г. принята федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе на 2001–2005 годы»; с 2002 г. действует Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». В настоящее время приняты: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (2009 г.), Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012 г.), Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (2013 г.), федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (2013 г.).

В научном дискурсе активно обсуждаются теоретические и практические аспекты проявления толерантности. Специалисты рассматривают ее сущность с различных методологических позиций в рамках философии и культурологии (Ж.Б. Рыжова), социологии и политологии (И.И. Демидова, П.В. Масычев, А.В. Мозговая, Л.Н. Синельникова, М.Х. Хаджаров), психологии и педагогики (Т.П. Днепрова, Ф.В. Хугаева, С.Б. Фадеев).

Анализ работ позволяет согласиться с мнением А.А. Погодиной, что такая дефиниция, как «толерантность», отождествляется многими исследователями с понятием «терпение», однако данный термин означает не пассивное покорение мнению и действиям других акторов, а активную нравственную позицию и психологическую готовность к терпимости с целью позитивного взаимодействия с людьми иной культуры, национальности, религии или социальной среды [2].

Важно подчеркнуть, что формы взаимодействия объективируются в содержании толерантности. В свою очередь, толерантность является доминантой культуры межнационального общения, а степень толерантности зависит от национального и конфессионального состава того или иного субъекта РФ. Данный тезис особо подтверждается в полинациональных регионах [3; 4], что зачастую исключает из поля зрения исследователей проблемы мононациональных регионов. В связи с этим в 2014 г. нами проведено исследование, ориентированное на выявление отношения жителей Орловской области к межнациональным и межэтническим конфликтам с учетом их конфессиональной принадлежности [5].

Следует констатировать, что данный субъект РФ – мононациональный регион, который согласно переписи 2010 г. представлен 24 национальностями и этносами, в том числе русскими (96%), украинцами (1,01%), армянами (0,50%), азербайджанцами (0,28%), белорусами (0,22%), чеченцами (0,14%), евреями, молдаванами, татарами, курдами и другими [6].

По состоянию на 7 октября 2014 г. в Орловской области зарегистрировано 203 религиозные организации [7]. Статистические данные указывают на количественный рост зарегистрированных религиозных объединений на территории региона (в 2009 г. – 162 организации, в 2010 – 169, в 2011 – 166, в 2012 – 176, в 2013 – 187, в 2014 – 203). В количественном измерении самым крупным из них является Русская Православная Церковь. Так, в 2002 г. официально зарегистрировано 95 приходов, в 2010 – 135, в 2013 – 150, в 2014 – 158 [7; 8].

По данным нашего опроса (2014 г.), конфессиональный состав жителей Орловской области выглядит следующим образом: православными верующими себя считают 73,1% респондентов (в 1992–2002 гг. – 44,1% [9], в 2008 – 83,8% [10], в 2013 – 88%); ислам исповедуют 4,8% респондентов (в 2013 г. – 1%); к иным вероисповеданиям себя отнесли 1,8%, в том числе – к иудаизму 1%, протестантизму – 0,8%; никакой религии не исповедуют 20,4% опрошенных. В 2008 г. среди сторонников других вероисповеданий оказалось 3,3%, среди которых протестантов – 0,2%, мусульман – 1%, буддистов – 0,3%, католиков – 0,2% [10]; в 2010–2013 гг. эти данные колебались от 1 до 7% [1, с. 143]. По другим данным, в 2008 г. только протестантами себя считали 8,3% от всех религиозно ориентированных граждан [11].

Исследование показало, что религиозное сознание хотя и не доминирует, но занимает значительное место и влияет на религиозную толерантность. Религиозные группы совпадают с этническими общностями, а внутреннее ядро национальных ценностей очень устойчиво [12]. Эти данные коррелируют с общероссийскими [4; 13]. Вероятно, именно поэтому к представителям других религиозных конфессий респонденты относятся следующим образом: веротерпимо – 44,3%, неприязненно – 15,1%, безразлично – 41,7%.

В Сахалинской области, например, три четверти населения относятся нейтрально к представителям другой веры; 22% сахалинцев и курильчан – положительно; 3% выразили к ним свое негативное отношение. Отношение к совместному проживанию представителей различных вероисповеданий в большинстве случаев нейтральное (56%). Вместе с тем у жителей области наблюдается нежелание появления новых храмов и мечетей (54%) [14].

Общероссийские социологические данные (2007–2009 гг.), полученные в ИСПИ РАН, указывают на умеренные показатели межнациональной напряженности. Однако к 2011 г. ряд показателей изменился. Так, уровень «нормального» отношения между людьми разных национальностей в месте своего проживания снизился с 57,0% в 2007 г. до 41,0% в 2011 г. В качестве «напряженных» в 2007 г. такие отношения оценивали 23,8% опрошенных, а в 2011 г. – 29,4%. Параллельно с этим наблюдается рост доли тех, кто затруднился с оценкой характера отношений (рост составил 13,6% по сравнению с 6,9% в 2007 г.) [4].

Орловчане чаще не обращают внимание на то, что рядом с ними работают и отдыхают представители другой национальности (36,4%). Для 33,9% опрошенных этот фактор является значимым. Возможно, это связано с устоявшейся в сознании «коренных» жителей взаимосвязи миграции и криминализации. Вопрос о национальной принадлежности окружения интересует лишь иногда 29,6% респондентов.

Более половины опрошенных (55,5%) в повседневной жизни не сталкива-

лись с конфликтами на межэтнической основе; лишь иногда сталкивались 28,9%; только 15,6% участвующих в опросе указали на подобные факты.

Неоднократно принимали участие в разрешении межэтнических конфликтов 9,5%, единожды приходилось их разрешать 17,3% респондентам. Стараются избегать и безразлично относятся к подобным ситуациям 44,7 и 22,1% опрошенных соответственно. Незначительное число (6,3%) склоняются к мнению, что «нужно показать всем «ненашим», чтобы нас не трогали».

На вопрос «Если на Ваших глазах подростки будут издеваться над человеком иной национальности, как Вы поступите?» более половины (51,5%) ответили, что, скорее, постараются вмешаться. Полностью уверены, что пройдут мимо, немногие (9,5%). Среди тех, кто скорее всего пройдет мимо, можно выделить несколько групп. Представители первой группы убеждены, что это их не касается (16,3%). Вторая группа считает, что вмешательство бесполезно, может самому не поздоровиться (11,6%). Третья группа полагает, что «жертва» спровоцировала подростков или сама виновата перед ними (8%).

Важнейшим аспектом исследования охвачены вопросы, касающиеся причин и путей разрешения межнациональных и межэтнических конфликтов. Так, их основными причинами призваны следующие факторы:

- 1) отсутствие адекватного поведения представителей разных народов (37,9%);
- 2) нежелание искать межэтнические компромиссы (23,6%);
- 3) непонимание основ культуры (21,9%);
- 4) отсутствие опыта взаимодействия (16,6%).

Примечательно то, что 17,3% опрошенных знают и готовы принимать традиции других народов; 8,3% хотели бы их узнать; не знают, но и не против традиций 25,9% респондентов. Настораживает тот факт, что 24,4% участвующих в опросе не видят смысла в изучении и понимании культурных особенностей других народов, а для 24,1% это абсолютно безразлично.

В решении конфликтных ситуаций на национальной и этнической основе жители Орловской области чаще полагаются на государство (33,9%) и религиозные организации (22,9%); 32,9% считают, что люди сами должны искать пути межнационального согласия. О некоторой степени толерантности орловчан свидетельствует тот факт, что 10,3% опрошенных предлагают больше проводить совместных праздников и мероприятий.

Рассматривая государство как основного актора решения данных проблем, респонденты считают, что, во-первых, правительство должно ограничить приток приезжающих (59,3%). Ограничение проживания на территории России должно коснуться всех, кроме русских (27,4%) или ряда национальностей (30,7%). Только 19,6% опрошенных уверены, что никаких национальных ограничений вводить не следует, а потенциал приезжающих нужно использовать во благо России. Во-вторых, по оценкам населения, местные органы власти не в полной мере реализуют свои функции в данном направлении (37,4%); 32,7% указывают на то, что властным структурам все равно, как живут люди разных национальностей; только 27,1% уверены, что данный вопрос находится под контролем.

Исследование также показало, что при всех неоднозначных ответах 35,7% опрошенных готовы сотрудничать с представителями других народов. Чуть менее (34,4%) не готовы к подобным взаимоотношениям, а 29,9% затруднились ответить.

Таким образом, жители Орловской области в целом негативно относятся к межнациональным и межэтническим конфликтам и чаще всего толерантны к представителям других наций и этносов. Факты проявления национальной и религиозной нетерпимости (например, дискуссия о строительстве мечети на территории Орловской области) не носят систематический и массовый характер. При всем том не редки случаи желания ограничить проживание на территории России ряда национальностей (украинцев, евреев, чеченцев).

С нашей точки зрения, разнонаправленность векторов «толерантность – национализм» в поли- и мононациональных субъектах РФ связана в первую очередь с самосознанием граждан, их воспитанием, а также с обозначенными ранее мировыми процессами глобализации и регионализации, проводимой политической пропагандой и непосредственной политикой на различных уровнях. Кроме того, необходимо учитывать невысокую культуру толерантности межэтнического взаимодействия у населения в целом.

Органы власти различного уровня должны больше внимания уделять и межнациональному вопросу, и толерантному просвещению россиян. Во многом этому могут способствовать стратегии социально-экономического развития территорий, целевые программы региональной национальной политики, вводимые в школьную программу «Основы религиозных культур и светской этики».

Библиографический список

1. *Исаев А.В.* Социально-политическое партнерство органов государственной власти и Русской Православной Церкви в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2011.
2. *Погодина А.А.* Толерантность: термин, смысл, позиция, программа // История: прил. к газ. «Первое сентября». 2002. № 11. С. 4–7.
3. *Савруцкая Е.П., Устинкин С.В.* Динамика ценностных ориентаций молодежи: межэтнический аспект // Власть. 2014. № 10. С. 123–128.
4. *Кублицкая Е.А.* Специфика межэтнического и этноконфессионального взаимодействия в регионах Российской Федерации (социологический мониторинг) // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю.Ю. Синелиной): мат-лы Третьей Междунар. науч. конф. НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г. / отв. ред. С.Д. Лебедев. Белгород, 2013. С. 249–264.
5. Метод исследования – интервью по месту жительства. Опрошено 404 респондента, проживающих в г. Орел. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, сфере занятости. Опрос проведен в феврале 2014 г. Руководитель: Проказина Н.В., д-р социол. наук, доцент.
6. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей / Федер. служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html
7. О деятельности некоммерческих организаций // Информационный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx>
8. Число религиозных организаций, зарегистрированных в Орловской области / Федер. служба гос. статистики по Орловской области. URL: http://orel.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orel/ru/statistics/government/
9. *Жосан Г.П., Кокина Л.М.* Русская православная церковь в условиях трансформирующегося общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов, 2009. № 3. С. 66–73.
10. *Вовченко В.А.* Религиозность орловской студенческой молодежи в социологическом измерении // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1. С. 87–92.

11. Власов Ю.И. Особенности религиозной ситуации и опыта взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций в Орловской области // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. 2008. № 7. С. 55–61.
12. Горшков М.К. Проблемы национальной безопасности в информационном обществе // Власть. 2014. № 11. С. 8–12.
13. Зайцева Ю. Православная газета «Кифа» отметила свое пятилетие дискуссией о проблемах церковного возрождения // Агентство религиозной информации Благовест-Инфо. URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=16440>
14. Со А.А. Правовое регулирование вопросов свободы совести и свободы вероисповедания в Сахалинской области // Власть. 2014. № 11. С. 160–163.

N.A. Nugmanov
**International Law Regulation
of Cooperation in the Sphere
of International Information
Exchange**

The international law matters of regulating relations for international information exchange, ensuring the access to information and information security are considered. The main reasons for the complex development of the international law basis for regulating cooperation on the international information exchange are analyzed.

Key words and word-combinations: international information exchange, international convention, forming the international information law.

Рассматриваются международно-правовые вопросы регулирования отношений по международному обмену информацией, обеспечению доступа к информации и обеспечению безопасности информации. Анализируются основные причины сложного развития международно-правовой базы по регулированию сотрудничества в области международного обмена информацией.

Ключевые слова и словосочетания: международный обмен информацией, международная конвенция, формирование международного информационного права.

УДК 341.1/8
ББК 67.91

Н.А. Нугманов

МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБМЕНА ИНФОРМАЦИЕЙ

Информация является неотъемлемым компонентом национальной и внешнеполитической деятельности государства. При глобализационных процессах в сфере информатизации, когда информационное пространство становится всеохватывающим и основывается на широком применении информационно-коммуникационных технологий, значение обмена информацией в мировом сообществе неуклонно увеличивается, а именно происходит фундаментальная трансформация в процессе движения к информационному обществу. Информация, информационные ресурсы и источники являются одним из самых действенных и эффективных средств не только межличностного или межгруппового общения, но и международных отношений.

Процессы развития информатизации содействуют более плодотворному государственному управлению. Однако информатизация не только вносит определенный вклад в прогресс общества, но и порождает различные новые угрозы безопасности на национальном и международном уровнях. Следовательно, необходимо совершенствовать международно-правовое регулирование процессов в области международного обмена информацией, обеспечения доступа к информации и обеспечения безопасности информации.

Межгосударственные отношения в области обмена информацией находятся под действием норм и принципов международного права, регулирующих разные стороны распространения информации на международном уровне. Среди таких соглашений: Конвенция о борьбе с распространением порнографических изданий 1923 г., Международная конвенция об использовании радиовещания в интересах мира 1936 г., Соглашение об облегчении международных обменов визуальными и звуковыми материалами образовательного, научного и культурного характера 1948 г., Соглашение о ввозе материалов просветительного, научного и культурного характера 1950 г., Конвенция о международном обмене изданиями 1958 г., Конвенция об обмене официальными изданиями и правительственными документами между государствами 1958 г., Регламент радиосвязи Международного союза электросвязи 1979 г. (последняя редакция от 2002 г.), Международная конвенция электросвязи, а также ряд международных соглашений в области авторского права [1].

В области международного регулирования распространения информации большую роль играют такие международные документы, как резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 110 (II) «Меры, которые должны быть приняты против пропаганды и поджигателей новой войны» от 3 ноября 1947 г., где осуждается любая форма пропаганды, нацеленной на усиление угрозы миру или нарушение мира, и резолюция 127 (II) «Ложная и извращенная информация» от 15 ноября 1947 г., где предлагаются меры для борьбы с распространением ложной или извращенной информации, способной нанести вред дружеским межгосударственным отношениям. Кроме этого, можно отметить Декларацию ЮНЕСКО о руководящих принципах по использованию вещания через спутники для свободного распространения информации, развития образования и расширения культурных обменов 1972 г., Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., Конвенцию ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г., Декларацию по принципам киберстабильности и кибермира 2009 г. и ряд других международных договоров.

Информатизация не только открывает новообразованные источники и возможности для поиска, получения, защиты и распространения различных сведений, но и тем самым повышает профессиональный и общекультурный уровень человека. Права и свободы человека на информацию регулируются такими универсальными соглашениями, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (ст. 19, 29), Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 19, 20), Международный пакт об социальных, экономических и культурных правах 1966 г. (ст. 13, 15). Необходимо отметить также региональные соглашения по правам человека на информацию, а именно Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 10) [2], Американскую конвенцию о правах человека 1969 г. (ст. 13) [3], Афри-

канскую хартию прав человека и народов 1981 г. (ст. 9), Конвенцию Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г. (ст. 11). Однако право и свобода человека «искать, получать, и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ», провозглашенные во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ст. 19), не могут быть абсолютными. В ст. 29 данной Декларации признано, что при осуществлении прав и свобод человек может подвергаться ограничениям, но, во-первых, ограничения должны устанавливаться законом; во-вторых, ограничения могут устанавливаться исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. К этому следует добавить право законодательного ограничения свободы информации «для охраны государственной безопасности», «здоровья или нравственности населения», сформулированное в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 19).

Согласно основным общепризнанным принципам международного права любое распространение публичной информации должно реализовываться только в интересах мира и взаимопонимания. Например, в соответствии с Женевской конвенцией об использовании радиовещания в интересах мира (1936 г.) запрещены передачи, подстрекающие к действиям, несовместимым «с внутренним порядком, с безопасностью других государств» (ст. 1). Данная Конвенция также обязывает участников принимать меры к прекращению подобного вещания на своей территории, равно как и следить за тем, чтобы передачи их радиостанций не призывали к войне или к действиям, которые могли бы привести к войне [4, с. 72]. В Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. провозглашено: «Всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом» (ст. 20) [5, с. 20]. Норма о запрещении пропаганды войн соответствует резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 110 (II) «Меры, которые должны быть приняты против пропаганды и поджигателей новой войны» от 3 ноября 1947 г. Согласно Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 г., государства обязаны воздерживаться от пропаганды агрессивных войн.

В соответствии с Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. участники соглашения должны «воздерживаться от пропаганды агрессивных войн или любого применения силы или угрозы силой, несовместимых с целями Организации Объединенных Наций и с Декларацией принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, против другого государства-участника» [6].

Различные аспекты распространения информации касаются вопросов борьбы с последствиями колониализма, которые заключены в таких международных соглашениях, как Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г., Декларация ООН о социальном прогрессе и развитии 1969 г., Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 г., Декларация ООН о провозглашении нового международного экономического порядка 1974 г., Декларация ЮНЕСКО о расе и расовых предрас-

судках 1978 г., Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г. [7].

Следует признать, что прогресс информационных коммуникационных технологий создает новые возможности для развития преступности. Например, в Сальвадорской декларации о комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия в изменяющемся мире, принятой резолюцией 65/230 Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 2010 г., отмечается, что развитие информационно-коммуникационных технологий и расширение масштабов Интернета создают новые возможности для преступников и способствуют росту преступности (п. 39). Данная декларация предлагает Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию рассмотреть вопрос о созыве совещания межправительственной группы экспертов открытого состава для проведения всестороннего исследования проблемы киберпреступности и ответных мер со стороны государств-членов, международного сообщества и частного сектора, включая обмен информацией о национальном законодательстве, наилучших видах практики, технической помощи и международном сотрудничестве, с целью изучения возможных путей укрепления существующих и выработки предложений в отношении новых национальных и международных правовых или других мер по противодействию киберпреступности (п. 42). Признается также роль средств массовой информации в сотрудничестве с государствами по «более широкому просвещению по вопросам стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия и более широкому ознакомлению с ними в целях создания культуры уважения принципа верховенства права» (п. 43) [8].

Следует также отметить международно-правовое регулирование распространения информации по поводу запрета пропаганды расовой, национальной и других видов дискриминации. В частности, в ст. 3 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. указывается, что прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида наказуемо [9]. Согласно ст. 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 г. государства-участники осуждают всякую пропаганду и все организации, основанные на идеях или теориях превосходства одной расы или группы лиц определенного цвета кожи или этнического происхождения или пытающиеся оправдать или поощрять расовую ненависть и дискриминацию в какой бы то ни было форме. В соответствии со ст. 7 данного соглашения государства-участники обязуются принять немедленные и эффективные меры, в частности в областях преподавания, воспитания, культуры и информации, с целью борьбы с предрассудками, ведущими к расовой дискриминации, поощрения взаимопонимания, терпимости и дружбы между нациями и расовыми или этническими группами, а также популяризации целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека [10].

Вместе с тем отдельные государства, опираясь на внутригосударственный постулат неограниченной «свободы информации», нарушают нормы, касающиеся запрета пропаганды расовой дискриминации. Например, при подписании и ратификации Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 г. со стороны Австралии, Австрии, Бельгии, Великобритании, США и

Франции в отношении ст. 4, содержащей норму о запрете пропаганды расовой дискриминации, были сделаны оговорки [11, с. 69]. По нашему мнению, государства, ссылающиеся на национальную норму по поводу неограниченных прав человека на свободу слова и информации для того, чтобы оправдать пропаганду расовой дискриминации, прямо нарушают императивные нормы международного права. Например, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 59 (I) от 14 декабря 1946 г. отмечено, что «свобода информации, безусловно, требует от тех, кто пользуется ее привилегиями, желания и умения не злоупотреблять ими».

Несмотря на действующие международные соглашения в сфере информатизации, международное право по многим вопросам не поспевает за теми задачами, которые возникают вследствие использования информационно-коммуникационных технологий. На такие пробелы в международном информационном праве указывают многие специалисты. Как справедливо утверждает немецкий юрист К.-Х. Меллих, правовая наука отстала от требований, которые выдвигают государства в сфере информации, и создавшееся положение может быть изменено только путем международно-правового урегулирования [12, с. 62–63].

А.А. Тедеев считает, что в настоящее время на наших глазах происходит формирование совершенно новых общественных отношений, безусловно должностующих регулироваться нормами права. Однако правоприменительная практика показывает, что предписания, правовые конструкции и механизмы регулирования традиционных отраслей права в принципе не могут быть применены к этим общественным отношениям. Данные отношения отличаются в первую очередь особенностями, которые придает им специфическая глобальная среда их формирования и существования. Они являются общественными отношениями, протекающими в электронной форме в виртуальном пространстве. Это не просто отношения по обороту информации – это отношения в информационной среде [13, с. 26–27].

По мнению Д.А. Савельева, важную часть международных отношений составляют отношения по поводу информации, в результате которых складывается мировое информационное пространство. Поэтому в целях обеспечения права человека на информацию необходимо рассмотреть феномен информационного пространства в международном праве [14, с. 13]. Ю.М. Колосов и В.И. Кузнецов, касаясь области международного обмена информацией, указывают, что «обилие нормативного материала и попытки юристов сформулировать некоторые специальные принципы, действующие в этой области международных отношений, не позволяют категорически отрицать факт становления такой отрасли международного права» [15, с. 450]. Как считает И.Л. Бачило, регулирование отношений в информационном пространстве должно опираться преимущественно на национальное законодательство, вместе с тем в ближайшее время следует ставить вопрос о создании наднационального права для всех государств, основанного на авторитете признанных международным сообществом стандартов [16].

Многие исследователи приходят к выводу, что международное информационное право – это новая отрасль права, которая находится на стадии становления. В связи с этим возникает немало дебатов по поводу независимого действия данной отрасли [17, с. 3]. Кроме того, распространение массовой информации за пределы границ государства – местонахождения источника информации предполагает и

международно-правовое ограничение свободы информации. Выступая против односторонних потоков трансграничной массовой информации, развивающиеся страны ставят в Комитете ООН по информации и в ЮНЕСКО вопрос о более сбалансированном и справедливом информационном и коммуникационном порядке [18].

Разработка международно-правовой базы по регулированию сотрудничества в области международного обмена информацией продвигается с большими сложностями и медленно. Основной причиной этого являются противоречия в определении понятий, используемых в международных договорах в области обмена информацией. Немало проблем возникают и в процессе принятия основных международно-правовых норм и принципов в области международного обмена информацией. Вместе с тем необходимо отметить некоторый прогресс в этой области. По разным оценкам, в настоящее время действуют более 65 международных соглашений универсального и регионального характера, регламентирующих различные аспекты международных информационных отношений. По нашему мнению, идет динамичное формирование новой отрасли международного права – международного информационного права, регулирующего права и обязанности субъектов международного права, касающиеся свободного поиска, получения и распространения информации.

Таким образом, считаем, что существующие международно-нормативные упущения или пробелы по регулированию и регламентации распространения информации необходимо решать с помощью международного контроля посредством международных организаций. Требуется создать согласованную международно-правовую нормативную базу по координированию и регулированию межгосударственных отношений в области международного обмена информацией, учитывая влияние постоянно изменяющейся среды обеспечения национальной и международной информационной безопасности.

Библиографический список

1. Международное право / отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. М., 1998.
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm>
3. Американская конвенция о правах человека 1969 г. URL: http://www.hrcr.org/docs/American_Convention/oashr.html
4. Международные нормативные акты ЮНЕСКО: Конвенции. Соглашения. Протоколы. Рекомендации. Декларации / сост. И.Д. Никулин. М., 1993.
5. Действующее международное право: в 3 т. М., 1996. Т. 2.
6. Хельсинкский Заключительный акт. URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39505>
7. Декларации ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/decltheme.shtml
8. Сальвадорская декларация о комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/salvador_declaration
9. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv1946.shtml
10. Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Нью-Йорк, 7 марта 1966 г.). URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540327/>
11. Ермишина Е.В. Международный обмен информацией: правовые аспекты. М., 1988.
12. Актуальные проблемы правового регулирования телекоммуникаций. М., 1998. (Журналистика и право. Вып. 12).

13. *Тедеев А.А.* Предмет информационного права в условиях Интернета // Информационное право. 2006. № 3.
14. *Савельев Д.А.* Права человека в области информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.
15. Международное право: учебник / отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. М., 1995.
16. *Бачило И.Л.* Свободный доступ к информации и Интернет // Информационное общество. 2000. Вып. 4. С. 42–44.
17. Международное информационное право: методические материалы к междисциплинарному спецкурсу / сост. Т.М. Смыслова. М., 2002.
18. Международное право: учебник / отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007.

**G.V. Koncevoy
Conflict Regulation
of Alimentary Obligations
in International Agreements**

The article analyzes the international conflict rules establishing the law applicable to alimentary obligations of family members in relation to each other. The necessity of Russia's participation in the "alimony" international conventions, which will carry out the decisions of the Russian courts for alimony abroad and foreign judgments in the Russian Federation is noted.

Key words and word-combinations: alimentary obligations in the international private law, international conventions, conflict norms.

Анализируются международные коллизионные нормы, устанавливающие право, применимое к алиментным обязательствам членов семьи по отношению друг к другу. Отмечается необходимость участия России в «алиментных» международных конвенциях, что позволит исполнять решения российских судов о взыскании алиментов за рубежом и иностранные судебные решения в Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: алиментные обязательства в международном частном праве, международные конвенции, коллизионные нормы.

УДК 347.65/68:341.9
ББК 67.404.4+67.93

Г.В. Концевой

**КОЛЛИЗИОННОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ
АЛИМЕНТНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ
СОГЛАШЕНИЯХ**

Признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений о взыскании алиментов во многих случаях сопряжено со значительными сложностями и препятствиями законодательного характера. С одной стороны, в силу ст. 409 ГПК РФ в России признаются и исполняются иностранные судебные решения, только если это предусмотрено международным договором Российской Федерации. С другой стороны, Россия в настоящее время не участвует ни в одной универсальной международной конвенции по признанию и исполнению судебных решений о взыскании алиментов. Международная универсальная конвенция о признании и исполнении иностранных решений по гражданским делам вовсе отсутствует

и в настоящее время лишь разрабатывается. Российская Федерация является участницей региональной Минской конвенции 1993 г. «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» [1], заключенной между странами СНГ. В Кишиневе 7 октября 2002 г. государствами – участниками Содружества Независимых Государств подписана Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (далее – Кишиневская конвенция). Кишиневская конвенция вступает в силу для подписавшего ее государства после ее ратификации этим государством (ст. 120). В связи с тем что Российская Федерация не ратифицировала Кишиневскую конвенцию, в отношениях между Российской Федерацией и странами СНГ продолжает применяться Минская конвенция от 22 января 1993 г. Следует отметить, что каких-то существенных изменений Кишиневской конвенцией в рассматриваемый нами вопрос внесено не было.

В соответствии с Минской конвенцией страны-участницы признают и исполняют судебные решения друг друга, в том числе решения, вынесенные по алиментным делам. Россия заключила также двусторонние соглашения о правовой помощи, в которых далеко не во всех предусмотрено такое признание и исполнение. Как следствие, исполнить российское решение о взыскании алиментов за границей в странах, с которыми Россия не имеет международного договора, практически невозможно.

Обязанность России принимать участие в международных конвенциях о взыскании алиментов прямо вытекает из ее присоединения к Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. [2]. Нетрудно понять, почему СССР не участвовал в семейных конвенциях. Этот вопрос в условиях «железного занавеса» был просто неактуален для СССР. Не случайно в советском семейном коллизионном праве преобладали односторонние нормы, в соответствии с которыми практически все вопросы решались на основе советского законодательства. В настоящее время заключение смешанных браков стало обычным фактом современной действительности. Актуальны вопросы защиты российских детей, которые «похищаются» их родителями или отцы которых находятся за границей и не платят алиментов и т.д. В этих условиях Россия обязана участвовать в конвенциях, способствующих получению алиментов за границей, в чем она может брать пример со стран СНГ, участвующих в таких конвенциях. Так, в Нью-Йоркской конвенции 1956 г. «О взыскании за границей алиментов» участвуют Беларусь (1996 г.), Казахстан (2000 г.), Кыргызстан (2004 г.), Молдова (2006 г.), Украина (2006 г.).

Как представляется, Российской Федерации в первую очередь необходимо присоединиться к Гаагской конвенции о международном взыскании алиментов на детей и других формах содержания семьи от 23 ноября 2007 г. и к Протоколу о праве, применимом к алиментным обязательствам, от 23 ноября 2007 г., дополняющему Конвенцию 2007 г. [3]. Конвенция от 23 ноября 2007 г. совмещает максимальную эффективность механизма международного взыскания алиментов с гибкостью, необходимой для ратификации как можно большим количеством государств. При ее разработке учтен многолетний опыт применения Конвенции о признании и выполнении решений относительно обязательств о

содержании 1973 г. и Нью-Йоркской конвенции о взыскании алиментов за границей 1956 г. В Конвенции 2007 г. устанавливается, что государства, к которым поступит обращение с просьбой обеспечить выплату алиментов детям их граждан, должны будут «применять, по крайней мере, тот же набор принудительных мер», какие применяются в случаях, касающихся выплат алиментов в пределах этих государств. Конвенция упростила процедуры взыскания алиментов в случаях, когда один из родителей находится на территории другого государства и не перечисляет ежемесячно средства на содержание ребенка [4].

Вопросы применимого права разрешены в Протоколе о праве, применимом к алиментным обязательствам, от 23 ноября 2007 г., дополняющем Конвенцию 2007 г. Коллизионное регулирование алиментных обязательств осуществляется посредством права государства обычного места жительства кредитора, за исключением случаев, когда Протоколом предусматривается иное. Протокол предоставляет государствам право сделать заявление, «что для дел, которые возникают перед их органом, слово “гражданство” в ст. 4 и 6 заменено “постоянным местом жительства” как определенном в том государстве» (ст. 9). Таким образом, как отмечается в научной литературе, при присоединении к Протоколу проблема несоответствия его норм и норм СК РФ может быть снята путем заявления [4].

С 26 по 28 февраля 2013 г. около пятидесяти представителей Азербайджана, Армении, Болгарии, Грузии, Казахстана, Молдовы, Румынии, Турции, Украины, Узбекистана, а также суда Евразийского экономического сообщества встретились с экспертами из Германии и Постоянного бюро Гаагской конференции по международному частному праву (Гаагская конференция) в Тбилиси в рамках семинара, организованного совместно Гаагской конференцией и Германским фондом международного правового сотрудничества (IRZ). Среди прочих на семинаре обсуждалась и Конвенция от 23 ноября 2007 г. о международном порядке взыскания алиментов на детей и других формах содержания семьи и Протокол от 23 ноября 2007 г. о праве, применимом к алиментным обязательствам. 8 марта 2013 г. региональный семинар выработал соответствующие заключения и рекомендации. В отношении Конвенции о содержании детей и Протокола о применимом праве эти рекомендации сводятся к следующему:

во-первых, признана важность Конвенции, как соответствующей административной и правовой рамочной структуры международного взыскания алиментов и других форм содержания семьи;

во-вторых, признана роль Конвенции в стимулировании реформы существующих систем взыскания алиментов и других форм содержания семьи [5].

В настоящее время действует Гаагская конвенция о праве, применимом к алиментным обязательствам, от 2 октября 1973 г. [6]. Россия в Конвенции не участвует. Конвенция 1973 г. применяется к алиментным обязательствам, возникающим из семейных отношений, отцовства или материнства, брака или свойства, включая алиментные обязательства в отношении внебрачного ребенка (ст. 1). Здесь охватывается круг практически всех возможных субъектов алиментных обязательств. Эта Конвенция исходит из единого коллизионного принципа выбора применимого права к алиментным обязательствам независимо от

их субъектного состава – применимым является *внутреннее право обычного проживания кредитора, получающего алименты* (ст. 4). Представляется, что предусмотренная российским законодательством дифференциация коллизионных принципов выбора применимого права в зависимости от субъектов алиментных обязательств позволяет точнее учесть и принцип тесной связи, и принцип наиболее благоприятного права. В Конвенции предусмотрено императивное правило, согласно которому потребности кредитора и средства должника должны приниматься во внимание при определении суммы алиментов, даже если применимое право предусматривает иное (ст. 11 Конвенции).

Следовательно, можно сделать вывод о том, что алиментирование – это хотя и основной, но явно недостаточный путь для обеспечения содержания детям. Что касается других членов семьи (иных родственников), то здесь алиментирование с очевидностью является лишь альтернативным вариантом, и круг таких родственников должен быть сокращен до минимума. Желательно активнее перенимать опыт зарубежных стран по созданию гарантийных фондов на содержание нуждающихся нетрудоспособных лиц, в частности детей. Этот аспект в исследовании алиментных обязательств лишней раз убеждает в том, что забота о нуждающихся нетрудоспособных гражданах выходит за пределы семейных отношений; это – обязанность социального государства и общества, и то, как она исполняется, свидетельствует о зрелости общества.

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) с Протоколом от 28 марта 1997 г., наряду с другими соглашениями, решает вопросы применимого права по семейным делам (разд. II, ч. III, ст. 26–37). Обязательства родителей по содержанию детей определяются законодательством договаривающегося государства, на территории которого находится их совместное место жительства. Субсидиарная привязка к законодательству государства, гражданство которого имеет ребенок, применяется в случае, если родители и дети не имеют совместного места жительства. Наконец, по требованию истца к алиментным обязательствам может быть применено законодательство договаривающегося государства, на территории которого постоянно проживает ребенок. Договаривающиеся стороны оказывают друг другу помощь в розыске ответчика по делам о взыскании алиментов, когда есть основание полагать, что ответчик находится на территории другой договаривающейся стороны и судом вынесено определение об объявлении его розыска (п. 5 ст. 32 Конвенции).

Содержание п. 2 ст. 32 выходит за рамки содержания, обозначенного в заголовке статьи «Правоотношения родителей и детей». В нем также урегулированы алиментные обязательства совершеннолетних детей в отношении их родителей и алиментные обязательства других членов семьи. Генеральной привязкой в этих отношениях также является законодательство договаривающейся стороны, на территории которой они имели совместное место жительства. В качестве субсидиарной привязки применяется при отсутствии совместного места жительства законодательство договаривающейся стороны, гражданином которой является истец.

Минская конвенция не имеет специальной коллизионной нормы относи-

тельно алиментных обязательств между супругами, но определяет применимое право к любым личным и имущественным правоотношениям супругов (ст. 27). Как и в отношении формулировок ст. 161 СК РФ, могут быть высказаны те же сомнения и различные толкования относительно того, применяется ли эта статья к алиментным обязательствам, или она касается лишь отношений супругов по поводу имущества. Эти сомнения тем более весомы, что в Конвенции нет нормы, аналогичной п. 2 ст. 161, в котором есть прямое упоминание об алиментных обязательствах и отсылка к п. 1 ст. 161 СК РФ.

Коллизионное регулирование семейных правоотношений с иностранным элементом, в том числе алиментных обязательств как имущественных семейных правоотношений осуществляется и с помощью двусторонних договоров о правовой помощи. На сегодняшний день Россия заключила около 30 двусторонних договоров о правовой помощи. Не все договоры данного вида содержат коллизионные нормы. В большинстве этих договоров объект и цель – правовая помощь по гражданским делам (куда включаются и семейные дела) и признание и исполнение судебных решений. В частности, не решают этих вопросов договоры о правовой помощи в форме обмена нотами (с Великобританией, США, Францией).

Российская Федерация заключила договоры о правовой помощи и правовых отношениях с Азербайджанской Республикой от 22 декабря 1992 г., Республикой Кыргызстан от 14 сентября 1992 г., Республикой Молдова от 25 февраля 1993 г. Все три договора были подписаны до вступления в силу Минской конвенции. После принятия Минской конвенции двусторонние договоры о правовой помощи со странами СНГ Россия больше не заключала. Все три договора имеют в принципе одинаковое коллизионное регулирование алиментных обязательств. В них не выделяются алиментные обязательства, но регулируются в целом имущественные отношения между супругами, родителями и детьми. Коллизионные привязки соответствуют тем, которые применяются в Минской конвенции.

В отличие от Минской конвенции названные договоры содержат норму, отсутствующую в Конвенции о правоотношениях между внебрачным ребенком и его матерью и отцом. Они определяются законодательством договаривающейся стороны, гражданином которой является ребенок. Эту норму следует признать излишней. Вряд ли можно признать ее удачной и необходимой. Во-первых, она противоречит одному из краеугольных принципов российского семейного права – принципу равенства детей, рожденных в браке и вне брака. Во-вторых, как показывает практика, в настоящее время многие семьи живут в так называемом гражданском браке, то есть без регистрации брака, а потому имеют общее совместное жительство. Все ситуации укладываются в формулировку одной статьи, регулирующей применимое право к правоотношениям между родителями и детьми без указания на наличие брака между родителями. Как видим, эти договоры имеют даже больше недостатков в коллизионном регулировании алиментных отношений, чем Минская конвенция. В частности, в них нет правила, внесенного Протоколом 1997 г., о праве, применимом к алиментным обязательствам других членов семьи.

Россия заключила договоры о правовой помощи с Латвией, Литвой, Эстонией. В них вопросы применимого права к имущественным правоотношениям, осложненным иностранным элементом, между супругами, родителями и детьми решаются так же, как и в договорах о правовой помощи со странами СНГ. Эти же вопросы решаются в целом ряде, но не во всех договорах о правовой помощи с другими странами (Албания, Алжир, Венгрия, Вьетнам, Греция и др.).

Таким образом, поскольку материальные нормы семейного права различных стран с трудом поддаются унификации, сотрудничество стран в сфере семейного права идет по пути унификации коллизионного регулирования семейных отношений, осложненных иностранным элементом в международных соглашениях, универсальных и региональных, многосторонних и двусторонних. России следует активнее участвовать в ратификации конвенций, направленных на защиту прав и законных интересов детей, и в частности алиментных конвенций.

Библиографический список

1. Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.
2. Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 45. Ст. 955.
3. Журнал международного частного права. 2008. № 3.
4. *Галенская Л.Н.* Взыскание алиментов за границей (о возможности присоединения России к Конвенции 2007 г. «О международном порядке взыскания алиментов на детей и других формах содержания семьи») // Журнал международного частного права. 2009. № 1. С. 3–16.
5. Заключение и рекомендации регионального семинара «Содействие международному сотрудничеству путем Гаагских конвенций», Тбилиси, Грузия, 26–28 февраля 2013 г. URL: http://www.hcch.net/upload/concl_sem2013ge_ru.pdf
6. Гаагская конвенция о праве, применимом к алиментным обязательствам, от 2 октября 1973 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT&n=3270&req=doc>.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

A.A. Ivanov
**Information Intermediary
Liability for Infringement
of Intellectual Property Rights
in the Information
and Telecommunication Network**

The article highlights issues related to liability for actions of information intermediary users of objects of copyright and related rights on the Internet. The legislation on the legal regulation of protection of copyright and related rights on the Internet.

Key words and word-combinations: information intermediary, telecommunications operator, provider.

Рассматриваются вопросы, связанные с ответственностью информационного посредника за действия пользователей, касающиеся распространения с использованием объектов авторских и смежных прав в сети «Интернет». Анализируется законодательство, посвященное правовому регулированию защиты авторских и смежных прав в сети «Интернет».

Ключевые слова и словосочетания: информационный посредник, оператор связи, провайдер.

УДК 347.77/78:351
ББК 67.404.3+67.401.11

А.А. Иванов

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСРЕДНИКА ЗА НАРУШЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ

Постоянно развивающиеся компьютерные технологии и доступность сети «Интернет» позволяют пользователям без разрешения правообладателей создавать и распространять копии фонограмм, видеозаписей постановок спектаклей, сообщений, передач эфирного и кабельного вещания. Это привело к тому, что объемы продукции, продаваемой на физических носителях, падают, а объемы реализации в первую очередь фонограмм в цифровой форме посредством сети «Интернет» неуклонно растут [1]. Давно вошло в практику, что первые «пиратские» копии кинофильмов или музыкальных альбомов появляются незадолго до официального выхода, что, естественно, лишает правообладателей части дохода. Возникает закономерный вопрос об ответственности информационных

посредников, которые предоставляют своим клиентам возможность выхода в сеть и размещения нелегальных копий результатов чужой интеллектуальной деятельности. Информационный посредник физически не может отслеживать действия каждого своего клиента в сети. Именно информационный посредник дает потенциальную возможность нелегально загружать нелегальные копии.

В Европе не раз ответственность возлагалась именно на информационных посредников. Суд Брюсселя дал Scarlet Extended шесть месяцев на внедрение технологии, которая предотвратит обмен пиратскими музыкальными и видеофайлами между пользователями. В случае если провайдер не выполнит требование суда, ему придется платить штраф в размере 3400 долларов США в день [2]. Решение брюссельского суда соответствует бельгийской интерпретации Директивы ЕС об информационном обществе, которую часто называют Европейской директивой о копирайте. Суд считает, что провайдеры должны нести правовую ответственность и иметь технические средства для борьбы с контрафактом [3]. В США вовсе не удалось привлечь к ответственности провайдера за нелегальный файлообмен. Провайдеры ссылались на то, что они только лишь предоставляют услуги доступа в сеть и не несут ответственности за действия своих абонентов [4].

До июля 2013 г. в российском законодательстве не было специальных норм, в соответствии с которыми можно было бы привлечь к ответственности информационных посредников, предоставляющих возможность размещения нелегального контента. Российское законодательство выработало положения, идущие в ногу со временем, в отношении нарушенных смежных с авторскими прав в сети «Интернет». Вступивший в силу Федеральный закон № 187-ФЗ от 2 июля 2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» [5] внес необходимые изменения в законодательство для правовой регламентации данного механизма. Закон вносит изменения в нормативно-правовые акты и кодексы, регулирующие вопросы охраны интеллектуальных прав в сети «Интернет».

Так, в соответствии со ст. 4 указанного Закона часть четвертая ГК РФ дополнена ст. 1253.1 «Особенности ответственности информационного посредника» [6]. Впервые в российском законодательстве дается легальное определение информационного посредника. По смыслу ст. 1253.1 ГК РФ информационным посредником является:

лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети «Интернет», то есть в данном случае это непосредственно сам провайдер (оператор связи) предоставляющий услугу Интернет-связи;

лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, и лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети. В данном случае это не только сами провайдеры предоставляющие услуги Интернет-связи, но также владельцы и администрация сайтов и файлообменных сетей.

Таким образом, под информационным посредником можно понимать, прежде всего, организацию, предоставляющую своим клиентам Интернет-услуги, и

владельцев сайтов и файлообменных сетей. Именно к этим лицам как посредникам применяется ответственность, предусмотренная ст. 1253.1 ГК РФ.

Рассмотрим условия, при которых информационный посредник не несет ответственности. В п. 3 ст. 1253.1 части 4 ГК РФ предусматривается освобождение от ответственности информационного посредника. Информационный посредник будет освобожден от ответственности, если он не имел информации о том, что материалы, размещенные им в сети, содержат результаты чужой интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Исходя из смысла п. 3, можно понять, что закрепленное положение адресовано непосредственно самому провайдеру (оператору связи) Интернет-услуг, поскольку провайдер не может и не должен отслеживать каждое действие своих клиентов в сети. Следовательно, он не знает и не должен знать, что в размещенных его клиентами материалах могут быть объекты интеллектуальной деятельности. Данное положение может быть адресовано и владельцам и администрации сайтов и файлообменных сетей. Поэтому если данные субъекты не знали о том, что размещаемые ими или пользователями их сайтов могут содержать объекты интеллектуальной деятельности, то они освобождаются от ответственности. В противном случае, если владельцы сайтов или их администрация отдавали себе отчет в том, что они сами или их пользователи размещают нелегальные файлы, они как информационные посредники несут ответственность за свое бездействие или действия пользователей их сайтов. Однако возникает вопрос: на кого будет возложена ответственность, если на Интернет-ресурсах пользователи самостоятельно размещают файлы, содержащие результаты чужого интеллектуального труда? Пользователи или владельцы и администрация Интернет-ресурсов? В подвергшемся изменениям законодательстве нет положений, возлагающих индивидуальную ответственность на каждого пользователя. Значит, ответственность несет именно информационный посредник (владелец или администрация сайта) за свое бездействие по удалению сомнительных файлов. По нашему мнению, данный вывод подтверждает положение п. 3 ст. 1253.1 ГК РФ, предусматривающее случай получения информационным посредником заявления от правообладателя о нарушении интеллектуальных прав. Администрация или владелец сайта, чтобы избежать ответственности, должны принять меры и совершить действия по удалению файлов и иной информации, содержащей объекты чужого интеллектуального труда, и вынести предупреждение пользователям, разместившим данные материалы.

Рассмотрим порядок и основания ответственности информационного посредника. Федеральный закон РФ от 24 ноября 2014 г. № 364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и защите информации” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» вступает в силу 1 мая 2015 г. [7]. В ст. 15.2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» вносятся серьезные изменения. Круг объектов, за которые несёт ответственность посредник, расширился. Ранее это были только фильмы, кинофильмы и телефильмы. Теперь Закон предусматривает объекты авторских и смежных прав, кроме фотографических произведений и произведений, полученных способами, аналогичными фотографии. В ст. 15.6 предусматривается порядок ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», на которых неоднократно и неправомерно размещалась информация,

содержащая объекты авторских и (или) смежных прав, или информация, необходимая для их получения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Это означает, что существует определенный механизм для ограничения доступа к таким ресурсам: по системе взаимодействия в адрес федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, поступает вступившее в законную силу соответствующее решение Московского городского суда, после чего орган направляет операторам связи по системе взаимодействия требование о принятии мер по постоянному ограничению доступа к сайту в сети «Интернет», на котором неоднократно и неправомерно размещалась информация, содержащая объекты авторских и (или) смежных прав, или информация, необходимая для их получения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Оператор связи обязан ограничить доступ к соответствующему сайту в сети «Интернет».

Таким образом, оператор связи, предоставляющий Интернет-услуги, обязан ограничить доступ к ресурсам, содержащим объекты авторских или смежных прав. В данном случае поставщики услуг наделяются обязанностью по ограничению доступа своих клиентов к сайтам, на которых происходит нарушение авторских и (или) смежных прав (кроме фотографических произведений и произведений, полученных способами, аналогичными фотографии). Следовательно, если оператор связи при наличии сведений о сайте, содержащем чужую интеллектуальную собственность, не осуществит действия по ограничению доступа, то он будет нести ответственность в соответствии со ст. 1253.1 ГК РФ и иными нормативно-правовыми актами.

Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 364-ФЗ дополняет Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» новой статьей 15.7, в которой прописаны внесудебные меры по прекращению нарушения авторских и смежных прав, принимаемые по заявлению правообладателя. Теперь предусматривается ситуация, при которой правообладатель, обнаружив в Интернете объект своего интеллектуального труда, размещенный без его разрешения, вправе направить владельцу такого сайта соответствующее заявление о нарушении своих интеллектуальных прав. Предписывается электронная или письменная форма заявления. В содержании заявления обязательно наличие такого пункта, как указание на адрес сайта, на котором без разрешения обратившегося правообладателя размещена его интеллектуальная собственность, то есть для того чтобы выявить место и факт нарушения, важно указать точную ссылку на соответствующий Интернет-ресурс. В соответствии с п. 6 ст. 15.7 владелец такого сайта в течение 24 часов с момента получения заявления от правообладателя обязан удалить файлы, содержащие результаты чужой интеллектуальной деятельности. Пункт 7 снимает ответственность с владельца сайта, если он докажет правомерность размещения такой информации.

Гражданско-процессуальный кодекс РФ [8] в ст. 144.1 закрепляет возможность защиты нарушенных авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии. Правообладатель может подать в суд письменное заявление, на основа-

нии которого Московский городской суд принимает предварительные обеспечительные меры для обеспечения защиты указанных прав заявителя до предъявления иска, после чего суд выносит определение о предварительном обеспечении защиты прав. Далее заявитель подает исковое заявление в суд. Таким образом, исходя из смысла ст. 140 ГПК РФ, суд в отношении владельцев или администрации Интернет-ресурса, на котором зафиксировано нарушение авторских и смежных прав, может осуществить следующие действия:

возложить на ответчика и других лиц обязанности совершить действия, касающиеся предмета спора о нарушенных авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии (то есть в данном случае подразумевается обязанность владельцев или администрации таких сайтов удалить файлы, нарушающие авторские и смежные права правообладателей);

наложить арест на имущество, принадлежащее ответчику (подразумевается, что арест может быть наложен на оборудование, использовавшееся для работы сайта);

запретить ответчику совершать определенные действия (это означает, что названным субъектам суд может запретить заниматься деятельностью по управлению Интернет-ресурсом, на котором находилась информация, нарушающая интеллектуальные исключительные права правообладателя).

Подвергся изменениям и п. 5 ст. 320.1 ГПК РФ. Апелляционные жалобы и представления рассматриваются апелляционной инстанцией Московского городского суда. Теперь данная инстанция рассматривает гражданские дела, связанные не только с защитой исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, в информационно-телекоммуникационных сетях. Круг объектов защиты расширился до авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет».

Подверглась изменениям ст. 428 ГПК РФ. Исполнительный лист, выдающийся взыскателю, предусматривает определение о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет».

Таким образом, на законодательном уровне впервые решился вопрос ответственности информационного посредника путем нахождения правового компромисса. Круг объектов защиты с фильмов, кинофильмов и телефильмов расширился до объектов авторских и смежных прав в целом, исключая фотографические произведения. Представляется, что для защиты авторских прав на фотографические произведения будет предусмотрен свой правовой режим.

Библиографический список:

1. Сытенко Г., Вилинов А. Актуальные вопросы в сети «Интернет» // Человек и закон. 2011. № 2. С. 84–94.
2. Суд призвал провайдеров к ответственности за файлообмен. URL: <http://net.computera.ru/324978>
3. Обзор норм законодательного регулирования отношений в сфере Интернета и судебной практики в различных странах за период 2008–2010 годов / материалы подготовлены Виталие-

вым Г.В. к круглому столу «Авторское право на распутье: французский или бразильский выбор. Куда пойдет Россия?». URL: <http://www.labrate.ru/discas/messages/19/21493.html>

4. Копирайт против торрентов. URL: <http://www.gazeta-yurist.ru/article.php?i=740>

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях: Федер. закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ (в ред. от 12 марта 2014 г.) // Рос. газ. 2013. 10 июля.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 12 марта 2014 г.) // Рос. газ. 2006. 22 дек.

7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 нояб. 2014 г. № 364-ФЗ // Рос. газ. 2014. 27 нояб.

8. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Рос. газ. 2002. 20 нояб.

**G.V. Vershitskaya
Legal Peculiarities
of the Application
of Photographs in the Course
of Crime Investigation**

The procedural order of registration of investigation process results by means of photographing is considered. Procedural and technical problems that arise with the use of digital photography are analyzed. Proposals on improving the current legislation in the field of applying registration of investigation process results by digital means are made.

Key words and word-combinations: the admissibility of evidence, additional method of registration, digital technology.

Рассматривается процессуальный порядок оформления результатов фиксации хода следственных действий посредством фотографирования. Анализируются проблемы процессуального и технического характера, возникающие при использовании цифровой фототехники. Вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства в сфере применения цифровых средств фиксации при расследовании преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: допустимость доказательств, дополнительный способ фиксации, цифровая техника.

УДК 343.98
ББК67.52

Г.В. Вершицкая

**ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРИМЕНЕНИЯ
ФОТОГРАФИИ
В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Согласно действующему законодательству при сборе и использовании доказательств в ходе расследования уголовных дел возможно применение технических средств фиксации, обеспечивающих законное получение научно обоснованных достоверных результатов. В ст. 11 Федерального закона «О полиции» сотрудникам правоохранительных органов предписывается использовать в своей деятельности «...технические средства, включая средства аудио-, фото- и видеофиксации, при документировании обстоятельств совершения преступлений <...> а также для фиксации действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности» [1].

Использование фотографии в качестве

дополнительного способа фиксации хода и результатов следственных действий обусловлено возможностью быстрого получения изображений материальных объектов и их признаков, в том числе невидимых глазом при обычных условиях. Информация, запечатленная посредством фотографирования, является приложением к протоколу следственного действия и наряду с ним служит доказательством в уголовном процессе. Доказательственная ценность фотоснимков зависит от точного соблюдения правил судебной фотографии и процессуальных требований к оформлению фототаблиц, полученных в ходе проведения следственных действий.

Согласно УПК РФ «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (ч. 1 ст. 74) [2]. В ч. 2 ст. 74 УПК РФ содержится перечень доказательств, в качестве которых допускаются заключение и показания эксперта, а также протоколы следственных и судебных действий [3]. Наличие доказательств в уголовном процессе является необходимым условием установления истины по делу. Согласно ст. 88 УПК РФ «...каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела» [2].

Доказательство считается допустимым, если оно получено на законных основаниях, правомочным субъектом и оформлено в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства (ст. 75, 88 УПК РФ) [2]. Допустимость тесно связана с достоверностью, которая характеризует содержание доказательств, что является необходимым условием обоснования приговора при рассмотрении уголовных дел в суде.

Оценка доказательств не всегда бывает справедливой. Прежде всего это связано с неверным пониманием участниками уголовного процесса содержания процессуальных документов и иллюстраций к ним из-за низкого качества последних. Иллюстрации к процессуальным документам необходимы для того чтобы представить криминалистически значимую информацию в удобном для ее восприятия виде и объективно передать существенные для расследования уголовных дел признаки фиксируемых объектов.

Правовой основой применения технических средств и методов в криминалистической практике наряду с УПК РФ являются следующие федеральные законы: «О полиции» [1], «Об оперативно-розыскной деятельности» [4], «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [5]. Существуют также ведомственные нормативные акты (например Приказы МВД и инструкции), конкретизирующие права и обязанности субъектов технико-криминалистического обеспечения раскрытия преступлений. Уголовно-процессуальное законодательство России предусматривает возможность применения фотофиксации при хранении вещественных доказательств (ч. 2 ст. 82), при производстве следственных действий (ч. 6 ст. 164), при осмотре трупа и эксгумации (ч. 2 ст. 178), при производстве экспертизы (ч. 3 ст. 204) [2].

Фотосъемка также может применяться и в ходе судебного заседания: «Если в ходе судебного разбирательства проводились фотографирование <...> то об этом

делается отметка в протоколе судебного заседания. В этом случае материалы фотографирования <...> прилагаются к материалам уголовного дела» (ч. 5 ст. 259 УПК РФ) [2]. Фотографии, изготовленные в ходе проведения следственных действий и оформленные в соответствии с требованиями действующего законодательства, могут иметь доказательственное значение в уголовном процессе. Однако это в большей мере относится к фотоснимкам, полученным традиционным способом (с использованием фотопленки), поскольку правила оформления фототаблиц в качестве приложений к протоколам следственных действий разрабатывалась именно для пленочной фотографии. В таком случае к фототаблицам обязательно должны прилагаться негативы для того чтобы исключить возможность внесения каких-либо изменений в содержание снимков. Особенности использования аналоговой фотографической техники позволяют при необходимости экспертным путем установить обстоятельства изготовления фотоснимков и распознать фальсификацию.

Вопрос о допустимости в качестве доказательств возникает в отношении фотоснимков, полученных с использованием цифровых средств фиксации, в настоящее время широко распространенных. Цифровая фотография представляет собой способ фиксации криминалистических объектов, при котором фотохимические процессы получения изображения заменены электромагнитными. Использование цифровых фотоаппаратов значительно сокращает время и трудоемкость процесса фиксации хода следственных действий и позволяет изготовить фотоснимки необходимого качества, поскольку их сразу можно оценить после съемки на жидкокристаллическом экране фотоаппарата.

Несмотря на достоинства цифровой фотографии, при реализации результатов ее применения в процессе доказывания возникают сложности, связанные с отсутствием четкой регламентации использования цифровых средств фиксации в уголовном процессе. При рассмотрении уголовных дел в суде может встать вопрос о допустимости доказательств, содержащих фотоснимки, полученные с использованием цифровой техники. Это связано с тем, что приемными устройствами в цифровых фотоаппаратах являются ПЗС-матрицы двух типов (линейные и статические), в которых оптическое изображение преобразуется в цифровое. Хранение информации в виде цифрового кода позволяет упростить ее обработку, но затрудняет выявление фальсификаций. Файл с цифровым кодом изображения после ввода его в компьютер можно изменить или заменить с помощью различных графических редакторов (например программы Adobe Photoshop), что может привести к сомнениям в достоверности такой информации. Суды зачастую возвращают на дополнительное расследование уголовные дела, в материалах которых имеются фототаблицы, выполненные с использованием цифровой техники.

Споры о допустимости использования цифровых средств фиксации в уголовном процессе продолжаются, поскольку имеющийся в законе ограниченный перечень технико-криминалистических средств, используемых для фиксации хода и результатов следственных действий (ч. 2 ст. 166 УПК), не позволяет практического использования их новых видов [2]. Нормы уголовно-процессуального законодательства допускают, но не предписывают применение тех или иных технических средств, предназначенных для фиксации доказательственной информации на материальных носителях, которые должны обеспечивать надежность ее хранения и возможность неоднократного использования в процессе

доказывания по уголовному делу. Проблемы в данной области по характеру возникновения можно разделить на две группы: процессуальные и технические.

Правовые основы применения цифровой фотографии в ходе расследования преступлений составляет ряд статей уголовно-процессуального законодательства, которые в общих чертах регулируют порядок применения технических средств и методов обнаружения, фиксации и изъятия доказательств и определяют критерии их допустимости (ст. 9; п. 6 ст. 164; п. 8 ст. 166 УПК РФ) [2]. Вопросы возникают по поводу процессуального оформления результатов фотосъемки с использованием цифровых технических средств. В ст. 166 УПК РФ указывается, что «к протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки <...> кассеты видеозаписи, носители компьютерной информации <...> выполненные при производстве следственного действия» [2]. Понятие носителя компьютерной информации в указанной статье не раскрывается, но именно по отношению к ним и возникают вопросы о недопустимости использования результатов применения цифровых средств фиксации. Это связано с возможностью внесения изменений в содержание информации на фотоснимках с помощью компьютерных программ.

Порядок оформления результатов цифровой фотосъемки при производстве следственных действий и судебных экспертиз представлен в информационном письме ЭКЦ МВД России от 1 марта 2005 г. «Об использовании цифровой фотографии»: «Фотографическими снимками являются фотографические изображения, находящиеся в цифровой и аналоговой формах. Фотографические снимки, полученные с помощью цифровой фотокамеры, сохраняются на сменном носителе компьютерной информации. Для их приобщения к протоколу необходимо сделать две копии изображений. Первая копия на бумажной основе изготавливается с помощью принтера, подсоединенного непосредственно к фотокамере. Вторая копия в виде файла графического формата сохраняется на специальном носителе компьютерной информации – компакт-диске» [3]. Согласно указанным рекомендациям фотоснимки, выполненные с использованием цифровой техники, необходимо сохранять на сменном носителе компьютерной информации, изготавливая две копии (на бумажной основе и в электронном виде), прилагаемые к протоколу следственного действия. Уточнения требует понятие «бумажная основа». Возможно, это копия, распечатанная на принтере на простую бумагу, с низким качеством изображения. Но поскольку речь идет о фотоснимках, то для их изготовления, на наш взгляд, необходимо использовать фотобумагу и распечатывать их на фотопринтере. Только таким способом можно обеспечить качество фотографий, а также сохранность и достоверность зафиксированной на них информации.

По установленным ЭКЦ МВД России правилам к протоколу прилагаются только копии, а о цифровом оригинале даже не упоминается. При изготовлении фотоснимков очень часто возникает необходимость в их редактировании с целью улучшения качества изображений. Факт редактирования, согласно требованиям действующего законодательства, должен быть отражен в протоколе соответствующего следственного действия. Однако указание в протоколе технических средств, характеристик исходного файла, графического редактора, степени изменения различных параметров не имеет смысла, если к протоколу не прилагается цифровой оригинал редактируемых снимков.

В специальной литературе имеются предложения и рекомендации по со-

ставлению протокола обработки цифровых изображений, в котором необходимо фиксировать каждую команду и записывать промежуточные изображения на электронный носитель. На наш взгляд, описание действий по редактированию цифровых фотоизображений не обеспечит в полной мере достоверность результатов фиксации, увеличив при этом трудоемкость их получения. Представляется целесообразным создать в криминалистических подразделениях правоохранительных органов специальную базу данных, куда будут поступать исходные изображения и сохраняться все действия по их редактированию, осуществляемые специалистами в области цифровой фотографии.

Допустимость фотоснимков, полученных посредством цифровой фотографии, можно также обеспечить использованием одноразовых носителей цифровой информации (например дисков CD-R) непосредственно на месте проведения следственного действия. По окончании фотофиксации компакт-диск упаковывается, печатывается и заверяется подписями следователя, специалиста и понятых. Диск CD-R имеет индивидуальный серийный номер, который необходимо указать в протоколе следственного действия.

Рекомендуемый ЭКЦ МВД России порядок оформления фотоснимков, выполненных с использованием цифровой техники, имеет ряд существенных недостатков, которые влияют на качество расследования преступлений. По нашему мнению, необходимо внести дополнения в рекомендации по процессуальному оформлению цифровых фотоснимков и в нормы уголовно-процессуального законодательства о возможности использования цифровой техники для целей доказывания по уголовным делам.

Другая проблема использования цифровой фотографии в расследовании преступлений связана с качеством получаемых изображений. Она особенно актуальна при проведении экспертных исследований, так как только качественные фотографии позволяют решать диагностические и идентификационные задачи. Криминалистикой разработаны методы исследовательской фотосъемки для пленочной фотографии, которые требуют усовершенствования в случае применения цифровой техники. Конечно, существует цифровая техника, позволяющая производить фотографии высокого качества, но ее стоимость гораздо выше стоимости пленочных аналогов. Именно по этой причине обеспечение подразделений правоохранительных органов таким фотооборудованием не возможно. В связи с этим считаем, что в зависимости от решаемых криминалистических задач следует установить определенные критерии возможности использования цифровых средств фиксации в процессе расследования преступлений исходя из их технических характеристик. Для целей доказывания необходимо использовать только научно обоснованные и апробированные практикой методики, привлекая к участию в проведении следственных действий специалистов в области цифровой фотографии и видеозаписи.

Таким образом, для того чтобы результаты применения цифровой техники для фиксации хода следственных действий признавались судом допустимыми доказательствами, необходимо выполнить следующее:

- внести изменение в уголовно-процессуальное законодательство, указав только фразу «технические средства фиксации», исключив перечисление видов этих средств;
- внести дополнения в рекомендации по процессуальному оформлению результатов применения цифровой техники;

– определить критерии возможности использования цифровой техники в уголовном процессе исходя из ее технических характеристик.

Библиографический список

1. О полиции: Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Об использовании цифровой фотографии: Информ. письмо ЭКЦ МВД России от 1 марта 2005 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. от 29 нояб. 2012 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

E.A. Belousova
Protection of Public Legal
Interests by the Prosecutor
in Arbitration Courts

The prosecutor's participation in arbitration proceedings to defend public interest is considered. Various scientific concepts concerning the powers and the limit of the prosecutor's participation in the arbitration proceedings are presented. Certain recommendations to improve the existing procedure are analyzed. The ratio of private and public legal interests in the arbitration proceedings is characterized.

Key words and word-combinations: arbitration proceedings, public interest, prosecutor.

Рассматривается участие прокурора в арбитражном судопроизводстве при защите публичных интересов. Представлены различные научные концепции относительно предела и полномочий участия прокурора в арбитражном процессе. Анализируется ряд рекомендаций по совершенствованию действующего процессуального законодательства. Характеризуется соотношение частных и публично-правовых интересов в арбитражном судопроизводстве.

Ключевые слова и словосочетания: арбитражный процесс, публичный интерес, прокурор.

УДК 347.9
ББК 67.410

Е.А. Белоусова

ЗАЩИТА ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ИНТЕРЕСОВ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ ПРОКУРОРОМ

Одной из основных задач современного российского правосудия является эффективная защита субъективных прав и законных интересов граждан и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Однако нередко существует необходимость защиты не только частноправовых, но и публичных интересов. По нашему мнению, представляется целесообразным рассмотреть ряд вопросов участия прокурора в арбитражном судопроизводстве при защите публичных интересов.

До вступления в силу Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ) 2002 г.

возможность обращения прокурора с защитой публично-правовых интересов в арбитражный суд не была конкретизирована, то есть законодательно не прописывалось никаких условий такого обращения [1, ст. 52]. Так, в ч. 1 ст. 41 АПК РФ 1995 г. было закреплено, что прокурор не вправе вмешиваться в частноправовые отношения, которые не соприкасаются с публичными интересами и их защитой [2, ст. 41]. Многие правоведы указывают на то, что в ныне действующем законодательстве происходит некое несоответствие частного и публичного интереса в судебных процессах с участием прокуратуры [3, с. 169].

В связи с перечисленными недостатками АПК РФ 1995 г. законодатель значительно пересмотрел полномочия прокуратуры и закрепил в ст. 52 АПК РФ 2002 г. исчерпывающий перечень возможностей обращения прокурора в арбитражный суд по вопросам защиты публично-правовых интересов. Несмотря на то что теперь законодатель четко определил, с какими исками имеет право выступать прокурор, дискуссионность данного вопроса не иссякла. Некоторые правоведы полагают, что необходимо вновь расширить возможности прокуратуры в арбитражном процессе, то есть восстановить существовавшие в АПК РФ 1995 г. нормы относительно вступления прокурора в процесс в защиту публично-правовых интересов без условий и ограничений [4, с. 8].

Последователи данной точки зрения считают, что роль прокурора в судебном процессе очень важна в целях помощи в борьбе с нарушением закона в сфере публично-правовых интересов, связанных с экономическими вопросами [5, с. 40]. Даже те правоведы, которые изначально были против неограниченных полномочий прокурора и ратовали за их ограничение до вступления в силу ныне действующего АПК РФ 2002 г., после его принятия указывали на неспособность осуществления достаточной степени охраны публично-правовых интересов [6, с. 67].

Некоторые правоведы указывают, что осуществление полномочий по исковому заявлению прокурора в арбитражном суде идет вразрез с принципами Конституции РФ, а именно с принципами равенства всех перед судом и законом, диспозитивности и состязательности [7, с. 8]. Например, по мнению И.А. Приходько, в тех случаях, когда прокурор вступает в судебный процесс по поводу оспаривания сделки, которая совершена юридическим лицом с государственным участием, то есть в уставе которого есть государственная доля, это приводит к тому, что с практической точки зрения прокурор вмешивается в гражданско-правовую сферу, которая основана на принципах диспозитивности и свободы сторон [8, с. 353]. В итоге такое вмешательство делает положение сторон гражданских правоотношений неравным.

Все указанное требует особенного внимания к защите публично-правовых интересов, а также устранения имеющихся пробелов в законодательстве. По нашему мнению, возможно создать определенный механизм реализации закрепления полномочий по защите публично-правовых интересов органами государственной власти и органами местного самоуправления, который будет базироваться на принципах равенства, состязательности и диспозитивности. Нельзя допускать вмешательства в связи с этим в частноправовые интересы. Это должно допускаться только в исключительных случаях, когда иная защита публично-правовых интересов невозможна.

Полномочия прокурора и органов государственной власти, а также органов

местного самоуправления должны быть соразмерны их участию в арбитражном процессе. Они должны следить за сохранением имеющегося баланса публично-правовых и частноправовых интересов. На наш взгляд, объективно это не всегда может удаваться. Конечно, прокурор и иные государственные органы и органы местного самоуправления будут стараться добиться приоритета защиты публично-правовых интересов, поэтому это становится главной задачей суда.

Законодательство Российской Федерации не предусматривает полного и всестороннего описания полномочий государственных органов и органов местного самоуправления, имеющих право выступать в арбитражном суде в защиту публично-правовых интересов. В отдельных сферах законодатель вообще не прописал полномочия государственных органов и органов местного самоуправления в защиту указанных целей. В связи с изложенным считаем, что участие прокурора при рассмотрении дел арбитражными судами необходимо для развития института защиты публично-правовых интересов.

Законодателем установлены различные задачи для органов прокуратуры и государственных органов, органов местного самоуправления. Государственные органы и органы местного самоуправления отвечают за государственное регулирование и управление в сфере защиты публично-правовых интересов. Прокурор, в свою очередь, осуществляет общие полномочия по надзору за надлежащим соблюдением исполнения законодательства [9, с. 517]. Представляется, что полномочия соответствующих структур должны соответствовать поставленным законодателем задачам для данных органов. С нашей точки зрения, в ст. 52 АПК РФ сформулирован концептуальный подход, в соответствии с которым законодатель должен и дальше развивать статус прокуратуры в рамках защиты публично-правовых интересов. Полагаем, что последняя редакция АПК РФ не содержит достаточных полномочий для прокурора, которые могли бы обеспечить надлежащее выполнение задач, стоящих перед прокуратурой Российской Федерации. По нашему мнению, необходимо продолжить обсуждение вопросов, связанных с проблемой определения объема прав и обязанностей прокурора, который выступает в арбитражном суде в защиту публично-правовых интересов.

Проблема состоит в том, что хотя АПК РФ 2002 г. и включает прокурора в число самостоятельных лиц, которые участвуют в процессе с правами, предоставленными истцу и ответчику, но ограничивает его полномочия по обращению в арбитражный суд в защиту публично-правовых интересов. Если сравнить положения ст. 52 ныне действующего АПК РФ последней редакции и аналогичные положения ст. 41 АПК РФ 1995 г., то напрашивается однозначный вывод о том, что в настоящее время прокурор во многом ограничен в правах по вопросам обращения в арбитражный суд в защиту публично-правовых интересов. Таким образом, предлагаем законодателю внести изменения в ст. 52 АПК РФ 2002 г. и закрепить открытый перечень оснований для участия прокурора в арбитражном процессе в защиту публично-правовых интересов.

Кроме этого, предлагаем включить понятие публичного интереса в ст. 52 АПК РФ, позаимствовав последнее из утратившего ныне силу приказа Генеральной прокуратуры РФ от 24 октября 1996 г. «О задачах органов прокуратуры по реализации полномочий в арбитражном процессе» [10, ст. 2.1]. В силу отмеченной выше нормы к нарушениям публичного порядка относились следующие

щие юридические факты: нарушение требований природоохранного законодательства, которые связаны с причинением вреда здоровью населения и природы; осуществление запрещенных видов деятельности либо отсутствие специального разрешения или лицензии в осуществлении предпринимательской деятельности, если это необходимо; содержание в юридических документах предприятия несоответствия законодательству Российской Федерации, а также допущение нарушений предусмотренного законом порядка образования юридических лиц, а также их регистрации; наличие правонарушений, для устранения которых законодатель прямо обязывает прокуратуру Российской Федерации обращаться в арбитражный суд; неисполнение обязательств по отношению к государству, которые привели или могли бы привести к разрыву инвестиционных проектов или иных целевых программ; наличие сведений о недействительности сделки, о ничтожности сделки, о сделках, которые не соответствуют законодательству Российской Федерации, а также сделок, совершенных посредством нарушения основ нравственности и правопорядка.

В заключение рассмотрения настоящего вопроса считаем уместным сослаться на мнение профессора Т.А. Григорьевой, которая отмечает, что при защите публичных интересов судебная власть юридически уравнивает субъектов предпринимательской деятельности и государственные структуры. В связи с этим арбитражное судопроизводство представляет собой конкуренцию частных и публичных интересов, и арбитражный суд обязан обеспечить защиту прав хозяйствующих субъектов от неправомерного вмешательства государственных органов в практическую деятельность, т.е. именно разумное сочетание прав и свобод предпринимателей и юридических лиц и властных полномочий государственных органов должно быть основой их отношений [11, с. 15].

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что действующее процессуальное законодательство в области защиты прокурором публично-правовых интересов в полной мере не отражает современную динамику участия прокурора в подобном рода правоотношениях. Поэтому в настоящее время необходима выработка практических рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства в форме внесения соответствующих изменений в текст АПК РФ, что будет способствовать более эффективной и своевременной защите публичных интересов в арбитражном судопроизводстве.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. от 31 дек. 2014 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2015. № 1. Ст. 80.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ (с изм. от 24 июля 2002 г.) // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1709; 2002. № 30. Ст. 3013.
3. *Приходько И.А., Пацация М.Ш.* Арбитражный процесс в современной России: актуальные проблемы. М., 2002.
4. *Шобухин В.* О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 8.
5. *Ефросинин Д.* Защита кредитором публичных интересов в арбитражном процессе // Законность. 2002. № 12.
6. *Шерстюк В.М.* Новые положения третьего Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2003.

7. Байчарова Ф.Б. Полномочия прокурора в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 9.
8. Приходько И.А. Деятельность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб., 2005.
9. Яковлев В.Ф. Экономика. Право. Суд. М., 2003.
10. О задачах органов прокуратуры по реализации полномочий в арбитражном процессе: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 24 окт. 1996 г. № 59 // Вестник ВАС РФ. 1997. № 1.
11. Григорьева Т.А. Арбитражная юрисдикция в современной России. Саратов, 2002.

N.V. Spesivov
The Creation of a Specialized
System of Juvenile Justice:
International Standards
and Russian Practice

The implementation in law and practice of the basic requirements of the international standards of criminal proceedings involving minors, namely the creation within the juvenile justice system of a specialized justice system is considered. The author reflects on the notion of the juvenile justice system and its importance for ensuring the rights and legitimate interests of minors involved in criminal proceedings.

Key words and word-combinations: international standards of criminal justice, juvenile justice, juvenile technologies, juvenile justice proceedings.

Рассматривается реализация в законодательстве и правоприменительной практике требований одного из основных международных стандартов уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних – создание в рамках ювенальной юстиции специализированной системы правосудия. Анализируется понятие ювенальной юстиции и ее значение для обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса.

Ключевые слова и словосочетания: международные стандарты уголовного судопроизводства, ювенальная юстиция, ювенальные технологии, судопроизводство по делам несовершеннолетних.

УДК 343.2-057.87:343.9
ББК 67.408.06+67.518

Н.В. Спесивов

СОЗДАНИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ ПРАВОСУДИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Одним из основных обязательств Российской Федерации по реализации международных стандартов осуществления уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних является создание специализированной системы правосудия в отношении несовершеннолетних, то есть системы ювенальной юстиции. Образование в стране специализированных (ювенальных) судов было предусмотрено еще в Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 г. [1]. Проблеме ювенальной юстиции посвящено множество работ российских и зарубежных ученых, но, несмотря на это, до сих пор нет единого мнения о том, что следует понимать под ювенальной юстицией и насколько она необходима в современной России.

Идею обеспечения юридической охраны детей посредством организации особого правосудия для несовершеннолетних связывают с возникновением первого суда по делам несовершеннолетних в США в 1899 г. [2, с. 3]. В России термин «ювенальная юстиция» был введен в правовой оборот Национальным планом действий в интересах детей, утвержденным Указом Президента РФ в 1995 г. [3]. В нем под системой ювенальной юстиции понимались специальные составы судов по делам семьи и несовершеннолетних, а также создание правовой базы по профилактике безнадзорности и правонарушений подростков.

На доктринальном уровне сущность ювенальной юстиции впервые стала освещаться в работах Э.Б. Мельниковой и Г.Н. Ветровой, подготовивших проект закона о ювенальной юстиции [4]. В ст. 1 данного законопроекта дано определение ювенальной юстиции как судебной системы, осуществляющей правосудие по делам несовершеннолетних и имеющей задачи судебной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних и судебного разбирательства дел о правонарушениях и преступлениях несовершеннолетних. Тем самым авторы проекта сводили сущность ювенальной юстиции к судебному производству по делам несовершеннолетних аргументируя такую позицию тем, что заимствованный термин «juvenile justice» дословно с английского языка переводится как «ювенальная юстиция». Термин же «юстиция» в России принято трактовать как «правосудие», «система судебных учреждений» и «судебное ведомство» [5, с. 697]. Э.Б. Мельникова в подтверждение своей позиции указывает на то, что при аутентичном русском переводе Пекинских правил термином «juvenile justice» обозначается правосудие в отношении несовершеннолетних и что «все специфические условия осуществления функций судебной власти, доверенных законом ювенальной юстиции, относятся только к тем странам, где в судебную систему включен и действует суд по делам несовершеннолетних» [6, с. 14].

Точка зрения о том, что под ювенальной юстицией понимается именно и только специализированная система судебных органов, получила поддержку в трудах многих российских процессуалистов [7, с. 14; 8, с. 18; 9, с. 8]. Однако такое буквальное понимание данного термина применительно к производству по делам несовершеннолетних, на наш взгляд, не в полной мере отвечает назначению и сущности ювенальной юстиции и требованиям международных стандартов осуществления уголовного судопроизводства по делам рассматриваемой категории. Анализ международных актов, содержащих стандарты уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних, свидетельствует о том, что понятием «juvenile justice» охватывается не только система органов правосудия и порядок его осуществления; оно тесно увязывается с досудебным производством по делам несовершеннолетних. На данное обстоятельство уже указывалось в специальной литературе [10, с. 25], и мы полностью разделяем мнение о том, что международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних, содержащиеся, в частности, в Пекинских правилах, под необходимостью создания системы ювенальной юстиции подразумевают не только определенную систему судебных органов и порядок судебного разбирательства, но и соответствующую процедуру досудебной деятельности, осуществляемой соответствующими специализированными подразделениями.

Разделяя точку зрения о том, что ювенальная юстиция – это система специализированных органов, центральным звеном которой является суд по делам несовершеннолетних, поскольку именно он наделен полномочиями осуществлять правосудие [11, с. 25–26; 12], считаем, что поскольку международные стандарты применительно к судопроизводству с участием несовершеннолетних определяют одной из основных его целей обеспечение благополучия подростка и приоритет воспитательного воздействия, то достижение этой цели вряд ли возможно без вовлечения в систему ювенальной юстиции иных органов и учреждений, ведущих или вовлеченных в производство по делам несовершеннолетних, осуществляющих их социальное сопровождение и профилактику правонарушений (следователи, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, подразделения по делам несовершеннолетних ОВД и т.п.).

В ряде законопроектов об основах ювенального законодательства их авторы справедливо включали в систему ювенальной юстиции, помимо судебных органов, государственные и муниципальные органы и учреждения, обеспечивающие правовую защиту несовершеннолетних, профилактику безнадзорности и преступности [13, с. 92], «нацеленные на решение проблем детей в трудной жизненной ситуации, приведшей к конфликту с законом, путем принятия в соответствии с их статусом и полномочиями мер, сочетающих в себе способы воздействия как формально-юридические (в том числе принуждение), так и психологические, педагогические, социальные» [14, с. 6]. Необходимость взаимодействия указанных органов при производстве по делам несовершеннолетних очевидна, тем более что подобная практика в ряде регионов России, где использовались подобные ювенальные технологии (в том числе привлечение к деятельности суда социальных работников), имела положительные результаты [15]. Судьи, рассматривающие дела о преступлениях несовершеннолетних, отмечают, что реализация требований международных стандартов прав несовершеннолетних участников процесса возможна только при тесной связи судов и органов предварительного следствия с деятельностью специализированных органов и вспомогательных социально-психологических служб [16, с. 7]. Основным же аргументом противников создания ювенальных судов является то, что количество подобных дел незначительно и работа таких судов будет неэффективной.

При обсуждении возможных российских моделей создания ювенальной юстиции в судебном сообществе были предложены следующие варианты:

- создание отдельных ювенальных судов;
- введение в судах общей юрисдикции специализации судей по делам с участием несовершеннолетних (как гражданских, так и уголовных) и создание в крупных многосоставных судах специализированных судебных составов по данной категории дел;
- сохранение специализации судей только по делам о преступлениях несовершеннолетних и возможность создания в судах общей юрисдикции специализированных судебных составов по делам о преступлениях и правонарушениях несовершеннолетних [15].

В настоящее время, в условиях, когда действующий УПК РФ не предусматривает правил о персональной подследственности и подсудности дел о преступлениях несовершеннолетних, специализация уголовного судопроизводства по таким делам остается лишь инициативой отдельных руководителей следственных структур и председателей судов. Но по нашему мнению, без специализации органов, ведущих производство по уголовному делу с участием несовершеннолетних, реализовать в стране ювенальные технологии, создать систему ювенальной юстиции (и, значит, выполнить требования международных стандартов) невозможно. Безусловно, что в наибольшей степени требованиям международных стандартов будет отвечать создание специализированных ювенальных судов. Однако возможна реализация и иной модели (менее затратной, но достаточно эффективной) - создание специализированных судебных составов на уровне областных (краевых) судов и выделение судей с ювенальной специализацией в районах судов. Они будут рассматривать не только уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних, но и уголовные дела, по которым несовершеннолетние являются потерпевшими, а также гражданские дела, затрагивающие интересы данной категории лиц (о лишении родительских прав, усыновлении, защите имущественных и неимущественных прав и т.д.).

В Российской Федерации в настоящее время имеется всего десять специализированных судебных составов по делам несовершеннолетних в судах общей юрисдикции (Таганрогский, Азовский и Шахтинский городские суды и Егорлыкский районный суд Ростовской области, Ангарский городской суд Иркутской области, Абаканский городской суд Республики Хакасия, Петропавловск-Камчатский городской суд, Елецкий районный суд Липецкой области, Володарский и Бежецкий районные суды г. Брянска, Дубровский районный суд Брянской области). С момента их создания (2004–2008 гг.) эти ювенальные, или «детские», суды действуют в экспериментальном режиме, не имея необходимой правовой основы. В то же время результаты их деятельности свидетельствуют об определенных положительных сдвигах (в этих регионах, например, прослеживается снижение показателей повторных преступлений среди подростков, прошедших соответствующие социально-правовые процедуры) [15].

В Указе Президента России «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» в качестве важнейшей задачи поставлено приведение законодательства страны в части, касающейся защиты прав и интересов детей, в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами и стандартами в области прав ребенка, а также с рекомендациями Совета Европы по правосудию в отношении детей [17]. Сегодня разработано около десятка законопроектов о ювенальной юстиции. Однако ни один из них не только не принят, но даже не был внесен на рассмотрение Государственной Думы РФ. Полагаем, что это во многом объясняется неподготовленностью российских институциональных условий, отсутствием соответствующей правовой поддержки и необходимых финансовых вложений. Тем самым в Российской

Федерации ныне налицо целый ряд причин экономического, социального, судостроительного плана, которые существенно затрудняют имплементацию международных стандартов осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних в российское законодательство и правоприменительную практику. Попытки же нововведений в данной области сегодня держатся исключительно на энтузиазме отдельных людей, но не на стремлении государства оказывать поддержку (прежде всего финансовую) данным законодательным инициативам.

Таким образом, говоря о ювенальной юстиции как основополагающем международном стандарте осуществления уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних, следует иметь в виду систему специализированного досудебного и судебного производства по уголовным делам, включающую специализированные судебные составы и следственные органы, функционирующие в тесной связи с органами и подразделениями, осуществляющими защиту прав несовершеннолетних, их социально-психологическое сопровождение и профилактику правонарушений, с обязательным применением ювенальных технологий, деятельность которых направлена на обеспечение прав несовершеннолетних участников процесса, защиту их интересов в целях реабилитации и ресоциализации несовершеннолетнего, предупреждения совершения им повторных правонарушений.

Тот факт, что ювенальная юстиция в России пока еще не создана, на наш взгляд, не означает неудачи данного опыта. Безусловно и то, что только создание системы ювенальных судов или специализированных судебных составов не решит всех проблем, связанных с реализацией международных стандартов осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних. Важное значение при решении этих вопросов имеет совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего процессуальное положение несовершеннолетних участников уголовного процесса и особенности досудебного и судебного производства по делам данной категории.

Библиографический список

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. А.С. Пашин. М., 1992.
2. *Люблинский П.И.* Суды по делам несовершеннолетних в России. СПб., 1910.
3. Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей): Указ Президента РФ от 14 сент. 1995 г. № 942 // СЗ РФ. 1995. № 38. Ст. 3669.
4. Проект закона о ювенальной юстиции в Российской Федерации // Правозащитник. 1996. № 2. С. 42–58.
5. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2004.
6. *Мельникова Э.Б.* Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учеб. пособие. М., 2001.
7. *Ермаков В.Д.* Юстиция обязана защищать права и законные интересы несовершеннолетних // Российская юстиция. 2000. № 10.
8. *Лукьянова Е.В.* Дифференциация правового регулирования в процессуальном законодательстве // Российская юстиция. 2003. № 10.
9. *Замышляев Д.М.* Ювенальные технологии // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 1.

10. *Предеина И.В.* Правовые и теоретические основы развития ювенальной юстиции в России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
11. *Мельникова Э.Б.* Ювенальная юстиция: специфика реализации судебной власти // Государство и право на рубеже веков: мат-лы Всерос. конф. М., 2001.
12. *Ткачев В.Н.* В Ростовской области создается региональная модель ювенальной юстиции // Российская юстиция. 2002. № 2.
13. *Ермаков Я.Д.* Презентация авторского проекта федерального закона «Основы законодательства ювенальной юстиции Российской Федерации» // Проблемы правосудия в отношении несовершеннолетних в России и международный опыт создания ювенальной юстиции: мат-лы междунар. конф. СПб., 2000.
14. *Автономов А.С.* Ювенальная юстиция: учеб. пособие. М., 2009.
15. О результатах обобщения информации судов субъектов Российской Федерации об использовании ювенальных технологий судами общей юрисдикции: постановление Президиума Совета судей Российской Федерации от 21 июня 2010 г. № 228. Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. *Ткачев В.Н.* Правосудие в отношении несовершеннолетних – следующий этап судебно-правовой реформы // Ювенальная юстиция: мультидисциплинарный подход, опыт становления правосудия в отношении несовершеннолетних в Ростовской области / под ред. Е.Л. Вороновой. Ростов н/Д, 2002.
17. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

E.S. Barazgova, K.L. Khitrin
Professions: Topical Analysis
of the Development
of Sociological Notions

The article includes an analysis of some foreign and domestic concepts of studying the professions and professional groups given from the perspective of history of sociology. A conclusion on the necessity of introducing the notion of 'dual professions' to the Russian sociological thesaurus is derived from the analysis of current trends in the dynamics of modern societies' socio-professional structure and empirical data.

Key words and word-combinations: 'dual' professions, socio-professional structure, history of sociology of professions.

Осуществлен историко-социологический анализ некоторых из зарубежных и отечественных концепций изучения профессий и профессиональных групп. На основе изучения актуальных тенденций в динамике социально-профессиональной структуры современных обществ, а также данных эмпирического исследования сделан вывод о необходимости введения в отечественный социологический тезаурус понятия «двойственные» профессии».

Ключевые слова и словосочетания: «двойственные» профессии, социально-профессиональная структура, история социологии профессий.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

Е.С. Баразгова, К.Л. Хитрин

ПРОФЕССИИ: АКТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Родовыми понятиями в социологии профессий естественно выступают понятия профессии и профессиональной группы. В конце XIX в. один из основоположников европейской социологии Э. Дюркгейм четко сформулировал их определение, подчеркнув настоящую историческую потребность современного ему общества в системном изучении разделения труда: «Экономическая жизнь очень специализирована и специализируется с каждым днем еще больше. <...> Группу, которая была бы образована всеми работниками одной и той же отрасли промышленности, объединенными в единую организацию... называют корпорацией или профессиональной группой» [1, с. 9]. Социологи XX в., казалось бы, восприняли подход Дюркгейма, однако скорректировали данное им определение. В качестве иллюстрации приведем точку зрения на институциональные признаки профессии авторитетного специалиста в данной отрасли социоло-

6 8 2015 ● № 2(47)

логии Дж. Миллерсона: (1) занятость на основе применения навыков, базирующихся на теоретическом знании; (2) специализированное образование и обучение этим навыкам; (3) особая компетентность, гарантированная сданными экзаменами; (4) наличие определенного кодекса поведения, обеспечивающего профессиональную идентичность; (5) исполнение определенных служебных обязанностей на благо общества; (6) членство в профессиональной ассоциации [2].

Контекст статьи требует методологического сопоставления приведенных определений. Определение Дюркгейма указывает, во-первых, на закономерность усложнения системы разделения труда в индустриальном обществе, во-вторых, на его отражение в профессиональной структуре и, в-третьих, на существование организаций, объединяющих представителей профессиональной группы. Дюркгейм исходил из потребности общества в технологическом разделении труда и ограниченности его социального оформления. Миллерсон же предложил совершенно иную трактовку профессиональной группы и профессий. Он исходит из неравенства групп, акторов системы разделения труда и перечисляет признаки профессий, определяющие привилегированное положение их носителей. В определении социолога присутствует уже не столько технологическое, сколько социально-экономическое разделение труда, оформляющее неравенство занятий и организацию социального неравенства.

В объяснении выявленного методологического различия уместно обратиться к анализу постулатов европейской и американской социологии профессий. В континентальной традиции укоренено явное или латентное допущение о том, что все «занятия» (включая «профессии») являются следствием углубляющегося процесса специализации. При этом европейские ученые не игнорировали факт иерархичности занятий в экономических отношениях и общественном мнении, но предложили свой способ их научного отражения: они сочли плодотворным объяснить сложившийся феномен логикой процесса разделения труда. В нем было выделено два этапа профессионализации: на первом этапе происходит становление «классических» профессий, но на втором складываются неклассические профессии, востребованные развитием цивилизации. К числу классических профессий были отнесены медицина, право, преподавание, священничество, то есть структуры, сложившиеся в организации связей знания и практик в Новое время. Эти сферы деятельности рассматривались социологами как отличающиеся эталонной организацией профессиональной жизни. В отличие от них «неклассические» профессии стало принятым обозначать как «полупрофессии» (semi-professions) и «мнимые» («mimic») профессии [3, p. 59]. К «полупрофессиям» были отнесены, например, библиотечное дело, а также сестринское дело и ряд других профессиональных «ниш» в системе здравоохранения. В число «мнимых» профессий могут быть включены, например, некоторые занятия из сферы информационных технологий, до сих пор не обладающие признаками профессии. Введение в социологический анализ системы разделения труда приведенных новых понятий позволяет указать на методологически важные выводы европейских ученых:

1) профессиональная структура исторически меняется и развивается, и традиция разделения профессий, полупрофессий и т.д. позволяет исследовать этот процесс; выявленные отличия занятий указывают, с одной стороны, на их не-

равнозначность, но с другой – на функциональную потребность общества во всех группах занятий;

2) эталонные признаки профессии носят институциональный характер, и новые профессии должны конструироваться на их основании;

3) таким образом, понятийный аппарат социологии профессий приобретает способность к актуальному отражению изменений в системе разделения труда.

В последующем развитии европейской социологии предпринимались интересные попытки выстроить профессиональную структуру на иных альтернативных основаниях, отражающих содержание трансформации индустриального общества в постиндустриальное. Наиболее последовательным в разработке оригинального подхода является французский методолог Ален Турен. На основании критериев – степени влияния на развитие социетальной системы и присутствия творчества в деятельности профессиональных групп – он выделил «технократов», «бюрократов» и «новаторов» («rationalizers»). На одном уровне с данными классами выделяются «независимые группы» («independents»). Профессионалы, в понимании Турена, формируют подобную «независимую группу» по отношению к классу технократов. Более того, «штатные» («salaried») профессионалы выступают одним из центров «сопротивления» в определении границ социального влияния класса технократов [4, p. 70]. После выхода в свет работы Турена в 1969 г. продолжился сдвиг в сторону укрепления позиции, согласно которой социально-профессиональные группы должны изучаться в контексте актуальных трансформационных процессов. Кроме того, в его работах в известной мере преодолен подход Дюркгейма: система разделения труда предстает в единстве технологического и социального, достигнутого в процессе движения от индустриального к постиндустриальному обществу.

Методологически для нас также важно было понять: в чем причины устойчивости «классического» подхода в западной (преимущественно англоязычной) социологии профессий? Ответ на поставленный вопрос заключается в следующем: во-первых, традиционные представления о профессии и профессионализации имели под собой реальную основу в виде фиксируемых характеристик и практик, факт наличия которых (высшее специальное образование, профессиональная автономия, «закрытие» доступа в профессию, лицензирование и сертификация, профессиональные ассоциации) был неоспорим; во-вторых, наличие «универсальной» схемы этапов профессионализации позволяло расширять горизонты теоретического анализа вне зависимости от предметной специфики деятельности группы.

Обратимся к характеристике другой влиятельной западной традиции – американской социологии профессий. Социологи по-прежнему предпочитают разделение на «профессии» и «занятия», то есть исходят из рассмотрения профессиональной структуры как важнейшей ипостаси эволюционирующей в развитии общества системы социального неравенства. Однако и американские социологи не могли игнорировать системных изменений, произошедших в последней четверти XX в. в профессиональной сфере, и потребности в их отражении в модели социальной структуры общества. Наиболее интересными в данном направлении представляются работы Д. Белла и Р. Флориды. В начале 1970-х годов Дэниэл Белл признал значение изменения экономических институтов и практик, в частности, конкурен-

ции как вызовов для «структурных элементов общества»; как вызовов, побуждающих систему профессиональной деятельности трансформироваться, в частности, в направлении дальнейшей дифференциации и специализации. «Возникло разделение собственности и управления, оказались дифференцированными и различные задачи менеджмента, в результате чего производство, финансы, маркетинг, технологические исследования, работа с персоналом и тому подобное становились предметом новых формировавшихся профессий» [5, с. 233–234]. Возникновение новых и изменение старых профессий в понимании Д. Белла открывает новую эпоху в разделении труда, где все его виды становятся в определенной мере интеллектуальными, а конкуренция в экономике протекает в когнитивном режиме. Вывод американского исследователя представляется не только справедливым, но и прогностическим, ведь он сделан на заре экономики знаний. Одновременно Белл, по существу, указал на то, что в новую эпоху в разделении труда формируется новая сфера неравенства – неравенства интеллектуального ресурса занятий. Представление об институциональном превосходстве классических профессий оказывается, таким образом, отодвинутым на методологическую периферию.

Подход Белла получил принципиальное продвижение в теории креативного класса Р. Флориды. Понятие «креативный класс» послужило способом обозначения занятий, представители которых обеспечивают «создание значимых новых форм» [6, с. 85]. Носители данных занятий характеризуются схожей идентичностью, часто совпадающими представлениями, желаниями, вкусами. При этом как «суперкреативное ядро», так и «креативные специалисты» (в терминах Р. Флориды) оказываются своеобразными инициаторами и проводниками различных социокультурных новаций, что нашло рельефное отражение в оригинальном названии работы автора: «The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community, and Everyday Life» – «Подъем креативного класса: его роль в трансформации работы, досуга, сообщества и повседневной жизни». Не вдаваясь в содержательные оценки предложенного подхода, заметим, что в нем была снята проблема социальной иерархии занятий: функциональное (креативное) их наполнение влечет за собой трансформацию профессиональной и стратификационной структуры современных обществ. Логика нашего анализа позволяет сделать вывод о том, что в конце XX в. американские социологи совершили методологический возврат к концепции Дюркгейма, которая позволяет фиксировать функциональные и структурные последствия эволюционных изменений в разделении труда для целостной социетальной системы.

Отечественная традиция социологического изучения профессий носит более фрагментарный характер. С нашей точки зрения, в данном направлении можно выделить следующие этапы развития представлений о профессионализации и функционировании социально-профессиональных групп: дореволюционный; советский до 1960-х годов; советский 1960–1980-х годов; российский 1990-х годов; современный, начиная с 2000-х годов.

Труды европейских социологов (Г. Спенсера, Э. Дюркгейма) в свое время получили значительное число откликов в дореволюционной отечественной общественной мысли. Однако и на том этапе развития социологии вопросам профессионализации социальных групп уделялось неоправданно мало внима-

ния. В частности, они не были рассмотрены на необходимом теоретико-методологическом уровне.

Интересным в нашем аспекте анализа оказывается рассмотрение специфики советской социологии профессий. На становление взглядов отечественных социологов, изучавших проблематику профессий, в значительной степени оказала влияние позиция С.Г. Струмилина, высказанная им еще в начале 1920-х годов, в соответствии с которой под профессией понималась совокупность приобретенных «школьной или внешкольной выучкой» специальных трудовых навыков, совмещаемых обычно в одном лице и объединяемых общим названием [7, с. 17–18]. С.Г. Струмилин фактически отождествлял с профессией любое обособленное занятие в системе общественного разделения труда (начиная от слабо дифференцированной «профессии земледельца» и заканчивая системой профессий и специальностей в индустриальном хозяйстве). Впоследствии к личностно-квалификационному подходу С.Г. Струмилина добавился деятельностный подход, развитый в работах В.Г. Подмаркова, В.Н. Шубкина, В.И. Паниотто, Г.А. Чередниченко, М.Х. Титмы, Ж.Т. Тощенко, И.И. Чангли, О.И. Шкаратана [8, с. 49]. Думается, что отождествление профессий и занятий было продиктовано и узостью технологического видения социальных процессов, и политической идеологией, провозглашающей равнозначность всех видов общественно полезного труда. Так называемое возрождение советской социологии в 1960-е годы сопровождалось приращением теоретического знания и обогащением его эмпирической базы. Не случайно в этот период категориально признаны понятия «массовая профессия», «профессии групп интеллектуального труда» (в частности, врачей, преподавателей, инженеров и т.д.). Обратим внимание на тот факт, что в западной социологии именно данные группы рассматривались в качестве «классических» профессий.

Советские социологи не обращались к исследованию новых профессий, о которых уже писали их зарубежные коллеги. Возможно, это связано с тем, что социально-профессиональная структура общества в СССР характеризовалась устойчивой устойчивостью и воспроизводимостью. Социологи не могли зафиксировать какие-либо изменения на макроуровне социальной структуры (не считая изменений второй половины 1980-х годов, например возникновение понятия «индивидуальная трудовая деятельность»). Ситуация резко изменилась с наступлением 1990-х годов, масштабной социально-политической и экономической трансформацией российского общества. В тот период Т.И. Заславской была предложена трактовка как трансформации социальной структуры в целом, так и изменений в ее социально-профессиональном измерении. Отечественная социология профессий значительным образом обогатилась в обобщении объемного эмпирического материала, отражающего динамику трансформационных изменений. Однако, по нашему заключению, качественной перестройки в методологии изучения профессий и профессиональных групп до настоящего времени не произошло. В частности, в отечественной традиции сохранено значение такого понятия, как «нормативный тарифно-квалификационный подход», заключающего в себе принципиальную исследовательскую установку на постановку знака равенства между трудовой и профессиональной деятельностью [9, с. 30].

Тем не менее вследствие произошедших социально-экономических транс-

формаций двух последних десятилетий отечественная социология профессий оказалась в ситуации открытости к восприятию уже существующих западных концептов, а также к разработке собственных теоретико-методологических ориентиров. Несмотря на то что западная и отечественная социология различным образом объясняли процессы изменений, затрагивающих социально-профессиональную структуру, в силу глобализационных и иных сопутствующих тенденций как зарубежная, так и российская наука сталкивается с необходимостью объяснения явлений, природа которых в значительной мере идентична.

В связи с этим в качестве нового для отечественной социологии предлагаем ввести в оборот понятие «двойственные» профессии», использованное американским исследователем Майклом Дейвисом [10, р. 33–34].

В современных условиях углубляющаяся специализация работника дополняется процессом расширения профессиональной компетентности за счет формирования «дополняющих» компонентов. Усложнение характера предметной деятельности затрагивает многие профессиональные группы. При этом источником и существом подобных изменений могут выступать различные тенденции экономико-технологического и социального развития. Один из наиболее очевидных примеров связан с возрастающим значением компетентности работников многих специальностей в области информационно-коммуникационных технологий. В данном случае широта охвата групп занятости компенсируется менее выраженным доминированием подобной составляющей в деятельности отдельных профессий (за исключением сфер занятости, которые естественным образом оформляются в информационном обществе и для которых информационные технологии носят не только инструментальный, но и предметно-творческий характер).

В то же время выявляются и более сложные случаи «двойственности» профессионального статуса. Два из них уже указаны М. Дейвисом – преподаватели медицинских или юридических дисциплин (которые часто одновременно являются соответственно практикующими врачами или юристами) и специалисты в области публичного управления. На наш взгляд, таким же критериям удовлетворяют и другие профессиональные группы (например, кадры управления общеобразовательных организаций – директора и заместители директоров школ). В нашей интерпретации «двойственность» статуса подобных групп, зафиксированная в термине, предложенном Майклом Дейвисом, проявляется в следующем: наличие двух относительно самостоятельных областей знания, необходимых для осуществления профессиональной деятельности (например, медицина / юриспруденция и педагогика / андрагогика); функциональная ситуационность профессионально-ролевого поведения, применения компетенций, связанных с указанными областями знания.

Возникает закономерный вопрос: по какой причине в социологии профессий не рассматриваются процессы формирования «комплексных», «двойственных» профессий? Внимание исследователей, придерживающихся англо-американского подхода, было сконцентрировано на выведении идеального концепта «профессии» в самостоятельно конструируемом «узком» смысле, на определении критериев подобной «идеальной» профессии, в связи с этим англо-американская социология в определенном смысле «пропустила» момент возникнове-

ния двойственных профессий. Показательно, что Майкл Дейвис обращается к концепту «двойственной профессии» с целью опровергнуть тезис о том, что публичное управление не является профессией (точка зрения, в определенной мере опирающаяся на традиции англосаксонской социологии).

В сентябре и октябре 2014 г. с целью получения предметного знания об установках и ориентациях, специфичных для представителей групп «двойственных» профессий, нами осуществлено эмпирическое исследование методом фокус-группы. Были проведены два фокусированных интервью: первое – с представителями группы кадров управления общеобразовательных учреждений (директора и заместители директоров школ, 9 человек); второе – с государственными гражданскими служащими (18 человек).

В первой фокус-группе участникам был задан вопрос о том, считают ли они, что в рамках их профессиональной деятельности управление является самостоятельной функцией. Мнение информантов разделилось. Один из них отметил: *«Я считаю, что управленец – это дополнительное, и не нужно этому самостоятельно учиться, должны где-то этому обучиться...»*. Другой информант подчеркнул: *«...это самостоятельная функция, потому что я вынуждена... вынуждена делать в своей работе то, чему меня совершенно не учили»*. Очевидно, что вне зависимости от семантических различий (рассмотрение управления в качестве самостоятельной или дополнительной функции) информанты едины во мнении о том, что ее реализация требует знаний, умений и навыков, которыми они прежде не обладали. Это свидетельствует о том, что как с точки зрения практической, предметной деятельности, так и с точки зрения обособления определенной самостоятельной системы компетенций управление общеобразовательными организациями действительно выступает в качестве «двойственной» профессии. Подтверждением тому служит и следующая точка зрения одного из информантов: *«Вроде бы учитель тоже управляет детским коллективом, да? <...> Но когда переходил вот на этот уровень, на уровень заместителя директора, то есть это уже другой уровень управления»*. Переход на новый «уровень» требует соответствующего расширения границ профессиональной компетенции, в связи с чем показательной оказывается и оценка, данная информантом роли обучения по курсу ДПО «Государственное и муниципальное управление в системе образования»: *«Эти годовые курсы, наверно, они привели в систему то, что у меня в течение, там, пяти лет, я пыталась, варила в собственном котле»*.

Преследуя аналогичные цели, мы выбрали вторую фокус-группу – с государственными гражданскими служащими. Одной из наших задач была идентификация элементов, присущих «двойственным» профессиям, в деятельности и образовательных потребностях данной социально-профессиональной группы. «Двойственность» природы государственного управления рельефно очерчена одним из информантов: *«...допустим, я много лет проработала на почте... Поэтому, я пришла когда на госслужбу, я занималась контролем и надзором в сфере почтовой связи...»*. В подобном показательном случае видно, как обстоятельства профессиональной мобильности приводят к тому, что человек переходит на уровень государственного регулирования той сферы профессиональной деятельности, которой он прежде занимался. Подобная ситуация, связанная со

спецификой базовой образовательной подготовки служащих, динамизмом изменений в сфере государственного и муниципального управления и требованиями к кадровому составу системы государственного управления, нашла отражение в высказываниях информантов. Участники фокус-группы хотят знать «*конкретные ответы на конкретные вопросы*», «*что делать в той или иной ситуации*». По словам информантов, выпускник вуза, который приходит на гражданскую службу, «*на работе заново учится*». При этом один из информантов подчеркнул следующее: «*...ответы на практические какие-то ситуации в большей степени, наверное, мы сами можем давать друг другу, делиться ими... идет подпитка, скажем, теоретическая, наших практических навыков... Аудиторно делаясь этой информацией...*». Другие информанты полагают, что взаимобмена знаниями будет недостаточно, необходимо «*привлекать к ведению лекций каких-то практикующих [специалистов]...*». Один из информантов в качестве значительного преимущества отметил такую ситуацию, когда в рамках курсов ДПО «*дается информация по тому, как разъясняет прокуратура те или иные моменты законодательства...*». На вопрос о необходимости индивидуализации программы обучения и консультаций информанты в целом отреагировали положительно, при этом отметив, что знания, полученные в рамках традиционных программ, «*применить... на практике мы не сможем...*» (если будет отсутствовать личная мотивация к обновлению профессионально значимых представлений), а также что «*времени недостаточно... для освоения...*». С учетом этого можно сделать вывод: проинтервьюированные государственные гражданские служащие осознают наличие определенных «пробелов» в собственной профессиональной квалификации, вызванных расхождением в базовой образовательной подготовке и специфике актуальной служебной деятельности.

Результаты проведенных фокусированных интервью свидетельствуют о том, что представители интересующих нас групп осознают «двойственный» характер своего профессионального статуса. В высказываниях информантов находят свое фактическое подтверждение выделенные нами критерии востребованности двух относительно самостоятельных систем компетенций, а также ситуационности их практического использования.

Таким образом, нами проведен анализ развития социологических представлений о профессиях, а также предпринята попытка рефлексии над содержанием некоторых из изменений, затрагивающих социально-профессиональную структуру современных обществ. Имеется в виду, например, становление «неклассических» профессий (включая в том числе сферу разработки информационных технологий) и формирование групп «двойственной» профессии. Использование эмпирических данных, собранных авторами при проведении фокусированных интервью, позволило подтвердить релевантность используемого теоретического концепта. Полученные результаты подчеркивают целесообразность введения в отечественный социологический тезаурус понятия «двойственные» профессии».

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1991.
2. Millerson G.L. The Qualifying Association. L., 1964.

3. Forsyth P.B., Danisiewicz T.J. Toward a Theory of Professionalization // *Work and Occupations*. February 1985. Vol. 12, № 1. P. 59–76.
4. Touraine A. The postindustrial society: Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society / translated by F.X. Mayhew. NY, 1971.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
6. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М., 2007.
7. Струмилин С.Г. К вопросу о классификации труда // *Проблемы экономики труда*: сб. М., 1982. С. 13–29.
8. Кораблева Г.Б. Об институциональном подходе к исследованию связи профессии и образования // *Социологические исследования*. 2000. № 6. С. 48–50.
9. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // *Социологические исследования*. 2009. № 8. С. 25–35.
10. Davis M. Is Public Administration a Profession? // *Public Administration Research*. 2013. Vol. 2. № 2. P. 26–36.

L.N. Maksimova
Comparative Analysis
of Organizational
and Professional Culture

Peculiarities of organizational culture and professional culture are investigated. Special attention is paid to the essential characteristics of these concepts. The content and forms of organizational and professional cultures are defined. The main approaches of investigating the concepts in foreign scientific papers are analyzed.

Key words and word-combinations: organizational culture, professional culture, values, beliefs, artefacts, assumptions.

Исследуются особенности организационной культуры и профессиональной культуры. Особое внимание уделяется сущностным характеристикам этих понятий. Определяются содержание и формы организационной культуры и профессиональной культуры. Проанализированы основные подходы рассмотрения этих понятий в зарубежной научной литературе.

Ключевые слова и словосочетания: организационная культура, профессиональная культура, ценности, артефакты, представления.

УДК 316.354:174
ББК 60.55+87.754

Л.Н. Максимова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Жизнь каждого человека связана со множеством организаций. Если нас попросят назвать организации, с которыми мы сталкиваемся на протяжении всей жизни, мы, возможно, назовем школу и организацию, в которой работаем. Вполне вероятно, что мы назовем компании, производящие необходимую нам продукцию или предоставляющие нам услуги. Кроме того, мы можем назвать государственные учреждения на местном и федеральном уровнях, некоммерческие, общественные и религиозные организации. Каждый тип организации влияет на нашу жизнь, ее экономические, гражданские, социальные составляющие. Значит, организации можно

представить в виде своеобразных строительных блоков, из которых и состоит наше общество [1, р. 1]. Организационная культура является набором артефактов, базовых представлений и ценностей, которые возникают в результате взаимодействия членов организации. Иногда организацию сложно описать, но каждый сотрудник имеет интуитивное представление о ее структуре, ценностях и убеждениях своих коллег, подчиненных и начальников, которые они позиционируют в этой организации. Более того, он и устраивался на работу в эту организацию, так как чувствовал, что именно в этой среде он может стать успешным.

В качестве клиентов мы сталкиваемся с культурой организации, взаимодействуя с ее сотрудниками. Мы совершаем покупки в конкретном магазине, несмотря на то что у нас много других возможных вариантов покупки, например благодаря хорошему обслуживанию или компетентным сотрудникам. В роли сотрудника и в роли клиента мы подвергаемся воздействию культуры каждой организации, с которой сталкиваемся.

Менеджеры и руководители особенно заинтересованы в организационной культуре, часто рассматривая ее в качестве средства повышения производительности и эффективности функционирования организации. Некоторые из них считают, что культура их организации уникальна, она может быть эффективным инструментом привлечения к работе высококомпетентных сотрудников и тем самым выгодно отличаться от конкурентов. Потенциальные сотрудники могут быть заинтересованы в организационной культуре, устраиваясь на работу в конкретную организацию. Ведь они хотят работать в среде, которая разделяет их ценности и представления об организационной культуре.

Известно множество дефиниций понятия «организационная культура». Э. Шейн определяет ее как коллективные базовые представления, обретаемые группой при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции [2, с. 31]. В данном определении выделяются три составляющие: социализация или способ, с помощью которых новые сотрудники узнают об организационной культуре, базовые представления и осознание, что у организации может быть несколько культур. Д. Мартин считает, что организационная культура – это интерпретационная модель, связанная с такими культурными проявлениями, как рассказы, ритуалы, жаргон, формальные и неформальные практики [3, р. 330]. По ее мнению, это субъективное явление люди воспринимают по-разному, неоднозначно, вследствие его размытости. В свою очередь, М. Паркер придерживается мнения, что организационная культура – противоречивый процесс постоянного выявления сходства и различия внутри группы людей и между группами людей, работающих в одной организации [4, р. 233]. Анализ рассмотренных определений позволяет выделить несколько характеристик организационной культуры.

Во-первых, организационная культура принадлежит коллективу, то есть группе людей независимо от их статуса. Они не обязательно должны работать в одном отделе и выполнять одинаковые должностные обязанности. Во-вторых, организационная культура является многоуровневым конструктом, состоящим из многих элементов, которые определяют наше организационное поведение и помогают почувствовать профессиональную идентичность. В-третьих, организационная культура представляет собой комплекс артефактов, ценностей и представлений.

К артефактам относятся нормы, стандарты, обычаи, физические характеристики

организационной жизни. Их можно услышать, увидеть и почувствовать, заметить самыми первыми при входе в организацию. Однако их сложно интерпретировать, так как организация порождает большое количество артефактов и сложно сосредоточиться и учесть их все в процессе анализа. Следовательно, удается исследовать не все артефакты и достоверная интерпретация организационной культуры не может быть построена только на исследовании артефактов [5, р. 57]. Нормы поведения особенно важны при изучении организационной культуры. Они могут трактоваться как неформальные и бессознательные правила общения, поведения и как формы социального контроля. К ценностям организационной культуры относятся престиж, благосостояние, контроль, власть, амбиции, независимость, уважение, вежливость и гармония, некоторые из них могут противоречить друг другу, например независимость и работа в команде. Ценности организационной культуры просматриваются в действиях сотрудников и влияют на коммуникацию между ними. Разделяемые сотрудниками ценности неизбежно превращаются в убеждения, которые редко обсуждаются. Представления – это убеждения, не требующие доказательств (могут быть абстрактными, касаться сотрудников, из взаимоотношений с клиентами, покупателями, поставщиками и другими стейкхолдерами). Убеждения регулируют поведение людей, их восприятие, мысли, чувства и действия. Они практически не обсуждаются, поэтому их чрезвычайно сложно изменить. Убеждения настолько укоренились в сознании, что члены организации не могут их четко сформулировать, пока не столкнутся с другим набором убеждений при смене работы или при радикальном преобразовании организации, в которой работают.

Очевидно, что организация не может существовать без коммуникаций. Организационная культура функционирует посредством сложного и постоянного взаимодействия членов организации. Перед началом общения с потенциальными клиентами и покупателями члены организации общаются друг с другом для создания товаров и предоставления квалифицированных услуг. Таким образом, коммуникация порождает организацию, и организация продолжает развиваться в результате коммуникации между ее сотрудниками. Однако организационное общение не сводится только к внутреннему общению сотрудников и конкретной группы стейкхолдеров (заинтересованных лиц). Существование организации обеспечивается коммуникацией с многочисленными группами стейкхолдеров, к которым относятся потенциальные и уже имеющиеся сотрудники, клиенты, покупатели, поставщики, административные ресурсы.

Деловую коммуникацию часто путают с организационной коммуникацией. К деловой коммуникации относится официальная информация, представленная в меморандумах, деловых письмах, докладах, сайтах и рекламных кампаниях. Переговоры, совещания, презентации, прием сотрудников на работу, разрешение конфликтов также относятся к данному виду коммуникаций. Отсюда следует, что деловая коммуникация входит в организационную коммуникацию. Кроме деловой коммуникации, организационная коммуникация включает в себя неформальное общение в виде сплетен, слухов, домыслов, историй, которые передают важную культурную информацию об организации, особенно если такой неофициальный разговор происходит в начале деловой встречи или завершает ее [6]. Следовательно, организационная коммуникация – это всестороннее взаимодействие, посредством которого сотрудники создают, поддерживают и меняют

организацию. Отметим, что коммуникация не является привилегией и обязанностью только менеджеров: все члены организации участвуют в этом процессе.

Организационная коммуникация может осуществляться вербально, невербально, устно и письменно, с помощью электронных средств связи. Сотрудники создают и развивают организационную культуру, используя языковые системы, истории, байки, мифы, связанные с деятельностью организации.

Существуют неверные суждения о формировании и функционировании организационной культуры. Многие придерживаются мнения, что организационную культуру можно легко перенести в другую организацию. В действительности ее не удастся дублировать, она уникальна, так как формируется исторически с учетом специфических особенностей развития организации, ее целей, возможностей и ресурсов. Кроме того, часто полагают, что только одинаковое отношение к организационной культуре способствует сотрудничеству и единению внутри организации. Однако именно признание особенностей разного восприятия организационной культуры помогает сотрудникам выработать систему взаимодействий, способствующих эффективному сотрудничеству и пониманию. Мифом является и точка зрения о том, что все элементы и аспекты организационной культуры имеют положительную коннотацию. Тем не менее ей присущи и отрицательные тенденции: конфликты, неуверенность, которые могут препятствовать внедрению инноваций.

В связи с важной ролью, которую играют организации в жизни общества, исследователи разных отраслей знания – антропологии, коммуникации, психологии, социологии, образования, управления – используют многочисленные теоретические и методологические подходы для изучения сложной структуры организационной культуры, признавая ее основой – коммуникацию в разных проявлениях.

Интересен вопрос о том, что не входит в понятие «организационная культура» и как она соотносится с понятием «профессиональная культура». Основой организационной культуры не может быть один артефакт, ценность или убеждение. Именно сочетание различных убеждений, ценностей, артефактов и является ее основой. Профессиональная культура начинает формироваться в процессе обучения, формального и неформального дискурса, под влиянием профессиональных ассоциаций и сообществ, которые предоставляют и осуществляют дальнейшее профессиональное обучение и повышение квалификации. Знаковые системы влияют на правила повседневного поведения профессионала, что, в свою очередь, формирует стандарты, нормы и правила вхождения в профессию, а значит, и в профессиональную культуру. Считается, что организационную культуру формируют менеджеры. Однако на нее также влияют рядовые сотрудники, принимая, отвергая усилия менеджеров, а иногда даже препятствуя им.

Организационная культура не является социальной структурой определенной организации. В социальных структурах члены организации взаимодействуют друг с другом. Организационная культура формируется в процессе этих взаимодействий. Но это не значит, что отдельно взятая социальная структура организации отражает систему ценностей, артефактов и убеждений всей организации [7]. Профессиональная культура складывается из сложного и многомерного диалога индивидуальных сознаний профессионалов как носителей, потребителей и творцов этой профессиональной культуры.

В исследовании организационной культуры целесообразно использовать интег-

рирование, дифференциацию и фрагментацию, так как некоторые культурные элементы свойственны всем сотрудникам организации, а некоторые интерпретируются различными субкультурами. Эти три процедуры позволяют избежать двусмысленности в определении организационной культуры и трактовать ее более полно.

Профессиональная культура направлена на раскрытие особенностей профессиональной деятельности с учетом специфики самой профессии, профессиональной деятельности и профессионального сообщества.

Опираясь на проведенное исследование профессиональной культуры с точки зрения позитивизма, социологии и феноменологии, а также на факторный анализ, можно определить профессиональную культуру как социокультурный феномен, который отражает индивидуальное восприятие окружающего мира, выражающееся в специфических ценностных установках, с одной стороны, и владении профессиональными знаниями, навыками и умениями – с другой. Профессиональная культура характеризуется взаимосвязью объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов, основой которых является профессионализм как основополагающий фактор и совокупность профессионального знания, профессионального этоса, призвания, внутреннего смысла, направленного на субъекта профессиональной деятельности с целью постижения, сохранения, производства и трансляции новых культурных ценностей в профессиональной деятельности [8, с. 253]. Профессиональная культура имеет сложную многомерную семантику диалога профессиональных идентичностей, этос профессионального сообщества, самоидентификацию и конструирование профессии, индивидуальные сознания профессионалов в качестве носителей, потребителей и творцов профессиональной культуры.

Сходство профессиональной и организационной культуры просматривается в сложности их структуры и особенностях функционирования. Культурные ценности, внедренные непосредственно в коммуникационные практики сотрудников организации, нелегко обнаружить и выделить. На протяжении длительного времени сотрудники не могут описать культуру, в которой они работают.

Драматизм профессиональной и организационной культуры определяется коммуникативной природой и социальным контекстом данных феноменов. Это могут быть: драматизм положения профессии в обществе, внутренний драматизм индивидуального сознания профессионала, столкновение инерции профессиональной организации и творческого потенциала ее членов. В организации одновременно работают профессионалы разных отраслей деятельности, представители разных профессиональных сообществ, поэтому профессиональная культура редко трансформируется в организационную культуру. Однако если в организации работают представители только одной профессии, профессиональная культура может существовать одновременно с организационной культурой.

Организационная и профессиональная культура требует своего дальнейшего теоретико-методологического исследования. Концептуальное описание данных феноменов поможет избавиться от мифов и подробно описать их принципиальные отличия от других организационных концептов.

Библиографический список

1. *Keyton J.* Communication and organizational culture: a key to understanding work experiences. L., 2005.

2. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб., 2002.
3. Martin J. Organizational culture: Mapping the terrain. Thousand Oaks, CA, 2002.
4. Parker M. Organizational culture and identity: Unity and division at work. Thousand Oaks, CA, 2000.
5. Schein E.H. Organizational culture and leadership (2nd ed.). San Francisco, 1992.
6. Boden D. The business of talk: Organizations in action. Cambridge, England, 1994.
7. Trice H.M., & Beyer J.M. The cultures of work organizations. Englewood Cliffs, NJ, 1993.
8. Максимова Л.Н. Социальное конструирование профессиональной культуры в современном российском обществе // Вестник Саратов. гос. техн. ун-та. 2012. № 4 (68).

V.V. Nemolyaev
Professional Culture as a Social Phenomenon

The interaction of such categories as professionalism, professional culture, and culture, is analyzed. The fact that in an information society professionalism cannot be limited to a set of professionally significant skills and abilities is proved. Professionalism has a wide socio-cultural expression and is extended by characteristics of professional value, traditions, norms, behavior principles, social responsibility, and professional experience.

Key words and word-combinations: professionalism, professional culture, culture, professional values.

Исследуется взаимосвязь категорий «профессионализм», «профессиональная культура», «культура». Доказывается, что профессионализм в условиях информационного общества не может ограничиваться механическим набором профессионально значимых знаний, умений и навыков. Он имеет широкое социокультурное проявление и дополняется характеристиками профессиональных ценностей, традиций, норм, принципов поведения и действия, социальной ответственности, профессионального опыта.

Ключевые слова и словосочетания: профессионализм, профессиональная культура, культура, профессиональные ценности.

УДК УДК 316.354:174
ББК 60.55+87.754

В.В. Немоляев

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ
ФЕНОМЕН**

Россия вступает в новую эпоху, определяющую глобальные изменения в системе профессионального взаимодействия населения. Страна постепенно переходит от индустриальных к информационным нормам и принципам общественного развития. Данный переход предусматривает не только доминирующее проявление тенденций профессионального развития в целом, но и рост неопределенности, обострение социальных противоречий, повышение конфликтности и непредсказуемости культурных, социально-экономических, трудовых, образовательных процессов в России и ее отдельных социальных подсистемах.

Несложно заметить, что укрепление принципов открытого информационного общества порождает как прогрессивные, так и регрессивные тенденции социально-экономического развития. С одной стороны, создаются условия профессиональной переори-

ентации и интеграции работников, растет профессиональная свобода выбора, расширяется значимость культурных параметров профессионализма, а также социальной ответственности субъектов трудового действия и взаимодействия, с другой – усиливается процесс социальной дезинтеграции, возрастает несогласованность, разнонаправленность, противоречивость профессиональных стратегий организации в целом и отдельных ее структурных социальных подсистем в частности.

Преодоление перечисленных противоречий требует не только уточнения содержания современного понятия профессионализма и профессиональной культуры, но и выявления современных подходов для разработки параметров оценки процесса формирования профессионального потенциала современного информационного общества. Важно определить содержание социологических категорий: «профессионализм», «профессиональная культура», «культура». Данные понятия не могут рассматриваться как механически сочетающиеся, формально взаимопроникающие и дополняющие друг друга, поэтому следует выявить органический синтез данных категорий, раскрыть профессиональную культуру как феномен, определяющий некое сочетание профессионализма и культуры личности в условиях становления информационного общества. Важно обосновать предпосылки расширения качественных характеристик феномена профессиональной культуры в результате интеграции черт традиционного профессионального мастерства с новыми социокультурными характеристиками профессионализма: профессиональными ценностями, нормами, принципами, приоритетами, трудовыми стратегиями работника как труженика-профессионала. Для уточнения современного содержания понятия «профессиональная культура» рассмотрим теоретические концепции, отдельно исследующие социологические категории «культура» и «профессионализм», покажем их взаимосвязь и интегральные основы в условиях становления открытого информационного общества.

Категория «культура» традиционно связывается с комплексом материальных и духовных ценностей общества, процессом возделывания, результатами труда, профессиональной обработкой, созданием чего-либо нового. Ю.М. Лотман утверждает, что культура может рассматриваться как некоторые общие признаки поведения и действия коллектива или «группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией» [1, с. 5].

Исследователи традиционно рассматривают формирование культуры как процесс изменения природных конструкций общества. Возделывание и создание являются основными факторами развития культуры. Поэтому вполне допустимым является в рамках социально-экономического подхода отождествление культуры с процессами, которые определяют реализацию труда или связаны в той или иной степени с процессом социализации. По сути, культура – то результат трудовых трансформаций или социального накопления некоторого набора ценностей, норм, моделей трудового взаимодействия, форм и стилей мышления, форм социального поведения и трудового действия акторов. Культура отражает духовную жизнь людей, определяющую «набор этических норм, правил, обычаев и традиций» [1]. Внешне культура проявляется

в форме культурного пространства и выступает как синтез культур населения регионов, сообществ, организационных систем, отдельных трудовых групп, профессиональных сообществ. Общественная, региональная, организационная, профессиональная культура характеризуется в рамках системы культурного пространства общества: «...определяется целым комплексом культурных моделей и стилей поведения, образов жизнедеятельности, изображений, к ней относятся члены отдельных организаций, сообществ, территорий, социальных групп с их поведением, деятельностью, общественными отношениями» [2, с. 21].

Культурное пространство характеризует весь образ жизнедеятельности человека, его социальные действия, в том числе и профессионального типа. Культура отражает не только общественное знание, которое распространяется, усваивается и передается, но и определенный стиль поведения и профессионального взаимодействия людей. В данном контексте профессиональное действие людей представляет собой форму социального действия, «которое по предполагаемому действующим лицом (или действующими лицами) смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [3, с. 603].

Исходя из изложенного, можно констатировать, что культура не только характеризует те или иные профессиональные действия, но и является объективной предпосылкой трудового консенсуса, социально-трудовых связей, коммуникативно-образовательного общения, профессиональной гармонизации и всякого трудового взаимодействия и сотрудничества профессиональных групп. По сути, культура характеризуется всей системой социального трудового действия. «В зависимости от преимущественных функций выделяют различные ее формы, типы и виды, в частности деловую, управленческую, административную, организационную, корпоративную» [4, с. 4]. В рамках системы деловой культуры логично выделить подсистему профессиональной культуры тружеников.

Таким образом, культура – это широкое социологическое понятие. Оно в обобщенном контексте включает в себя совокупные результаты социализации людей. Культура характеризует не только знания, здания, технологии и технику, но и систему ценностей, норм, принципов, функционально актуальных и накопленных в сознании населения и определяющих стилевые практики профессиональной деятельности. Культура имеет различные формы, типы и виды. В контексте культурологического подхода профессиональная культура – это вид деловой культуры, представляющий собой уровень социокультурного развития организации и профессиональной деятельности отдельных групп работников.

Несколько отличается позиция исследователей в отношении профессионализма и профессионального потенциала. В частности, профессионализм рассматривается «в качестве интегральной характеристики человека-профессионала как личности и субъекта деятельности» [5, с. 161]. Россияне последние годы адаптировались к новым социально-экономическим условиям, которые, с одной стороны, способствовали снижению эффективности образовательного формирования профессионального потенциала, а с другой – не создавали

условий развития инициативы, не мотивировали самосовершенствование профессиональной деятельности индивидов. Зарубежные и российские эксперты считают, что в новых условиях в России преобладают профессионально активные люди: «Треть самодеятельного населения страны, судя по опросам, демонстрирует высокий уровень жизненных притязаний и готовность к их достижению, опираясь главным образом на собственные силы и возможности» [6, с. 49]. В современном российском обществе возрастает потребность не только в новом уровне качества жизни, но и в расширении процесса образовательного развития профессионализма, социального накопления профессионального потенциала в виде капитального культурного ресурса работника. Поэтому в новых условиях необходимо рассмотрение профессионализма в расширенном контексте.

Профессионализм современными аналитиками трактуется не только как совокупность профессиональных знаний, умений и навыков, но и как комплекс профессиональных социокультурных способностей индивидов (их количественное, качественное и ценностное проявление), которые используются или могут быть использованы в процессе профессионального трудового действия и взаимодействия. Ю. Быченко и Т. Баландина доказывают, что в условиях становления информационного общества накопленные результаты в форме профессиональных знаний, умений и навыков, трудовых способностей к творчеству не составляют активного профессионализма, а являются его предпосылкой, создают необходимые условия. Источником же развития активного информационного профессионализма служат сам процесс культурной социализации работника как творческого носителя труда, социокультурные профессиональные характеристики личности, трудовое освоение им накопленных профессиональных знаний и опыта в различных сферах непосредственной профессиональной деятельности [7, с. 132–135].

Развитие индустриального общества предусматривает формирование традиционных параметров профессионализма в виде комплекса профессиональных знаний, умений, навыков. В условиях информационных трансформаций осуществляется процесс передачи в специфической форме конкретных знаний и опыта взаимодействия работников-профессионалов в рамках функционирования классической трудовой культуры организации. Становление информационного общества предусматривает формирование расширительного комплекса характеристик профессионализма. Данный комплекс в новых условиях характеризуется всей совокупностью организационной жизни работника-профессионала в виде его социальной ответственности, «ценностей, знаний, значений, символов и эмоций» [8, с. 24]. Д.Б. Зильберман указывает на необходимость в современных условиях дополнить характеристики профессиональной культуры профессиональными нормами, правилами и традициями, которые рассматриваются как интегрирующий механизм профессиональной культуры, позволяющий сохранять и приумножать «специфику профессии и организации» [9, с. 72–105]. Профессионализм в условиях информационного общества проявляется как широкая социокультурная система характеристик профессионала, его профессиональная культура. Современный профессионализм развивается как социокультурный фено-

мен, растет значение профессиональных ценностей, этики, социальной ответственности работников.

Таким образом, концепция профессионализма, формулируемая в рамках междисциплинарного подхода, позволяет выявить социальную определенность и специфику процессов развития данного явления в системе индустриальных и информационных общественных отношений. Необходимо, учитывая особенность социокультурного аспекта данного явления, одновременно рассмотреть его трансформацию с учетом специфики развития российского общества. Рассматриваемые взаимосвязанные понятия: «культура», «профессионализм» и «профессиональная культура» по-разному проявляются в различных исторических периодах общественного развития. Комплексное исследование профессионализма приводит к необходимости синтеза количественных и качественных процессов формирования характеристик данного явления в условиях роста общественных информационных ресурсов. Важно рассмотреть развитие профессионализма в виде единого социально-культурологического общественного процесса трансформации комплексных характеристик посредством системных институтов государства, науки, образования, семьи, общественных организаций. Трансформация общественных отношений – основной фактор изменения проявления профессионализма как социального явления.

Комплексная социальная модернизация российского общества приводит к обострению противоречий развития профессионализма. С одной стороны, глобализация, мировая интеграция, специализация трудовых процессов открывают работникам возможность накопления новых информационных технологий, культурных достижений, научных и образовательных новшеств. С другой стороны, резко возрастает социально-экономическая конкуренция, увеличивая разрыв социальных интересов различных обществ, трудовых коллективов, отдельных работников. Дифференциация идеологических предпочтений и социальных стратегий приводит к необходимости формирования широкого комплекса профессиональных характеристик работников, демократизации трудовых отношений и расширения внутренних творческих возможностей различных профессиональных групп, актуализации проблем разработки и внедрения нововведений в рамках деятельности различных профессиональных сообществ. Кроме того, расширяется ракурс профессиональной идентичности акторов, важнейшими профессиональными качествами становятся культурные характеристики личности: трудовые ценности, социальная ответственность, социально-профессиональные нормы, способности трудовой адаптации.

В современной России проявляется противостояние двух разнонаправленных тенденций: первая – функционирование традиционного профессионализма (воспроизводство узкого комплекса знаний, умений, навыков по той или иной группе профессий); вторая – развитие профессиональной инновационной культуры (воспроизводство профессионализма как широкого социокультурного феномена, включающего в себя широкий круг социокультурных характеристик личности как представителя той или иной профессиональной группы). По мере становления информационного общества

профессионализм все в большей степени проявляется как профессиональная культура. Его характеристика не может ограничиваться механическим набором профессионально значимых знаний, умений и навыков. Он имеет социокультурное широкое проявление и дополняется социокультурными характеристиками работника профессионала: профессиональными ценностями, традициями, нормами, принципами поведения, этикой, социальной ответственностью, профессиональным опытом, способностями работников реализовывать значимые в данной профессии идеи, осуществлять поиск, систематизацию, обработку и обобщение ранее созданных знаний (в области того или иного профессионального труда). В целом профессионализм как профессиональную культуру характеризуют не только профессиональные трудовые способности личности, но и культура трудового поведения, а также его потенциальные возможности творчески профессионально мыслить, создавать духовные и материальные «ноу-хау».

Профессиональная культура формируется в результате процесса широкого профессионального образовательного развития личности, ее духовности, роста научных, умственных способностей акторов. Социокультурное образовательное развитие личности позволяет формировать интеллектуальный профессиональный потенциал работников, обеспечивающий в последующем возможность вести им все более интеллектуально сложную профессиональную деятельность, связанную с аналитической, синтезирующей работой, абстрагированием, конструированием, моделированием, проектированием трудовых практик. Профессионализм как профессиональная культура может рассматриваться в потенциальной, а также социально реализованной формах. Он является социетальным показателем, выражающим уровень социально-экономического благополучия общества и характеризующим статус общества на международном уровне.

Библиографический список

1. Соломанидина Т.О. Организационная культура компании. М., 2010.
2. Баландина Т.М. Формирование организационной культуры инновационного типа. Саратов, 2004.
3. Вебер М. Избранные произведения. М, 1990.
4. Капитонов Э.А., Зинченко Г.П., Капитонов А.Э. Корпоративная культура: теория и практика. М., 2005.
5. Чернец Е.В. Подходы к изучению профессиональной культуры и корпоративной культуры // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2009. № 28 (165).
6. Петухов В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социологические исследования. 2012. № 2.
7. Быченко Ю.Г., Баландина Т.М. Экономическая социология. Саратов, 2013.
8. Антропология профессий / под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005.
9. Зильберман Д.Б. Традиция как коммуникация: традиция ценностей, письменность // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 72–105.

Ya. Yu. Maslova
Performance Appraisal
as an Instrument to Increase
Competitiveness of a Higher
Education Institution

The problem of the increase of higher education institution competitiveness is actualized. Various approaches to the determination of assessment components are classified. The term “algorithm of carrying out the estimation procedure” for the reflection of the essence of carrying out an assessment is offered and theoretically approved. The assessment of work of the faculty serves as a labor productivity regulator.

Key words and word-combinations: personnel assessment, faculty, competitiveness of higher education institutions.

Актуализирована проблема повышения конкурентоспособности вуза. Классифицируются различные подходы к определению компонентов оценки. Предложен и теоретически апробирован термин «алгоритм проведения оценочной процедуры» для отражения сущности проведения оценки. Оценка труда профессорско-преподавательского состава выступает как регулятор производительности труда.

Ключевые слова и словосочетания: оценка персонала, профессорско-преподавательский состав, конкурентоспособность вуза.

УДК 658.310.9
ББК 65.291.6

Я.Ю. Маслова

ОЦЕНКА ПЕРСОНАЛА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВУЗА

В настоящее время эффективность работы вузов напрямую зависит от повышения качества обучения. Полагаем, что уровень конкурентоспособности учебного заведения корректнее рассматривать через развитие конкурентных преимуществ, при этом именно совокупность знаний и профессиональных компетенций персонала является конкурентным преимуществом образовательных организаций. В связи с этим следует констатировать, что преобладающим условием выживаемости вузов на рынке образовательных услуг становится не только максимально полное использование уникальных человеческих ресурсов, но и грамотно выработанная стратегия развития. В главный инструмент, позволяющий увязать стратегию развития и персонал, необходимый для ее реализации, превращается оценка персонала.

С нашей точки зрения, под оценкой персонала следует понимать процесс, в ходе которого происходит установление соответствия качественных и количественных характеристик персонала, демонстрируемых моделей поведения, уровня лояльности сотрудников выбранным стратегическим ориентирам, с детализацией перспектив и целей развития организации в требованиях должности или рабочего места.

Сегодня выработаны различные подходы к определению компонентов оценки. Например, оценка персонала с процессуальной

точки зрения включает процедуры подготовки, проведения, подведения итогов и реализации принятых решений. Наиболее известен подход И.В. Бизюковой, согласно которому в составе оценки выделяют содержание оценки (личные качества, процесс труда, результативность труда); методы оценки; процедуру оценки (субъект оценки, место оценки, периодичность оценки, последовательность оценки) [1, с. 43].

В некоторых источниках применяется термин «система оценки» как полный цикл оценочных процедур. С.Ю. Трапицын, Е.Ю. Васильева исходят из того, что технологический компонент системы оценки качества деятельности преподавателей в вузе складывается из таких элементов, как направления, формы, методы, средства, результаты оценки, управление системой оценки. М.Ф. Мизинцева, А.Р. Сарданян определяют систему оценки персонала в качестве совокупности различных элементов в оценке персонала (субъектов, объектов, инструментов, методов и т.д.), находящихся в тесной взаимосвязи друг с другом и направленных на достижение установленных организационных целей [2, с. 30].

С нашей точки зрения, для отражения сущности проведения оценки целесообразнее применять термин «алгоритм проведения оценочной процедуры», прорабатывающий набор и порядок действий, последовательность шагов при проведении оценки персонала. Каждый из этапов, входящих в данный алгоритм, предполагает системность действий, учет целой группы факторов, влияющих на результаты оценки, объективность получаемого результата. В отличие от системы, алгоритм определяет четкую последовательность действий, позволяющую максимально эффективно реализовывать технологию оценки на каждом этапе работы с персоналом. Алгоритм состоит из нескольких компонентов.

Первый компонент – определение цели оценки, заключающейся в детализации требований к той или иной области оценки. Оценка позволяет соотнести оцениваемый параметр со стратегическими ориентирами организации и с ситуационным контекстом. Цель оценки персонала – определение соответствия текущего профессионального уровня и личностно-мотивационных характеристик, а также потенциала сотрудников задачам стратегического развития компании [3, с. 150].

Оценка персонала как кадровая технология преследует одну основную цель – получение объективной и достоверной информации об объекте оценки, которая крайне сложно достигается на практике. Для повышения объективности и достоверности данных разрабатывается множество технических средств и приемов сбора информации. Помимо основной цели в ходе оценки достигаются следующие цели: административная, предполагающая обязательное принятие управленческих решений по результатам оценки; информационная, заключающаяся в сборе данных, а также обеспечивающая удовлетворение потребности человека в оценке своего труда для возможности его корректировки; мотивационная. Оценка сама по себе может выступать серьезным фактором как мотивации, так и демотивации работников. Ее некорректное проведение может свести на нет мотивационные программы, мероприятия, направленные на развитие сотрудников.

Вторым элементом оценки выступает объект оценки. В зависимости от цели обозначается объект проведения оценочных мероприятий, который может классифицироваться по различным основаниям: по степени участия в достижении организационных целей: оценка персонала категории А, категории С; по уровню иерархии системы управления: оценка труда руководителей, оценка подчиненных; по профессиональному признаку: оценка учителей, врачей.

При проведении оценки нельзя получить информацию абсолютно обо всех качествах объекта оценки, поэтому принято выделять предмет оценки, под которой понимается продиктованная и востребованная практикой часть объекта оценки, например личные качества работника, процесс труда, результативность труда. Основное содержание предмета оценки сотрудника во многом определяется содержанием и характером его деятельности, следовательно, достичь объективных результатов возможно, если она будет производиться по основному содержанию деятельности работника, то есть по тем аспектам, которые прямо связаны с его профессиональной квалификацией.

Третий компонент оценочной процедуры – выбор субъекта оценки. Субъект оценки – то лицо, которое оценивает. Оценщиком могут выступать: само оцениваемое лицо (с целью развития у работника навыка самоанализа), непосредственный руководитель, работники службы управления персоналом, коллеги, имеющие структурные взаимосвязи с оцениваемым, подчиненные оцениваемого, а также лица, не имеющие непосредственного отношения к оцениваемому: независимые эксперты, специалисты оценочных центров. Все субъекты оценки подразделяются на формальные и неформальные. К формальным субъектам оценки относят руководителей и работников кадровых служб, так как именно они обладают правом принятия административного решения по результатам оценки. Неформальные субъекты оценки – коллеги, подчиненные, независимые эксперты, само оцениваемое лицо – дают свое заключение, которое учитывается формальными субъектами оценки при обобщении информации для принятия управленческого решения. В последнее время на практике часто применяется комбинированная оценка, когда оценщиком выступает не один субъект, а сразу несколько. Примером последнего является круговая аттестация, когда работника одновременно оценивают руководитель, коллеги, подчиненные, клиенты, независимые эксперты.

Четвертым компонентом оценочной процедуры выступает выбор методов оценки, то есть способ сбора информации. Он произведен от субъекта оценки, так как каждому из них может быть свойственен свой подход к получению сведений о предмете оценки. Для обеспечения эффективности оценки персонала необходимо также выбрать оптимальную периодичность оценки. Она может быть запланированной (текущей) и внеплановой. Планируемая оценка осуществляется с различной частотой. Количество оценок зависит от того, в каком состоянии находится организация. Если положение фирмы стабильно, то оценка может проводиться один раз в полгода, если положение неустойчивое – ежемесячно, а в некоторых случаях и еженедельно. Внеплановые оценки могут использоваться при отборе кандидатов на вакантную должность, при выявлении потенциальных возможностей сотрудников для выполнения определенных функций.

В зависимости от задач, стоящих перед оценкой, определяются: место оценки (как правило, рабочее место сотрудника); последовательность оценки – набор мероприятий, проводимых для получения сведений об объекте оценки.

Таким образом, четкое определение объекта и предмета оценки, оптимальный подбор субъектов, своевременность и разумная периодичность значительно повышают объективность и эффективность оценки персонала. Реализация последней зависит от уровня развития компании, реализуемой ею стратегии, типа организационной культуры. В любом случае она должна быть бизнес-ориентированной, функциональной, связанной с системой мотивации и стимулирования, способствующей развитию персонала, обеспечивающей коммуникацию стратегии.

Опираясь на сформулированный подход к определению сущности оценки персонала, обозначим основные принципы ее проведения.

Первый принцип заключается в том, что критерии оценки должны быть стратегически эффективными и обоснованными. Это способствует обеспечению достижения целей вуза, закрепляя основную связь показателей деятельности с достигаемым результатом. Подобными критериями должны выступать компетенции персонала, позволяющие сформировать требуемые стратегические компетенции фирмы.

Вторым принципом выступает осуществимость реализации оценочных процедур. Речь идет о разработке инструментов, позволяющих получить достоверную информацию о состоянии стратегически обоснованного показателя оценки.

Третий принцип оценки – экономическая целесообразность, причем пониматься она должна в двух аспектах: во-первых, сквозь призму экономической ситуации, в которой находится организация; во-вторых, затраты на проведение оценки не должны превышать экономического эффекта, получаемого от ее результатов.

Четвертый принцип оценки заключается в необходимости дифференциации показателей в ходе проведения оценочных процедур. Расстановка приоритетов определяется степенью способствования показателя созданию уникальных источников конкурентного преимущества организации. Ключевым элементом дифференциации в данном случае является цепь причинно-следственных связей, которые уникальным образом приводят в действие стратегию фирмы. Выбор тех или иных показателей должен стать непосредственным результатом четкого понимания организацией того, каким образом обеспечивается вклад ее человеческих ресурсов в процесс создания стоимости [4, с. 229].

Пятый принцип – комплексный подход к проведению оценки, включающий несколько аспектов. Во-первых, к числу субъектов оценки должны быть отнесены специалисты различных функциональных направлений, поскольку получить полные и достоверные сведения о достижимости стратегических целей не могут только представители кадровых служб. Во-вторых, оценка должна охватывать все уровни управления. Каждый работник по-своему участвует в достижении целевых показателей, и только анализ вклада каждого позволит определить дальнейшие направления развития. В-третьих, комплексный характер оценки предполагает использование всех ее компонентов в совокупности.

Речь идет о реализации алгоритма проведения оценочной процедуры, не допускающего исключения какого-либо элемента. В-четвертых, помимо того что субъектами должны выступать специалисты различных функциональных направлений, результаты, полученные в ходе оценки, должны использоваться для принятия управленческих решений во всех сферах деятельности организации.

Шестой принцип – своевременность оценки. Оценка персонала выступает своеобразным индикатором, определяющим успешность практической реализации стратегии организации, и может информировать как об опережении, так и об отставании от заданного темпа развития [5, с. 150]. Именно поэтому оценка должна проводиться с периодичностью, позволяющей внести корректировку в усилия, прилагаемые для достижения цели, и с применением методов, позволяющих собрать и проанализировать информацию способом, отражающим указанные взаимосвязи. Своевременность оценки позволяет создавать и поддерживать в организации эффективную систему управления человеческими ресурсами, включающую подбор, мотивацию, развитие, высвобождение.

Седьмой принцип – сбалансированность показателей оценки, что подразумевает целую систему показателей, позволяющую всесторонне рассмотреть основные области деятельности работников.

Представляется, что виды оценки можно определенным образом классифицировать (рисунок).

Виды оценки

Можно выделить следующие уровни оценки: уровень конкретного рабочего места, уровень подразделения, уровень организации, уровень внешних потребителей. Правильное определение уровня проведения оценки задает характер получаемой информации и диапазон принятия последующих управленческих решений. На качество оценки существенное влияние оказывают факторы, задающие контексты ее проведения, основными из которых являются: личностный (лица, проводящие оценку, обладают субъективностью в принятии решений); идеологический (заинтересованность в проведении объективной и достоверной оценки); организационный (форма собственности, организационная структура определяют условия, технологию проведения оценочной процедуры); кадровый (наличие системы управления персоналом, степень «открытости» работников к проведению оценки, уровень доверия руководству и самой процедуре). К вспомогательным относятся такие контексты, как материально-технический (наличие специализированных оценочных программ, повышающих объективность получаемых данных); управленческий (наличие у руководства умения осуществления каскадирования целей, постановки задач, определения показателей оценки); нормативно-правовой (разработанность нормативно-правового сопровождения оценки); методический (наличие программ поддержки субъектов и объектов оценки при проведении оценочных мероприятий); информационный (формирующий объем и качество получаемой информации).

Суммируя изложенное, приходим к выводу, что оценка выступает инструментом, обеспечивающим конкурентоспособность организации. Достигается это своевременной и грамотной диагностикой демонстрируемых моделей поведения сотрудников и соотношением с созданием и поддержанием конкурентного преимущества. В то же время оценка выступает регулятором производительности труда. Применительно к вузовской среде ее можно рассматривать как выполнение нагрузки преподавателем. Однако это формальный признак производительности, и в аспекте повышения конкурентоспособности образовательной организации ее целесообразнее рассматривать как проведение целого комплекса работ, направленных на привлечение большего количества потребителей услуг. Производительность труда профессорско-преподавательского состава в данном случае следует исчислять в денежном выражении. Однако вузовские работники не относятся к категории людей, получающих зарплату в зависимости от количества произведенного продукта, поэтому их заинтересованность в получении результата может обеспечиваться только грамотным проведением оценки, выступающей формой обратной связи, даваемой высшим руководством относительно участия сотрудников в реализации стратегии организации.

Библиографический список

1. Бизюкова И.В. Кадры управления: подбор и оценка. М., 1998.
2. Мизинцева М.Ф. Оценка персонала: учебник и практикум для бакалавров. М., 2014.
3. Макарова И.К. Управление человеческими ресурсами: Уроки эффективного HR-менеджмента. М., 2013.
4. Хьюзлид М. Оценка персонала: Как управлять человеческим капиталом, чтобы реализовать стратегию. М., 2007.
5. Махметова А.Е., Долгий В.И., Еремеев М.А., Верещагина Л.С. [и др.]. Методологические проблемы оценки персонала. Саратов, 2010.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

E.V. Chekmarev, V.V. Chernikova,
L.S. Yakovlev

**Destruction Trends of Traditional
Models of Youth Political
Socialization: the Contours
of the Political Counterculture
(Based on the Results of Regional
Studies)**

The nature of the political culture of youth are revealed. The influence of political culture on political participation is considered. The phenomenon of counterculture in the space of culture forms is analyzed. Factors influencing the formation of the political culture of youth in the current political process are studied. The analysis is based on the empirical data of discussions among the youth of the Saratov Region.

Key words and word-combinations: youth, political culture of youth, political participation of youth.

Выявляются особенности политической культуры молодежи. Рассматривается влияние политической культуры на политическое участие. Анализируется феномен контркультуры в пространстве культурных форм. Исследуются причины, влияющие на формирование политической культуры молодежи в современном политическом процессе. Используются эмпирические данные дискуссий среди молодежи Саратовской области.

Ключевые слова и словосочетания: молодежь, политическая культура молодежи, политическое участие молодежи.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

**Э.В. Чекмарёв, В.В. Черникова,
Л.С. Яковлев**

**ТЕНДЕНЦИИ ДЕСТРУКЦИИ
ТРАДИЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СОЦИАЛИЗАЦИИ
МОЛОДЕЖИ:
КОНТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОНТКУЛЬТУРЫ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
РЕГИОНАЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Термин «политическая контркультура» может казаться излишним, искусственным. Во всяком случае, его нельзя полагать устоявшимся. В литературе он употребляется редко, а если используется, как у В.П. Шалаева, В.В. Хренкова, то, по сути, для обозначения внесистемной оппозиции [1, с. 94–104]. Если принимать стандартное определение политической культуры как системы политического опыта, знаний, стереотипов, образцов поведения и функционирования политических субъектов, то может казаться, что в объеме на этой основе понятийном ряду нет необходимости выделять специально ра-

дикальную альтернативу мейнстриму. Это сомнение обусловлено привычностью для политических отношений достаточно четкого распределения спектра позиций. Действительно, при отождествлении политической контркультуры с политическим радикализмом необходимости в специальном понятии не возникает. Однако авторам такой подход не представляется единственно возможным в силу следующих обстоятельств.

Прежде всего обратимся к генезису понятия «политическая культура». Существует очевидная смысловая связь между фактом научного приоритета Иоганна Гердера в отношении его формулировки и формообразующей для его позиции, установкой на критику Просвещения. Эта критика, с одной стороны, во многом близка взглядам Э. Бёрка, Ж. де Местра, но с другой – имеет под собой совсем иные основания. Если данные авторы артикулировали значимость традиции, «малых форм социальности», критически относились к радикализму (что вполне объяснимо в контексте осмысления ими уроков Французской революции), то Гердер сочетал представление о циклическом характере развития культуры с прогрессизмом, а его национализм, очевидный в концепции «народного духа», базировался в этом случае не на почвенническом понимании народа, а выводил идею нации из идеи личности во вполне штурмерском духе [2, с. 34].

Точно так же, как в понятии «национальное государство» И. Гердер делает акцент на первом слове, а в понятии «политическая культура» – на втором. Используя предложенный в этой системе приоритетов термин, стоит принимать во внимание и ценности, на которых данная система построена, то есть исходить из определяющего значения именно культуроведческого, а не политологического подхода. В то же время нужно помнить, что понятие «политическая культура» возникло не внутри дискурса Просвещения, а как элемент оппозиции ему.

В дальнейшем, однако, оно в значительной степени инкорпорируется в парадигму прогрессизма. Принято полагать, что современный дискурс политической культуры открывается концепцией Германа Файнера [3, с. 39]. Необходимо обратиться к общей системе взглядов Файнера, вполне проявившейся в известной дискуссии с Карлом Фридрихом рубежа 30–40-х годов XX в. Если Фридрих отстаивал право истеблишмента распоряжаться государственными делами, основываясь на собственной профессиональной квалификации, Файнер признавал значимость общественного контроля [4, с. 12]. Генезис такого подхода очевиден, его корни – в просвещенческих доктринах естественного права, здравого смысла [5; 6; 7, с. 227–240]. «Рациональный чертеж» (то есть классицистская сдержанность, гармония и рациональность), по мнению А.И. Соломеина, есть характерная черта просвещенческого дискурса [8]. Но для классиков Просвещения монополией на рациональность обладали философы, в то время как масса могла довольствоваться религиозными мифами. Напротив, в XX столетии апелляция к обыденной рациональности как основе мировосприятия электората делает понятие политической культуры одним из опорных в осмыслении демократии.

Впрочем, чаще, чем на Файнера, в исследованиях политической культуры ссылаются на Г. Алмонда. Заметим, однако, что книга Г. Алмонда и С. Вербы называлась «Гражданская культура» (1963), была посвящена компаративному

анализу восприятия политических форм массовым сознанием в США, Великобритании, Италии, ФРГ и Мексике [9]. Определение политической культуры как особого типа ориентации на политическое действие было дано, таким образом, во вполне определенном контексте. Оно позиционировалось в отношении стратегий политического участия. При этом ключевое формообразующее значение приобретали политические практики; строго говоря, если действие можно отделить от мотивации, данный подход не нуждается в углубленном культуроведческом анализе, будучи, по сути, бихевиористским. И в его смысловом пространстве понятие политической контркультуры излишне, поскольку предполагает относительную самостоятельность культурных форм.

«Политологический» крен подхода Г. Алмонда становится особенно очевидным в выборе оснований типологии политической культуры. Очевидно, что эти основания построены на обращении преимущественно к американским практикам. В приходской культуре угадываются формы сознания колониальной эпохи, в зависимой – чисто американское понимание социумов, не создавших демократии американского типа, которая, собственно, и представляет собою образец культуры участия. Обратим внимание еще на один существенный момент: в данной парадигме не дифференцированы групповые и индивидуальные формы культурной деятельности, что вполне естественно в рамках политологического подхода: в политике индивиды представлены (почти исключительно) будучи интегрированными в те или иные типы сообществ.

Расширяя описанный подход, Ф. Хьюкс и Ф. Хикспурс предложили типологию, включающую (наряду с еще четырьмя типами) также протестную культуру [10, с. 134]. Однако противопоставлять ее мейнстриму можно лишь в политическом пространстве, отождествляя с внесистемной политической оппозицией. То же относится и к типологии В. Розенберга, артикулировавшего фрагментацию политических культур как проявление межгрупповых противоречий. Современные исследования политической культуры российской молодежи содержат описания ее интеграции в доминирующие системы отношений [11, с. 92–102; 12, с. 28–32; 13, с. 96–100; 14, с. 71–74].

Напротив, для культурологических подходов понятие «контркультура» вполне органично. Теодор Роззак определял ее как течение, ориентированное на маргинализировавшиеся мейнстримом источники [15]. Как полагал Ирвинг Кристол, не-безусловность статуса контркультур обусловлена уже недостаточной определенностью современной ортодоксии, которая «испытывает недостаток в центральном принципе достоинства. Вместо него он предлагает целый набор достоинств, либеральных достоинств – толерантности, плюрализма, релятивизма – который, можно сказать, строит некий супермаркет из возможных хороших и достойных, приличных жизней. Все это – предписания в ситуации моральной анархии» [16]. Именно в силу этого термин «контркультура» используется, чаще всего, применительно к явлениям сферы художественного творчества. Эстетические ценности оказываются при этом своего рода символом устойчивости, что, само по себе, говорит о многом: если мораль не есть нечто постоянное, то и представления о прекрасном явно изменчивы.

Тем не менее представления о контркультурах сформированы с акцентом на

их эстетическом выражении. Термин «хиппи» ассоциируется, скорее, с жизненным стилем, нежели с политической позицией. И история возникновения данного термина (предложен журналистами), и его философия во многом представляют собой конструкт, в существенной мере созданный искусственно как «образ врага». Политическую окраску контркультурам рубежа 60–70-х годов придавала историческая ситуация, с наибольшей очевидностью – последствия алжирского кризиса для Франции, североирландского противостояния – для Англии, Вьетнама – для США. Именно понимание этой внешней обусловленности вызывает к жизни известную формулу Т. Лири: лучше сидеть дома в психоделическом трансе, чем рвать повестку в армию [17]. Не всякий внесистемный протест разрушает систему, он вполне может быть ею инкорпорирован, превращен в системный. Так, имидж хиппи к 1980-м годам перестал ассоциироваться однозначно с отрицанием господствующих норм, превратившись в один из способов подчеркивания индивидуальности, – не более.

Политическая культура обладает высоким потенциалом поглощения протестных форм. Все зависит от ситуации места и времени; легитимными могут стать и сепаратизм, и различные виды анархизма; в свое время маргинальный статус имел либерализм, и отнюдь не безусловно отторжение современными обществами идеи диктатуры (вполне последовательно проводимой, например, в бестселлере М. Веллера «Великий последний шанс») [18].

В теоретическом плане действительно независимая от мейнстрима политическая контркультура, таким образом, может быть определена как существующая за пределами политического пространства. Однако такого рода позиционирование может привести в ловушку, описанную Джозефом Хизом и Эндрю Поттером в книге «The Rebel Sell». Интерпретируя самоубийство Курта Кобейна как последнюю попытку остаться бунтарем, не влиться в мейнстрим, они делают, выявляя в этом кейсе тенденцию, вывод о бесперспективности «мифа контркультуры» [19]. Эта бесперспективность очевидна лишь в рамках парадигмы тотального бунта, по Герберту Маркузе, Теодору Роззаку, Норману Брауну. Априори, отрицая всякую социальность, мы действительно ни к чему, кроме «психоделического бунта и суицида, не приходим.

Между тем с точки зрения логики альтернативы, разумеется, существуют. Они просматриваются в дифференциации восприятия индивидом различных аспектов общественных отношений. Есть нечто обескураживающе-наивное в отрицании, направленном на такие нейтральные по своей природе объекты, как деньги или общественное признание. Сами по себе они не способны подчинить личность, разрушить ее идентичность. Столетие назад М. Вебер с максимальной точностью определил порядок различения терминальных и инструментальных ценностей в контексте социального действия [20, с. 720]. Мы не можем ни на какие институты переложить ответственность за нравственный выбор, но, сделав его, достигаем успеха, когда идем к цели рациональным путем. Подмена терминальных ценностей инструментальными – одна из наиболее часто применяемых стратегий манипулирования людьми. Важно осознать, что это именно манипуляция, и не позволять превратить себя в инструмент для реализации чужих интересов.

Однако основной проблемой является то, что индоктринация одобренных обществом моделей политической культуры интегрирована в процессы социализации. Именно это соображение лежит в основе радикальной критики современной школы, начиная с М. Фуко, поставившего ее в один ряд с тюрьмой, фабрикой, психиатрической клиникой [21].

Тезисы касательно ключевой роли процессов формирования политической культуры в механизмах социализации представляются аксиоматичными, в особенности применительно к российским реалиям. Социализация в нашем обществе никогда не переставала базироваться прежде всего на развитии политической культуры. Это было более чем очевидно в СССР, значительная часть истории которого связана с прямой интеграцией юности (а часто и детей) непосредственно в политическую жизнь в качестве как важнейшего инструмента воспитания. В 1990-е годы сформулирован принцип деполитизации системы образования, но в то же время использовался целый ряд инструментов стимуляции электоральной активности молодежи. В 2000-е годы политическое участие становится необходимым условием успешной карьеры: идет ли речь о молодежных структурах «взрослых» партий или чисто молодежных объединениях (впрочем, об их самостоятельности говорить можно лишь условно, и не только «Наши», но и другие движения достаточно очевидно связаны с реальными субъектами большой политики).

Относительно высокая степень культурной изоляции советского общества благоприятствовала складыванию иллюзий относительно Запада вообще и политической культуры тамошней молодежи в частности. Гипертрофировались масштабы «левых» движений; недооценивалась эффективность государственных программ политической социализации. Но наиболее существенно, в контексте выбранной темы, то, что отсутствовало сколько-нибудь адекватное понимание природы феномена, обычно именовавшегося «буржуазным индивидуализмом». Смысл дихотомии «буржуазный индивидуализм – социалистический коллективизм» продуцировался как раз на основе абсолютизации последнего. В европейских странах и в США всегда действовали связанные как с коммунальными институтами, так и с религиозными ценностями, тенденции, индивидуализму противопоставленные; просто индивидуализм не рассматривался априори как нечто несовместимое с официально признанными ценностями. И если «западная» политическая культура научилась его интегрировать (прежде всего в плане признания личной ответственности за поддержку той или иной политической силы), то для российской традиции он практически равнозначен эскапизму. При этом сторонникам идеи «российской самобытности» и сегодня кажется, будто индивидуализм в нашей стране не приживется вовсе, в то время как, с точки зрения «глобалистов», проблема лишь в темпах модернизации, неизбежно ведущей Россию тем же путем, каким развиваются остальные страны.

Вопрос состоит в том, насколько органично и в «западной» культуре может быть совместим «классический» индивидуализм с какими бы то ни было формами политического участия, кроме протестных. В действительности для политической культуры большинства стран европейской традиции (куда входит

Латинская Америка, отдельные регионы Азии) исторически характерно высокое значение различных форм коммунальной солидарности. Принято считать важнейшей отправной точкой европейской демократии Великую хартию вольностей, но на Ранимедском лугу королю Джону противостояли не индивиды, а представители сословий и корпораций. Именно расшатывание корпоративных связей после Второй мировой войны и было воспринято как конфликт поколений; новые модели социализации все в меньшей степени опирались на традиционные групповые идентичности. Однако первым очевидным результатом этого стало отнюдь не конструирование этих моделей на индивидуализме, а формирование новых идентичностей, многообразие которых представляли движения хиппи, new age, всплеск интереса к дальневосточным религиозным и философским системам.

В СССР эти новые модели социализации, во-первых, не имели столь широкого распространения, во-вторых, представляли собой отрицание не коммунальной традиции (компоненты которой на протяжении российской истории подверглись вытеснению), а доминирующих идеологических схем, чем обусловлен их маргинальный характер. Российское общество унаследовало элементы обеих выделенных здесь тенденций, что во многом определяет конфликтный характер становления политической культуры молодежи. С одной стороны – потребностями рыночной экономики и демократической политической системы продуцируются дискурсы, в основе которых лежат ценности, обычно именуемые либеральными (хотя, разумеется, это понятие требует уточнений). С другой стороны – конструирование национальной идентичности предполагает обращение к традиции, которая в российских условиях содержит и компоненты, по сути своей несовместимые с идеологическими схемами и практиками, выстроенными на либеральной парадигме. Кроме того, процессы политической социализации опосредуются конфликтом поколений.

Совокупность выделенных нами факторов определяет потребность в осмыслении процессов политической социализации молодежи в контексте формирования спектра ориентаций (от мейнстрима до контркультуры). Опыт подобного анализа осуществлен на материале молодежных дискуссионных клубов, заседания которых проводятся в муниципальных образованиях Саратовской области при поддержке Поволжского института управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ, а также министерства молодежной политики, спорта и туризма Саратовской области, Фонда Фридриха Науманна.

Дискуссии лета – осени 2014 г., в которых обсуждались артикулировавшие структуры ценностей молодежи современной России, продемонстрировали достаточно высокий уровень рефлексии молодежью собственных политических установок. Можно говорить о наличии интереса к генезису современных форм политической культуры. Проблемный вопрос «Чем молодежь советского периода отличается от современной молодежи?» вызвал суждения, связанные прежде всего с артикуляцией конфликта ценностей старшего поколения и молодежи.

Участники дискуссий принимали к обсуждению тезисы, предполагавшие слабость преемственности отношения современной молодежи к традиционным ценностям российского общества, наличие установок на агрессию, отсутствие милосердия и сострадания. Рассуждая об озлобленности, агрессии в мо-

лодежной среде, участники дискуссий акцентировали внимание на причинах нетерпимости юношества и выделили факторы, связанные с маргинализацией определенной части молодого поколения. Данная стратегия объяснения, по сути, выявляет социальный характер конфликта поколений.

Наряду с ней присутствует и другая, в которой обозначается преобладание индивидуализма над коллективизмом. По мнению сторонников такой стратегии объяснения, в современных условиях молодые люди обособливаются, не ощущают своей принадлежности к социальным группам, у них отсутствует командный дух, и они относятся к происходящему в мире индифферентно. Именно эти характеристики, по нашему мнению, связаны с феноменом политической контркультуры. Если в отношении других областей социального поведения можно говорить о субкультурах как оппозиции мейнстриму изначально, уже в силу констатации различий между ними, то применительно к политике эта схема не работает: политическое поле конструируется именно борьбой интересов, партий, элит. Разумеется, в каждый данный момент можно выделить доминирующее политическое течение, системную и внесистемную оппозицию, но все они принадлежат к существующей политической культуре в том смысле, что сами различия между ними основываются на тех же принципах, что являются для культурного поля в целом базовыми. Радикальным отрицанием ее (то есть контркультурой в полном смысле) может быть лишь система, основанная на отказе от основополагающего принципа современной политики, представительства интересов социальных групп. Индивид конструирует свою принадлежность не к постоянной, стабильной общности, а к виртуальным комьюнити [22], которых может быть несколько одновременно, причем с не тождественными интересами, которые могут достаточно быстро сменять друг друга.

Примечательны способы описания участниками дискуссий логики бытия этой контркультуры. Они отмечали глобальные проблемы молодежи, пути их решения; сетовали в первую очередь на современные технологии и научно-технический прогресс, которые в буквальном понимании «развращают молодежь и создают ложные представления об истинных ценностях»; «современная молодежь не сохраняет традиции своих предшественников, разрушает старое, но не способна создать новые ценности, чем был известен Советский Союз, наряду с созданием государственной идеологии и поддержанием порядка в стране»; «современные СМИ пропагандируют насилие и этим разрушает истинные ценности молодежи, тем самым позволяет ей вести себя агрессивно, злобно, относится со скептицизмом к окружающему миру»; «важен жизненный постулат в отношении общеобязательного создания ценностей в семье».

Таким образом, часть молодежи вполне реально усваивает ретроградские, по сути, оценки, характерные для воззрений старшего поколения, которые трудно именовать как-то иначе, чем «брюзжание», не имеющее под собою никакой предметной основы: осуждать последствия прогресса бессмысленно. Полтора столетия назад К. Леонтьев мог писать о «вреде» для народной нравственности железных дорог, сегодня такого рода консерватизм может восприниматься лишь как фигура речи, но не политическая программа. Воспроизводство юношами и девушками подобных рассуждений говорит лишь о способности не критически

воспринимать расхожие формулировки. При этом полной индоктринации не происходит; параллельно с приведенными ранее, звучат и высказывания типа «в современном обществе молодежь хорошо образована, существует больше возможностей для самореализации молодого человека, способность проявить себя в определенной сфере деятельности».

Молодые люди сегодня действительно эклектически объединяют в своих воззрениях зачастую совершенно несовместимые позиции. Это говорит лишь об отсутствии действительного усвоения тех или иных взглядов, поэтому они могут воспроизводить относимые к их поколению характеристики, не прилагая их к себе лично. Так же обстоит дело и с мнениями относительно того, что будет представлять для молодежи ценность в будущем: по мнению участников обсуждений, главными ценностями будут семья, честность, любовь, порядочность. Зато реально существующие установки описываются куда предметнее: «для современной молодежи первоначально материальное благополучие и финансовая независимость».

Непосредственно позиционирование молодежи в политическом пространстве позволяет оценить обсуждение вопроса о том, какие ценности дают больше возможностей для самореализации молодежи: консервативные, социал-демократические, либеральные. По материалам дискуссий отчетливо выделяются две основных позиции. Первая связана с мнением, что современная российская элита выбрала консервативный путь развития, а это, как считают участники, преграждает путь движениям другой политической ориентации и будут не так востребованы, поэтому молодым людям, чтобы быть успешными, стоит выбирать консерватизм как самое приемлемое направление. Здесь очень характерен сам исходный посыл: критерием выбора политической установки оказываются не те или иные убеждения, а сугубо прагматическая оценка перспективности присоединения к той или иной политической силе. Очевидно, что называть «консерваторами» людей, рассуждающих подобным образом, неправомерно.

Вторая позиция является менее прагматической, но явно тяготеет к эклектике, основываясь на попытке соединить элементы социал-демократизма, либерализма, традиционных ценностей. Как заявил один из участников дискуссии, «наличие структуры ценностей не способно нанести ущерб молодому поколению, а только сформировать правильное представление и создать истинные нравственные и моральные качества». То есть, опять-таки, в отличие от поколений середины XX столетия, наши молодые современники не отождествляют общие идеи с основаниями мотивации конкретных поступков.

Аналогичным образом рассуждает молодежь и по поводу цивилизационных аспектов выбора модели развития. Высказывания относительно «особого пути» для России соседствуют с признанием важности общеевропейских ценностей. Определенно можно утверждать, что у молодежи слабая восприимчивость к «евразийским» идеям. Единственным примером для подражания названа Япония, причем представление о ней довольно искажено именно как о стране, успешно реализующей модернизацию с некоторым национальным акцентом. Таким образом, и в данной ситуации наблюдается то, как прагматический подход преобладает над ценностным.

Именно в описанных на материале дискуссионных клубов явлениях авторам видятся контуры политической контркультуры как феномена, определяемого в пространстве зарождения новых ценностных систем, в которых не безусловной оказывается сама парадигма представительства интересов конкретных социальных групп политическими элитами и идеологиями. Это определяется деструкцией традиционных социальных общностей, но не на основе классического либерализма, а в соответствии с новыми, диффузными, моделями идентификации. Эти новые структуры социального пространства предполагают реструктуризацию пространства политического, а следовательно, становление новой политической культуры.

Библиографический список

1. Шалаев В.П., Хренков В.В. Новое левое движение как новый аттрактор развития общества потребления (на путях самоорганизации к управляемому конфликту) // Конфликтология. 2014. Т. 4.
2. Гайм П. Гердер, его жизнь и сочинения: в 2-х т. М., 2011.
3. *Finer H. Governments of Greater European Powers.* Chicago 1956.
4. *Finer H. Administrative Responsibility in Democratic Government* // W. Bruce (Ed.). *Classics of administrative ethics.* Boulder, Co. 2001.
5. *Hooker R. The European Enlightenment.* // URL: <http://www.wsu.edu/~dee/ENLIGHT/PREPHIL.HTM>
6. *Hackett L. The age of Enlightenment.* URL: http://history-world.org/age_of_enlightenment.htm
7. Аннерс Э. История европейского права. М., 1994.
8. *Соломеин А.И. Эссеистический дискурс «философской» истории эпохи Просвещения* // CREDO NEW. Теоретический журнал. URL: http://credonew.ru/content/view/422/56/#_ednref40
9. *Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations.* L., 1989.
10. *Рукавишников В. Политическая культура и права человека в постсоветской России и в странах Запада: сравнительный типологический анализ* // *Права человека в России: прошлое и настоящее.* Пермь, 1999.
11. *Кудрявцева Е.Э. Политическая культура студенческой молодежи в современном российском обществе* // *Вестник Поволжской академии государственной службы.* 2014. № 6 (45).
12. *Стеблецов В.Ю. Особенности политической культуры молодежи: методологический аспект* // *Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2014. № 6.
13. *Чекмарёв Э.В. Возможности инкультурации в формировании политической культуры современной молодежи регионов России* // *Вестник Поволжской академии государственной службы.* 2013. № 3 (36).
14. *Жакишева А.А. Формирование политической культуры молодежи и ее электорального поведения* // *Научная перспектива.* 2013. № 4.
15. *Roszak Th. The Making of a Counter Culture.* East Bay, 1969.
16. *Кристал И. Контркультуры* // *Русский журнал.* URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Kontrkul-tury>
17. *Лири Т. Политика экстаза* // Т. Лири. Семь языков бога. New Age Portal. URL: <http://www.castanedadzr.ru/cc/ccbooks/liry2.htm>
18. *Веллер М. Великий последний шанс.* СПб., 2005.
19. *Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу.* М., 2007.
20. *Вебер М. Наука как призвание и профессия* // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990.
21. *Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы* / пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М., 1999.
22. *Яковлев Л.С. Оттенки смысла* // *Науки о культуре в перспективе «digital humanities»:* мат. Междунар. конф. 3–5 октября 2013 г., Санкт-Петербург / под ред. Л.В. Никифоровой, Н.В. Никифоровой. СПб., 2013.

S.M. Fedyunina
Tolerance in a Multicultural
Society of the XXI Century:
Myth or Condition
for the Survival of Civilization?

The article deals with the issues related to the concept of "tolerance" ambiguously interpreted in a modern, multicultural society. The types of tolerance relevant in European and Russian context and the principles of tolerant behavior at institutional and individual levels are considered.

Key words and word-combinations: tolerance, ethnic tolerance, multiculturalism, political correctness.

Рассматриваются вопросы, связанные с понятием «толерантность», неоднозначно трактуемом в современном поликультурном обществе. Анализируются типы толерантности, релевантные в европейском и российском контекстах, принципы формирования толерантного поведения на институциональном и личностном уровнях.

Ключевые слова и словосочетания: толерантность, межэтническая толерантность, мультикультурализм, политкорректность.

УДК 316.32
ББК 60.52

С.М. Федюнина

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ XXI ВЕКА: МИФ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ СОХРАНЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ?

Конец двадцатого столетия и начало нынешнего века характеризуются международной нестабильностью и напряженностью, постоянной угрозой конфликтов цивилизации, локальными войнами, стремлением к мировому господству и диктату ряда государств, ранее провозглашавших политику мультикультурализма панацеей от религиозных распрей и всеобщего активного признания равенства культур в глобальном мире.

Мультикультурализм как политическая доктрина Канады, Германии, Скандинавских стран, Австралии, США связан с признанием интеграции культур без ассимиляции. Решающими принципами мультикультурализма в действии, обеспечивающими государственные гарантии меньшинствам, являются: сохранение родного языка и возможность вести на нем обучение; содержание школьных и вузовских программ с экскурсами в историю этносов; распределение ресурсов; возможность получения работы в частном и общественном секторах; беспристрастность и равенство законов для всех граждан в отдельно взятом государстве. Для поддержания мультикультурной доктрины и осуществления мультикультурной этнополитики в государствах создавались органы по ее реализации. Например, в Швеции с 1987 г. работала комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью к иностранцам; в Австралии в нижней

палате парламента был создан постоянный комитет по делам аборигенов; в Канаде – специализированное министерство по делам индейцев; в Великобритании – комитет для рассмотрения дел, касающихся Шотландии и Уэльса. Аналогичные структуры создаются и в органах исполнительной власти.

Однако, если конец XX в. можно в какой-то степени ассоциировать с некоторой эйфорией, сопровождающей как теоретические посылы, так и практические воплощения идей мультикультурализма, то начало XXI в. характеризуют явно иные тенденции, которые некоторые европейские социологи, политологи и общественные деятели (Россия также не является исключением) обозначают как «крах мультикультурализма».

Европейские государства на рубеже веков столкнулись с проблемой принятия огромного количества мигрантов. Европа оказалась в целом неспособной к всеобщему активному признанию равенства культур и религий не на словах, а на деле, что в первую очередь касалось столкновения радикального исламизма и христианских ценностей, а впоследствии и более серьезных расхождений религиозных и новых культурных установок людей в рамках европейских государств, таких, как признание европейцами однополых браков, разгул ювенальной юстиции в отношении эмигрантских семей с малым достатком и т.д. В условиях экономического неравенства и безработицы обособленность мигрантских диаспор, нежелание «вписываться» в новые европейские культурные ценности порождали и порождают перманентные конфликты, нередко сопровождающиеся терактами, которые неоправданно квалифицируются как политические, но на самом деле имеют сложные социокультурные, межэтнические и экономические корни.

В 2010–2013 гг. европейские лидеры, первыми из которых были А. Меркель, Н. Саркози и Д. Камерон, признали, что политика мультикультурализма себя изжила, процесс исламизации запущен и остановить его невозможно. Ценности, традиционные для Европы, не признаются детьми и внуками первых мигрантов, которые, в свою очередь, претендуют на утверждение своей культуры и религии; размывается стержень традиционной Европы, происходит ее дехристианизация. Политики признавались, что пришло время сменить принцип толерантности (терпимости) на либерализм в действии, «либерализм с мускулами» и дать понять, что общество строится на определенных ключевых ценностях.

Январь 2015 г. внес свою лепту в «крах мультикультурализма», на сей раз разделив Францию на христиан и мусульман в плане несопоставимости норм и культурных ценностей: 7 января в результате нападения на парижский офис издания Charlie Hebdo 12 человек погибли, среди них один журналист, двое полицейских, четверо художников. Мировое сообщество, единодушно осудившее насилие, разделилось на два лагеря в трактовке событий: тех, кто считал, что свобода слова, выстраданная и оплаченная Французской революцией, имеет право на существование, и тех, кто полагал, что глумление над чувствами верующих через опубликование карикатур на Пророка недопустимо. Во Франции более 35 тысяч человек вышли на площадь Республики в знак солидарности с сотрудниками журнала с плакатами и лозунгом «Charlie – это я!». Высмеиванием религии в журнале, по мнению митингующих, французы старались ото-

двинуть наступление религий на атеизм. Участников митинга в Париже поддержали жители Марселя, Ренна, Бордо, Тулузы. «Они хотели поставить Францию на колени, а вместо этого подняли ее на ноги», – написал в Твиттере один из демонстрантов. На другом полюсе – манифестации в Палестине, сожженный французский флаг и разрушенные христианские храмы в Нигерии.

Не осталась в стороне от французских событий и Россия, однозначно осудившая террористический акт. Следует отметить, что мусульманская общественность поликультурной России вполне четко обозначила свою позицию. Так, в Чеченской Республике 19 января прошла массовая акция против публикации карикатур на пророка Мухаммеда (Агентство РИА «Новости» со ссылкой на данные МВД РФ сообщило, что акция в Грозном собрала более 800 тысяч человек, 59,41% всего населения Чечни). При однозначном осуждении терактов недопустимость глумления над святынями активно поддержала Русская Православная Церковь, многие российские общественные деятели. Показательными в этом плане являются выступления участников телевизионной передачи «Время покажет» от 19 января 2015 г. По мнению участника передачи депутата А. Старовойтова, французские события показали отсутствие морали и культуры. Как подчеркнул А. Старовойтов, путем консолидации общества мусульмане должны идти на мирные протесты. Однако глумление над святынями означает конец свободы слова, за которым наступает крах. Необходимо прекратить травлю людей, принимать законы, прекращающие издевательства над людьми. «Человек, берущий в руку перо, грешит больше, чем тот, кто берет в руки автомат» (участник передачи священник А. Кураев).

На наш взгляд, становится вполне очевидно, что истинные причины трагических событий во Франции восходят отнюдь не к политическим проблемам. Верно считает М. Муртазин, что процессы культурной интеграции иммигрантов в Европе не увенчались успехом, и прежде всего в отношении религиозной коммуникации. Надежды на то, что десятки миллионов людей, приехавших в Европу из Азии и Африки, а также их потомки, родившиеся уже в самой Европе, воспримут в полной мере язык, культуру, традиции европейских народов, не оправдались, разбившись о религиозный барьер: «Слепо следуя политике секуляризации и проповедуя одни лишь либеральные и толерантные ценности, идеологи мультикультурализма так и не смогли понять, что менталитет мусульман не может принять мир, в котором нет Бога, в котором можно насмехаться над пророками и святынями практически всех мировых религий, включая ислам. И если христиане, иудеи, буддисты, последователи других религий в силу разных причин терпят такое отношение к своим святыням, то мусульмане в силу своих религиозных традиций не могут спокойно относиться к оскорблениям своих религиозных ценностей» [1].

Однако в настоящий момент в европейских государствах, разочаровавшихся в политике мультикультурализма, встает главный вопрос «Что делать?», а именно – как найти пути интеграции все возрастающего потока мусульман и людей, принадлежащих к нехристианским конфессиям, в Европу, на каких принципах строить межрелигиозные отношения? Без решения данной проблемы невозможно сохранение традиционного спокойствия и декларируемой то-

лерантности в европейских государствах. Встают также вопросы: актуально ли сегодня само понятие «толерантность», и если да, то что на данном этапе развития современной цивилизации понимать под «толерантностью»; как соотносятся между собой понятия «межкультурная толерантность», «межэтническая толерантность»? Для России, изначально сформировавшейся и развивающейся на протяжении своего исторического пути как поликультурное государство, поиск ответов на данные вопросы так же важен, как и для европейских сообществ.

Понятие толерантности является концептуальной основой политики мультикультурализма и означает в соответствии с Декларацией принципов толерантности, подписанной в 1995 г. государствами-членами ЮНЕСКО, «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [2, с. 88].

Если следовать данному определению, то видовое понятие «межкультурная толерантность» в нашем понимании – это сложное ментальное образование, отражающее установку на активное сотрудничество с представителями иного этноса. Межэтническая толерантность может трактоваться как свойство этнической общности или отдельного ее представителя, характеризующееся готовностью признать и принять легитимность культуры, традиций, ценностей, поведенческих и коммуникативных моделей, образа жизни других этносов. Межэтническая толерантности проявляется в выдержке и самообладании, способности человека длительно выносить воздействия чужой культуры без снижения адаптивных возможностей. Толерантность – концептуальная основа интеграции этнических групп в пределах одного государства, проявляющаяся в трех ипостасях: интеграции жизненных возможностей, культурной интеграции и интеграции политической. Таким образом, следует поддерживать мультикультуральное понимание толерантности как активного, сознательного отношения, формируемого на основе признания универсальных прав и основных свобод человека.

Однако мультикультуралистское определение толерантности идет вразрез с иным подходом к толкованию толерантности, который может быть определен в дихотомии «активность–пассивность». Как уже подчеркивалось, при переводе с английского языка на русский Декларации ЮНЕСКО термин «толерантность», истолкованный как «терпимость», внес некоторую терминологическую путаницу в понятийную базу российских гуманитарных наук, так как приобрел не свойственную ему на языке оригинала коннотацию [3; 4]. В научной литературе традиционно сопоставляют два термина: «терпимость» и «толерантность». Этимологически они близки, так как слово толерантность происходит от латинского *tolerantia* – терпение (англ. *tolerance, toleration*; нем. *Toleranz*; франц. – *tolérance*). В опубликованных на русском языке международных правовых документах (ООН, Совета Европы, ОБСЕ, СНГ) в области прав и основных свобод человека используется не термин «толерантность», а слово «терпимость» и производный от этого термина антоним – «нетерпимость». Такова практика официальных публикаций ООН на русском языке: от Всеоб-

щей декларации прав человека 1948 г. до Конвенции о защите прав человека и основных свобод (вступила в силу для РФ в 1998 г.) и изданий документов XIX столетия [5, с. 7–56].

Это определение не чуждо и российскому научному дискурсу. Так, в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова понятие «толерантность» полностью отождествляется с понятием «терпимый» (способный, умеющий терпеть что-нибудь чужое, мириться с чужим мнением, характером и т.п.) [6]. Культурно-семантическое поле концепта «терпимость» отражает духовный опыт русской жизни, которая за ним стоит, и, на наш взгляд, служит косвенным напоминанием о необычайной сложности укоренения толерантного сознания в России.

Отождествление толерантности с терпимостью придает первой «пассивность», которая усугубляется традиционной христианской трактовкой терпимости как духовного свойства, близкого к жертвенности [7]. Толерантность-терпимость может обнаружиться в различных критических ситуациях, и в случаях сложного внутриличностного выбора сопровождается стрессовыми состояниями либо напряженностью, проявлением фрустрации. Очевидно, что такое терпение в конечном итоге приводит к взрыву и этническим конфликтам разных форм и масштабов. В восприятии толерантности как терпения содержится серьезный конфликтогенный потенциал еще и потому, что терпение часто является причиной непротivления социальному злу, а такой принцип, заложенный в основу политической практики, может привести к более масштабным системным проблемам. Нельзя не упомянуть в данном контексте еще один термин, который близок в отдельных науках (в частности в американской политологии) к толерантности. Это политкорректность. Под ней чаще подразумевается такая модель поведения, которая исключает действия и слова, оскорбляющие и дискриминирующие представителей различных групп, в том числе и этнических [8]. В понятие «политкорректность» входит также недопустимость проявления сексизма, эйджизма, расизма, разделения людей на «обычных» и «неполноценных» на основании возраста, здоровья, внешних данных и т.д.

Разные форматы толерантности могут привести к разным последствиям, способствовать сглаживанию этнических отношений, консолидировать общество и, наоборот, стимулировать развитие конфликтов и межэтнической напряженности. Важно, не только какой формат толерантности принят в обществе, но и наличие или отсутствие разных форматов толерантности по отношению к разным этническим группам.

Необходимо согласиться с позицией Л. Скворцова в отношении того, что толерантность не может быть вечным идеальным состоянием человечества, «вырастающим на прекрасной почве общего разума или нравственного благородства». Ученый утверждает: «Мы не знаем такого социального состояния, при котором вся масса индивидов или, по крайней мере, большинство соревнуются в стремлении следовать общим интересам, проявить большую широту своей души, готовность к самопожертвованию ради общего блага и согласия» [9].

Рассматривая различные типы толерантности в современном мире, Л. Скворцов совершенно справедливо полагает, что толерантность оказывается объек-

тивно связанной с утверждением права всех народов на выживание. Автор считает, что свободное духовное формирование как отдельной личности, так и народа возможно только в условиях нового равновесия. По мысли Л. Скворцова, более правомерно говорить не об универсальности принципов толерантности, а об определении критериев оптимальности реализации прав народов и человека. Такой подход, по мнению автора, соответствует стремлению избежать катастрофического противоборства в борьбе за ресурсы.

Селективный подход и оживление нетерпимости, считает Л. Скворцов, порождает атмосферу толерантности, которая совпадает с умением обходить острые углы. Наряду с непониманием происходящего, отсутствует теоретически обоснованное решение ключевого вопроса современной цивилизации, касающегося ее перспективы. Однако возможно интуитивное видение того, что возникающий цивилизационный тупик может заставить множество людей изменить сложившийся стиль жизни. «Селективный подход характеризуется прежде всего внутренним разрывом с принципами равенства и универсальности, оправданием различных форм нетерпимости. В международном плане он находит свою реализацию в создании клубов избранных стран, новых союзов, формируемых исходя из принципа отбора «своих». Многих здесь ожидает глубокое разочарование: они заранее зачисляются в ряды «своих», но это вовсе не значит, что они попадут туда обязательно» [9]. И наконец, толерантность, по утверждению Л. Скворцова, может найти свое проявление в культуре транс. Фундаментальная особенность такой культуры, как считает автор, состоит в способности и умении создавать субъективно комфортную ситуацию. Культуру транс можно рассматривать как специфическую форму адаптации человека к критической ситуации. Для человека, воспринявшего культуру транс, нет четких границ добра и зла. Все в ней находится в смешанном состоянии, соответственно толерантность и нетерпимость утрачивают четкий смысл.

Как представляется, проблема толерантности не потеряла своей актуальности в современном мире и действительно является вопросом выживания человечества. Толерантность – это принцип жизни современного человека, проживающего в поликультурном социуме, в многообразии этносов, референтных групп, субкультур. Без адекватного решения проблемы толерантности нельзя полагаться на решение проблемы адекватных межкультурных коммуникаций. С учетом реалий современного мира понятие толерантности нуждается в глубоком осмыслении как в социологии, политологии, теории межкультурной коммуникации, так и в других смежных науках.

Работа организаций и институтов, развивающих коммуникативные практики толерантного воспитания молодежи либо претендующих на формирование толерантного сознания населения, не должна, как это часто происходит, сводиться к организации этнических праздников либо «дней толерантности». Необходимо четкое понимание того, какой формат толерантности требуется современному человеку, какие системы ценностей могут объединить разные этносы, конфессии, субкультуры, социальные слои в поликультурном обществе. Для теоретического анализа коммуникативного механизма толерантности большое значение имеет анализ ее функций, осуществляемый применительно к субъек-

там коммуникации как носителям толерантных / интолерантных установок и поведения.

Подобная попытка сделана в рамках проекта «Коммуникационные механизмы формирования и развития межкультурной толерантности в контексте миграционных процессов евразийского пространства (на примере Саратова как регионального центра)», выполненного на базе Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ. Участниками проекта в рамках социологической парадигмы выделены три основных предмета исследования толерантности: в системе ценностей, входящих в структуру общественного сознания; в рамках функционирования конкретного института; в системе межгрупповых взаимодействий. Указанные предметы исследования являлись взаимодополняющими, хотя каждый из них имел свои особенности. На различных стадиях исследования применялись такие методы, как контент-анализ СМИ, фокус-группа, анализ вторичных данных и другие [10–12]. Социологическое осмысление и анализ функций коммуникации применительно к субъектам коммуникации дало авторам возможность выделить ряд важных функций толерантного взаимодействия в уровневой структуре «институт – группа – индивид». Так, для институтов в качестве функций могут выступать стабильность общества и профилактика социальных конфликтов, что требует создание ценностно-нормативной базы, формирования положительных идеалов и позитивного отношения к жизни у подрастающего поколения.

В качестве одной из основных функций группового толерантного взаимодействия следует считать предотвращение межгрупповых и внутригрупповых конфликтов, предполагающее поддержание имиджа стабильности группы, что крайне важно для взаимодействия со структурами различных уровней. Личная функция толерантности проявляется в объеме и характере конфликтных ситуаций в различных сферах жизни и связана с влиянием толерантных установок на внешние формы поведения.

Подводя итоги, можно отметить, что новое осмысление проблемы толерантности в контексте мультикультурного (поликультурного) мира важно как в теоретическом плане, так и в плане создания коммуникативных практик формирования толерантных установок на всех уровнях: государственном, институциональном, групповом, личностном. В современной ситуации мировой дестабилизации, международных, локальных политических и религиозных конфликтов толерантность во всех ее разновидностях является условием самосохранения цивилизации, антиподом бесчеловечности и отсутствия культуры.

Библиографический список

1. Муртазин М. Война Исламского государства против Европы или провал мультикультурализма? URL: http://www.infox.ru/authority/foreign/2015/01/12/Voyna_Islamskogo_gos.phtml
2. Акты Генеральной конференции ЮНЕСКО, Париж, 25.10.1995–16.11.1995. Париж, 1996. С. 88.
3. Федюнина С.М. Проводник ценностей мультикультурализма // Высшее образование в России. № 6. 2006. С.81–84
4. Федюнина С.М. Межэтнические социально-культурные отношения и процессы в современном мультикультурном обществе // Власть. 2012. № 3. С. 34–38.

5. Религия и закон: правовые основы свободы совести и деятельности религиозных объединений в странах СНГ и Балтии: собрание правовых актов. М., 2002.
6. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1996.
7. *Бобылева Е.А.* Формирование этнорелигиозной толерантности в современной России: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2006.
8. *Лебедева Н.М.* Этническая толерантность в регионах России: теория и практика // *Этнополитика*. 2005. № 1–2.
9. *Скворцов Л.В.* Толерантность: иллюзия или средство спасения? URL: <http://www.tolerance.ru/hist-ill-ili-sredstvo.php>
10. *Зазаева Н.Б.* Роль СМИ в формировании межэтнической толерантности в современной России // *Вестник ПАГС*. 2013. № 5 (38). С. 56–62.
11. *Федоров П.М.* Региональные Интернет-СМИ в формировании установок аудитории по отношению к мигрантам // *Вестник ПАГС*. 2013. № 5 (38). С. 63–71.
12. *Федюнина С.М.* Социальные практики формирования межэтнической толерантности как компонент региональной этнополитики // *Вестник ПАГС*. 2013. № 1 (34). С. 90–96.

V.O. Korotin
National Identity
in Modern Society
in the Context
of Globalization

The article deals with the problem of national identity faced by the modern society in conditions of globalization. The models of national identity preservation for the countries involved in globalization are analyzed, and the components of national identity are studied.

Key words and word-combinations: national identity, globalization, americanization, civilization, the state's sovereignty.

Рассматриваются проблемы национальной идентичности, с которыми сталкивается современное общество в условиях процесса глобализации. Анализируются модели сохранения национальной идентичности для стран, вовлеченных в глобализацию, а также исследуются составляющие национальной идентичности.

Ключевые слова и словосочетания: национальная идентичность, глобализация, американизация, цивилизация, государственный суверенитет.

УДК 316.34/35
ББК60.54

В.О. Коротин

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В пространстве цивилизационной картины мира XX век противоречиво представлен, с одной стороны, как эпоха катаклизмов и мировых потрясений, формирующих новый облик планеты Земля, а с другой – как время существенных потерь. «Глобализация и интенсивный диалог культур привели к тому, что существенным изменениям подвергаются не только сообщества, поглощенные метрополиями, но и общества-доминанты, определяющие современные стратегии развития. Современная российская цивилизация, западноевропейская цивилизационная система – это уже вовсе не те общества, которые существовали в недавнем прошлом» [1, с. 48].

Сегодня доминирующими цивилизационными процессами, несомненно, являются процессы глобализации. Весьма противоречивые и неоднозначные, они резко обострили проблему национальной идентичности.

Глобализация, по мнению Г.В. Епифановой, есть явление современного мира, вобравшее в себя многие свойства различных общемировых процессов, причем принципиально новое в истории человечества. Она не является простым продолжением существовавших ранее интеграционных общемировых тенденций [2, с. 69]. Глобализация есть процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. К. Иманалиев дает следующее определение процессу глобализации: «Глобализация – это процесс, который имеет разные темпы в каждой из трех важнейших сфер жизнедеятельности: политики, культуры и экономики» [3, с. 47]. Ученый считает, что в первую очередь это процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных, технологий. В результате глобализации мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Происходит увеличение количества общих для группы государств проблем и расширение числа и типов интернирующихся субъектов.

Процессы глобализации формируют новые социальные институты, которые должны стать регуляторами социальных процессов в новом веке. Таким образом данные процессы превращают в проблему многие устоявшиеся представления. Стремительные изменения, произошедшие в мире на рубеже XX и XXI столетий, привели к обострению проблемы национальной идентичности. «Люди и нации пытаются ответить на самый главный вопрос из всех, что могут стоять перед человеком: кто мы такие?», – подчеркивает С. Хантингтон [4, с. 532]. Связано это и с все нарастающим влиянием и весьма противоречивыми процессами глобализации. На обострение проблемы национальной идентичности влияет целый ряд процессов глобализации: экономизация, демократизация, информатизация и культурная стандартизация. Эти процессы наталкиваются на национальную идентичность как на препятствие развитию. Национальная идентичность – своеобразное центральное ядро, которое хранит в себе устоявшиеся и прочные представления этнонациональных общностей о самих себе [5, с. 21].

Демократизация в современном мире означает переход к общим правилам игры как во внутренней, так и во внешней политике. Государство становится инструментом защиты интересов общества и личности. В иерархии основных элементов социума в современных условиях на первое место выходит личность, а на второе – общество. Следовательно, государство оттесняется на третье место. Если государство хочет претендовать на значимую роль на мировой арене, оно обязано данную иерархию соблюдать.

Не меньше на национальную идентичность влияет и экономизация. Она ведет к формированию единого мирового экономического пространства. В такой ситуации национальная безопасность и национальное развитие не могут существовать в условиях изоляции. Единственно возможный способ защиты национальных интересов – это интеграция в мировое экономическое пространство. Отказаться от интеграции означает отказаться от полноценного раз-

вития. Если государство не является частью мирового экономического пространства, то оно не может выдержать конкуренции. В ряде случаев интеграция может привести к размыванию национальной идентичности, ее растворению в процессах экономизации.

Единое мировое информационное пространство формирует информатизация. Информатизация создает глобальное сетевое общество, которое открывает гражданам доступ к материальным и духовным благам, способствующим устойчивому общественному развитию. Однако информатизация не является безоговорочным благом. Информационные технологии создают новые возможности для манипуляции общественным сознанием и новые угрозы национальной идентичности. Кроме этого, глобальная информатизация ведет к размыванию идентичности.

Следствие информационной открытости – культурная стандартизация. Глобализация размывает барьеры между различными культурами и приводит ко всемирной конкуренции. В таких условиях могут выжить только те культуры, которые могут довольно быстро адаптироваться к стремительно меняющимся условиям, не теряя при этом своей самобытности. Яркий пример такой мобильности – японская культура. К сожалению, отрицательных примеров можно привести гораздо больше, нежели положительных. Многие культуры не выдержали натиска культурной унификации, которую породила глобализация. Так, в случаях с испанской, мексиканской, аргентинской и многими другими культурами глобализация оказалась сильнее национальной идентичности. В условиях идентичности названные культуры сохранились лишь как культуры фольклорные, ориентированные на общество потребления (например, ориентирование на туризм). В них остались только незначительные черты: в испанской культуре – испанская коррида, в мексиканской – мексиканская кухня, в аргентинской – аргентинское танго, в бразильской – бразильский футбол. Очевидно, что вслед за Мексикой, Аргентиной, Испанией, Бразилией идут практически все страны Европы. В первую очередь страны Центральной и Восточной Европы: Болгария, Румыния, Польша, Чехия, Словакия, Литва, Латвия, Эстония. Дольше противостоят процессам культурной унификации Германия, Франция и Великобритания (причина в том, что культуры этих стран сформировались в историческом отношении гораздо раньше). Более чем тысячелетнюю культуру имеют Китай, Индия и Россия. Видимо, культуры этих стран будут противостоять процессам глобализации значительно дольше. Правда, это вовсе не означает, что культурная унификация не сможет поглотить и эти три культуры. Культурное ядро национальной идентичности в каждой из этих стран должно быстро адаптироваться к переменам, которые происходят в экономике, политике, социальной жизни.

Таким образом, глобализация стремится «перемолоть» национальную идентичность, растворить ее в глобальных процессах экономизации, демократизации, информатизации, культурной стандартизации и ценностной универсализации [5, с. 26]. По мысли Р. Робертсона и Х. Хондкера, современная глобализация задает глобальную рамку, в которой цивилизации, регионы, национальные государства, этнические сообщества получают возможность реконструировать свою историю и идентичность [6, с. 25–40].

С самого момента становления проблемы глобализации в мировом научном сообществе стали говорить о неменном поглощении локальных цивилизаций единым мировым сверхобществом. В работе «Globalization and Its Discontents» Х. Шуманн и Х.-П. Мартин описывают последствия, к которым могут привести процессы глобализации. По их мнению, все идет к тому, что в скором будущем произойдет становление так называемого глобального общества «20:80»: 80% населения такого общества будут заниматься обслуживанием и развлекать те 20%, которые получают от глобализации прибыль [7, с. 46].

Другой вариант развития последствий процессов глобализации, который, кстати, в настоящее время является доминирующим, – вариант вестернизации, или американизации. Зачастую процессы глобализации отождествляются с процессами вестернизации, что связано с усилившимся во второй половине XX в. влиянием США в мире. Автором под вестернизацией понимается объединение всех стран мира под эгидой одной мировой сверхдержавы – США. Вестернизацию можно рассматривать и как новую колониальную политику США, выбравших в качестве влияния на общественное сознание особые виды воздействия – культурную экспансию и экономическую зависимость.

Небывалый рост национального самосознания последние несколько лет может быть результатом защитной реакции на глобализацию и стандартизацию общественных отношений. Представители самых разных этнических групп чувствуют, что сегодня национальная и культурная самобытность находятся под угрозой. Всему мировому сообществу пытаются навязать какую-то одну единственную модель, априори называя ее верной. Отсюда и естественная реакция, вполне оправданное стремление многих народов защитить себя и свою уникальность. Антиглобалистские тенденции, все более и более нарастающие в современном мире, вызваны также тем, что люди больше не хотят быть частью какого-то общего безликого, пусть даже и единого, мира. Люди стремятся быть представителями вполне конкретного этнокультурного, национального сообщества.

«Мы уже живем в эпоху глобализма: Голливуд, “Гарри Поттер”, “Кока-Кола”, Интернет, ноутбуки, банкоматы, сотовые телефоны, спутниковая связь и телевидение, электронные карты и т.д. В этом смысле отрицать все возрастающие масштабы глобального развития в принципе невозможно» [3, с. 46]. Глобализация может привести к утрате государственного суверенитета многих стран и непременно – к утрате религиозных и нравственных устоев. Так возможно ли сохранить суверенитет, идентичность в условиях этого процесса?

Абсолютно любая цивилизация, любое общество и любой народ может существовать только тогда, когда они обладают идентичностью, а национальной идентичности не может быть без национальных традиций и обычаев. Первая составляющая национальной идентичности в условиях глобализации – сохранение традиций. Вторая составляющая – вовлечение в процесс глобализации, но с учетом своей национальной идентичности. Масштабные задачи, которые ставят перед собой глобальная политика и экономика, не должны приводить к размытию национально-культурного характера. Если все-таки глобализации удастся размыть национально-культурный характер, то это будет означать лишь господство безликой массовой культуры.

В условиях процесса глобализации можно выделить три модели национальной идентичности. Первая модель – вестернизационная. Страны, ее принявшие (Шри-Ланка, Вьетнам, Бермудские острова, Ирландия), в качестве ориентира выбрали себе опыт Запада. В этих странах гражданское общество стало строиться на основе изучения практики Запада. Все эти страны – бывшие колонии, получившие независимость сравнительно недавно (Шри-Ланка – в 1948 г., Ирландия – в 1922 г., Вьетнам – в 1945 г., но был признан Францией в 1954 г., а Бермудские острова и по сей день являются владением Великобритании, но с 1968 г. с внутренним самоуправлением). Быть колониями для них – намного привычнее, чем суверенными государством. Вторая модель – модернизационная. По пути второй модели пошли Индия, Южная Корея, Малайзия, Япония. Суть данной модели в том, чтобы сохранить веками сложившиеся традиции, но при этом параллельно опираться на новую технологическую базу и инновации. Третья модель – фундаменталистская. Эта модель полностью призвана отрицать западный путь развития. Страны, пошедшие по пути третьей модели (Саудовская Аравия, Туркменистан, Иран, Беларусь, Пакистан), стремятся оградить себя от внешних волнений и развиваться по своему особому пути, который выберут политические и религиозные лидеры этих государств.

В эпоху столкновения цивилизаций все большее воздействие на современное общество оказывают процессы глобализации, которые характеризуются усилением интеграции во всех сферах общественной жизни, тем самым представляя угрозу существования национальных государств.

Конец XX в. и прошедшее первое десятилетие XXI в. охарактеризовались бурными и противоречивыми событиями. Этот период называют временем широкого распространения идей прав человека, временем политического, национального и культурного плюрализма, временем начавшейся международной интеграции. Однако этот же период принес человечеству невиданные страдания и неисчисляемые жертвы. Многие конфликты, ставшие причиной войн и масштабного терроризма, носили откровенную национальную и религиозную окраску. Создалось впечатление, что это время было временем войны, на которую обитатели планеты Земля обрекли себя, не желая понимать и уважать друг друга, видеть общечеловеческие идеалы и ценности. И все же большая, здоровая часть человеческого сообщества жаждет мира и взаимопонимания. Не случайно первое десятилетие XXI в. было объявлено ЮНЕСКО десятилетием культуры мира и ненасилия. Мировое пространство населяет огромное множество народов, а различие их культур, традиций и обычаев требует дальнейшего адекватного познания, разработки новых методических принципов, ценностей и духовных ориентиров.

Библиографический список

1. *Заров Д.И.* Цивилизационные риски в стратегиях диалога цивилизаций // Риски цивилизаций культур в глобальном мире: сб. науч. трудов. Саратов, 2014.
2. *Епифанова Г.В.* Духовный склад русского народа как фактор цивилизационных процессов в обществе. Саратов, 2010.
3. *Иманалиев К.* Глобализация и национальная идентичность // Вестник КРСУ. 2009. Т. 9, № 1.

4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.И. Иноземцева. М., 1999.
5. Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постигание смысла. М., 2009.
6. Robertson R., Khodker H. Discourses of globalization. Preliminary considerations // International Sociology. L., 1999. Vol. 13, № 1.
7. Martin H.-P., Schumann H. Globalization and Its Discontents. L., 1997.

A.M. Abidulin, Z. Shakhin
**Culture of Ottoman Society:
Historical Experience of Library
and Publishing Activities**

Formation of library and publishing activities in Ottoman society is considered. The comparative analysis of the process of book printing in European and Eastern civilizations is drawn. It is concluded that the library culture, despite the traditionality of Eastern power, always found support from the Ottoman sultans.

Key words and word-combinations: Ottoman society, library and publishing activities in the East, Ottoman culture, libraries.

Рассматривается формирование в османском обществе библиотечно-издательской деятельности. Проводится сравнительный анализ процесса книгопечатания в европейской и восточной цивилизациях. Делается вывод о том, что библиотечная культура, несмотря на традиционность восточной власти, всегда находила поддержку со стороны османских султанов.

Ключевые слова и словосочетания: османское общество, библиотечно-издательская деятельность на Востоке, османская культура, библиотеки.

УДК 002.2(091)
ББК 76.10 +78.33

А.М. Абидулин, З. Шахин

**КУЛЬТУРА ОСМАНСКОГО
ОБЩЕСТВА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
БИБЛИОТЕЧНО-
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Книга и газета для человека в частности и для общества в целом, как и общение, являются важным элементом повседневной коммуникации. Но в отличие от общения коммуникация может иметь как двухсторонний, так и односторонний характер, так как она возможна не только между людьми, но и между человеком и машиной, а также неодушевленными объектами и различными живыми организмами [1, с. 33]. Ценность книги и книжного слова признавалась людьми еще с давних пор. Однако сама история книги – носителя информации, говоря современными словами (в книгах действительно находится глубокий пласт человеческой мудрости, чувств и переживаний, накопленного научного опыта), насчитывает лишь пару-тройку тысячелетий.

Обращение к книге и чтение книг явились для общества довольно новым процессом, а для некоторых народов и по сей день

роскошью. Как в прошлом, так и в настоящем европейские общества, европейские народы считаются самыми начитанными, книга для них всегда выступала важным элементом интеллигентности. В восточных же обществах предпочтение отдавалось непосредственным контактам: мастер – подмастерье, шейх – дервиш, учитель – ученик. Очевидно, что европейское общество, в отличие от восточного, всегда тяготело к индивидуальности. Именно поэтому типографии (в частности, книгопечатание) если и вошли в жизнь обществ, то отнюдь не всегда оказывали на них прямое воздействие. И в наши дни, особенно на Востоке, чтение и читающие люди вызывают неподдельное уважение. Но не всегда к человеку читающему и начитанному относились с уважением, так как начитанность иногда была тождественна инакомыслию, и такой человек становился врагом общества, что более сильно проявлялось в Европе, нежели на Востоке.

В Европе книги активно начинают входить в жизнь человеческого общества с инкунабул – носителей религиозных текстов, которые имели прикладной характер, то есть должны были предотвратить разночтение религиозных текстов и молитв, учили правильному их прочтению. Развитие книгопечатания в Европе по сравнению с Востоком, конечно же, шло семимильными шагами. Для Востока, особенно для литературных произведений, был важен сам «язык», именно поэтому «диваны» стихов обычно не читали, а слушали хафиза, человека грамотного, имевшего правильно поставленную речь, который читал произведения либо рассказывал их по памяти, привлекая внимание слушателей. Так же дело обстояло и с историей, или правильнее – с «Историями». Не потому ли произведения таких османских историков, как Ибрагим Эфенди Печеви, Мустафа Али Гелиболу, Мехмет Хемдеми Эфеди Солакзаде, Наима, были опубликованы лишь во второй половине XIX столетия. До книгопечатания существовали только рукописные списки. В основном содержание книг передавалось устно. Но это не означает, что в Османской империи не было библиотек и читателей. Грамотность на Востоке всегда была одной из добродетелей.

Библиотеки – хранители достижений человечества – в границах территории Османской империи появились несколько тысячелетий назад. Но особый интерес представляет период завоеваний сельджуков и существования Османской империи. Так, есть достоверные данные о том, что еще у анатолийских сельджуков в период правления Кылыч-Арслана II и его сына Рукн ад-Дин Сулейман-шаха в Конье при медресе Алтун Аба была организована библиотека, в которой существовал абонемент. Так, за определенную плату у хранителя книг (хазин уль кутуб) можно было взять книги для чтения домой. При медресе существовал фонд, который на пожертвования занимался приобретением книг для библиотеки [2, с. 197–221].

После поражения сельджуков во главе с конийским султаном Гийас ад-Дином Кей-Хосровом II в битве с войсками монгольского полководца Байджунойона при Кёсе-даге в 1243 г. и начала развала Конийского султаната культурная жизнь продолжала развиваться в бейликах – небольших феодальных владениях, управлявшихся беем и образованных в Анатолии после сельджукского завоевания во второй половине XI в. и позднее. Библиотеки продолжали со-

здаваться при имаретах – благотворительных учреждениях при мечетях – и медресе в крупных городах бейликов. Так, в анатолийском бейлике Гермиян в г. Ладик (Денизли) был основан имарет Инанч Бей, в котором была библиотека, в бейлике Исфендиаридов (Джандарогуллары) библиотека была организована в имарете мечети в Кастамону [3, с. 129].

Начиная с 1420-х годов бейлики постепенно переходят под власть Османов. Первое османское медресе основано в Изнике после его взятия в 1331 г. Орхан Беем (1288–1359). При этом медресе, как и в других городах, была организована комната для книг [4, с. 87–93]. Во время правления Йылдырыма Баязида (1389–1402) при медресе в городах Бурса, Балыкесир, Болу и при его наследнике Мехмете Челеби (1403–1421) в медресе при мечети Челеби Мехмет г. Мерзифоне были созданы библиотеки [5, с. 6]. Активное развитие библиотек пришлось на период правления Мурада II (1421–1451); например, библиотеки возникают в медресе г. Эдирне. Первой крупной библиотекой стала библиотека при медресе Дарульхадис [6, с. 235].

Фатих Султан Мехмет после взятия Константинополя (1430–1481) наряду с формированием научных и образовательных учреждений содействовал созданию библиотек при медресе. Построенное по его указу кюллие (комплекс сооружений вокруг мечети) Фатих включало в себя и библиотеку, где велся учет книг [7, с. 643]. Другим крупным хранилищем книг стал султанский дворец Топкапы, где для нужд как самого султана, так и для Эндеруна – дворцового центра подготовки управленческих кадров – была организована библиотека [8, с. 16]. Кроме того, султан способствовал открытию мечетей, медресе, кюллие и библиотек [9, с. 436]. Библиотека дворца Топкапы была значительно расширена во время правления Баязида II, уделявшего большое внимание пополнению библиотеки книгами. Султан лично ставил на первых и последних страницах свою печать, а также надписывал сам название книги на форзаце [10, с. 308]. В этот же период библиотеки создаются суфийскими орденами при мечетях, текке (обителях дервишей) и при медресе, открытых на пожертвования государственных чиновников [11, с. 14].

Селим I Грозный (Явуз) (1512–1520), известный своими восточными походами в 1514–1517 гг. в Восточную Анатолию, Сирию и Египет, захватил такие крупные города, как Урфа, Каир, Александрия, Иерусалим, и вывез культурные ценности и произведения искусства, в числе которых были книги, пополнившие коллекцию дворцовой библиотеки [12, с. 40–44]. Во время правления Сулеймана Великолепного (1520–1556) известным архитектором Мимаром Синаном была построена кюллие Сулеймания, в которой также имелась библиотека [13, с. 33]. В годы правления султана Мурада III (1574–1595) важным этапом в развитии библиотек стало их появление в научных центрах. Так, в 1574 г. известным астрономом, оптиком и математиком Такиюддином аш-Шаами была построена обсерватория в Стамбуле, включавшая библиотеку [14, с. 47–48].

Что же представляли собой первые общественные библиотеки? Обычно это были небольшие помещения (располагались в мечетях и медресе). Нередко эти хранилища даже не были каталогизированы. Смотрителем и единственным

служащим в них был хранитель хафиз уль кутуб, который знал наизусть все названия книг в хранилище и их содержание. Некоторые хранители могли знать книги наизусть. Часто читатель приходил в библиотеку в поисках книги, о которой мог иметь лишь смутное представление, не зная автора или названия. Иногда читатели приходили с парой листков, вырванных из какой-либо книги, с понравившимся им произведением и хотели прочитать его продолжение. В таких случаях хафиз уль кутуб безошибочно находил нужную книгу. Или, к примеру, он мог установить и авторство принесенной ему книги, даже если у нее не было обложки, начала и конца. Люди этой уникальной профессии работали в стамбульских библиотеках вплоть до появления современных каталогов и электронных носителей информации. Есть они и сейчас в библиотеке старопечатных книг и рукописных текстов Беязид, библиотеке дворца Йылдыз, архиве Сулеймание и в нескольких крупных мечетях.

В XVI в. в Османской империи значительно увеличивается количество медресе, а вместе с тем и библиотек при медресе. Однако утверждение библиотек и их окончательное оформление относится к XVII в. В это время появляются общественные библиотеки в Изнике, Бурсе, Эдирне, Стамбуле [15, с. 12]. Так, в Стамбуле Кеprüлю Фазыл Мустафой-пашой была создана библиотека, открытая в 1678 г. для учеников медресе и всех желающих.

Важным периодом в развитии библиотек стала «Эпоха тюльпанов», началом которой стало заключение Османской империей Пассаровицкого мира с Австрией и Венгрией в 1718 г., а окончанием – восстание городских низов под предводительством Патрона Халила в Стамбуле в 1730 г. Эта эпоха пришлась на годы правления султана Ахмеда III (1703–1730). В тот период великий визирь Невшехирли Дамад Ибрагим-паша, которого считают инициатором приобщения Османской империи к науке, культуре, экономике и архитектуре Европы, переводя на османский язык многие научные труды, способствовал повышению грамотности населения империи. Кроме того, на рост грамотности населения повлияло возникновение и развитие книгопечатания на османском языке. Первым шагом к этому было создание комиссии из 25 человек, которая занялась переводом на османский язык всемирной истории персидского историка Гияседдина ибн-Хусамеддин эл-Хусейни Хандемира (1475–1535) и труда на арабском языке другого автора, историка Бедреддина Махмуда Айни (1360–1451) [16, с. 159]. Вторым шагом к культурным преобразованиям стало назначение в 1726 г. послом Великой Порты в Париже Йирмисекиз Челеби Мехмеда-эфенди, в число обязанностей которого, наряду с дипломатической работой, входило изучение европейских достижений в науке и культуре. Его сын и личный секретарь Йирмисекиззаде Мехмед Саид-паша заинтересовался книгоизданием и, получив важные сведения о типографском деле, по возвращении в Стамбул оказал поддержку Ибрагиму Мутеферрике в создании первой османской типографии [17, с. 32].

Почему же в жизни турецкого общества количество книг было ограничено? А самое главное, почему так поздно появилось книгопечатание? Этому есть несколько объяснений. Во-первых, существовало ложное представление о том, что книга, в особенности религиозная, должна быть рукописной. Во-вторых,

книгу читал один человек, наиболее грамотный в обществе («общество» как социальная структура деревни, маленького города, квартала крупного города). Обычно это был уважаемый всеми религиозный деятель – либо народный рассказчик Ашык, либо интеллигент. И дело не в том, что остальные не умели читать, напротив, грамотные люди были всегда. Просто было принято издавна слушать одного рассказчика. Именно поэтому, люди, знавшие наизусть большие по объему тексты, встречаются чаще на Востоке, нежели в Европе. Но не всегда это аристократы и интеллигенты, и даже не всегда грамотные. К примеру, в Османской империи жившие в пустыне или горных районах полукочевые племена имели в своих обществах сказителей, знавших наизусть произведения Фирдоуси, в особенности его довольно сложное по содержанию «Шахнаме».

Окончание «Эпохи тюльпанов» не означало завершения культурного развития Османской империи. На период правления султана Махмуда II пришелся золотой век развития библиотек, которые появляются в мечетях Айя Софья и Фатих, учебных заведениях, таких, как императорская школа Галатского дворца. Возникают библиотеки как отдельные организации, например библиотека Атыф Эфенди, основанная главным казначеем Османской империи Атыфом Эфенди [18, с. 1–5]. Конечно же, в этот период общественные библиотеки появлялись в основном в Стамбуле, где интеллектуалы и государственные деятели, такие, как Коджа Рагип-паша, Атыф Эфенди, Хюсрев-паша, а также некоторые религиозные деятели начинают собирать коллекции книг от нескольких сотен до тысячи экземпляров и делать свои книгохранилища открытыми для общества.

В годы правления султана Абдул Хамида I (1774–1789) в 1776 г. было открыто Мюхендисхане-и бахри-и хумаюн (султанское морское инженерное училище). Для учеников этого училища были созданы библиотека и лаборатория [19, с. 24]. Следующим шагом на пути формирования библиотек в крупных учебных центрах стало открытие в годы правления Селима III (1789–1807) в 1795 г. Сухопутного инженерного училища (Мюхендисхане-и Берри-и Хумаюн), в котором для нужд учебного процесса были организованы библиотека и типография [20, с. 277, 297]. По личному распоряжению султана в библиотеке имелись переводы европейской гуманитарной и технической литературы [21, с. 97].

На пути распространения образования, а вместе с ним и библиотек следующим этапом стал фирман султана Махмуда II (1808–1839) о введении всеобщего начального образования в 1824 г. Этот фирман положил начало формированию новых военных и медицинских учебных заведений, в том числе высших училищ. Так, военно-медицинское училище, созданное с целью подготовки врачей и хирургов для армии в 1827 г., послужило в дальнейшем основой для создания в 1839 г. медицинской школы Мектеб-и Тыббие-и Шахане. Данные учебные заведения имели крупные библиотеки. К этим училищам, обеспечивавшим лишь потребности армии, добавились образовательные учреждения начального, среднего и более высокого уровня Мектеб-и Маариф-и Адли (Школа юридического образования) и Мектеб-и Улум-и Эдеби (Школа литературных знаний), выпускающие государственных служащих.

С приходом к власти султана Абдул-Меджида I (1839–1861) и началом эпохи Танзимата идеи государственных преобразований, появившиеся в конце XVIII в., оформились в комплекс государственных реформ. В 1857 г. по распоряжению султана было создано министерство народного просвещения, взявшее под контроль начальное, среднее и высшее образование [22, с. 59]. Создание министерства народного просвещения напрямую повлияло на развитие библиотек, поскольку по закону о народном просвещении все библиотеки, включая библиотеки фондов, переходили под контроль этого министерства [23, с. 22]. По этому же закону была открыта библиотека в университете Дар-ул-Фунун, основанном в 1846 г. в Стамбуле, которая, кроме того что предназначалась для студентов и преподавателей, стала еще и общественной.

В 1860 г. османской интеллигенцией было организовано Османское научное общество (Джемиет-и ильмие-и османие), которое приступило к изданию первого научно-популярного журнала «Меджмуа-и фюнун» (Сборник наук). На страницах журнала печатались популярные статьи, посвященные различным отраслям европейской науки. Общество создало в Стамбуле библиотеку, для управления которой был написан устав, состоявший из десяти пунктов. Впоследствии эта библиотека стала общественной и открытой для всех слоев населения [24, с. 695]. Ко второй половине XIX столетия в Османской империи скопилось достаточно большое число книг и возникла необходимость в их учете. Первый каталог из 1152 экземпляров книг библиотеки Ибрахим Паши при мечети Шехзаде был составлен в 1865 г. Абдуррахманом Наджи-беем.

Дальнейшее развитие создания библиотек напрямую связано с деятельностью Мехмет Тахира Мюниф-паши (1828 или 1830–1910), занимавшего пост министра народного просвещения, одного из основателей Османского научного общества и идейного вдохновителя создания национальной библиотеки. В 1881 г. возглавляемое им министерство издало официальные положения по управлению библиотеками. По этим положениям все библиотеки переходили в подчинение к инспекции библиотек, входившей в состав отдела авторских прав и переводов министерства народного просвещения. В 1882 г. идея Мюниф-паши о создании национальной библиотеки нашла свое воплощение – в Стамбуле на площади Беязид была открыта Османская общественная библиотека (Кютупхане-и Умуми Османи). Основная цель создания библиотеки – собирание всех издававшихся книг в Османской империи [25, с. 243]. Фактически это было последним крупным изменением в организации библиотек в Османской империи. Единственное изменение произошло лишь в 1913 г., когда все библиотеки, кроме Османской общественной библиотеки, перешли в подчинение объединенного совета представителей министерства просвещения и министерства по делам вакфов, при этом библиотеки различных фондов и религиозных орденов находились под управлением министерства по делам вакфов.

Таким образом, пусть даже с некоторым опозданием, но культура чтения пришла и в Османскую империю. В османском обществе развитие книжного знания было неразрывно связано с религией. Практически каждый из султанов в какой-то мере способствовал появлению библиотек при медресе. Важным

этапом в развитии библиотечного дела и книгопечатания стала «Эпоха тюльпанов». Но основные реформы в этой сфере на государственном уровне начались только при султানে Абдул-Меджиде I, при котором произошло законодательное оформление официального статуса библиотек. В XIX столетии серия государственных реформ оформила систему образования, а вместе с ней и библиотечно-издательскую деятельность.

Библиографический список

1. Коллектив, личность, общение: словарь социально-психологических понятий. Л., 1987.
2. *Turan O.* Selzüklu devri vakfiyeleri I: Юemseddin Altun Aba Vakfiyesi ve Hayatэ // Belleten. 1947. № 11 (41–44).
3. *Cunbur M.* Tarihimizde Anadolu'da kыtaphane kurma zabalарэ // Тьрк Кьтaphaneçiler Derneđi Bьlteni. 1966. № 15 (3).
4. *Parmakszozlu Z.* Тьрк кьtaphaneçilişinde geliрmeler // Тьрк Кьtaphaneçiler Derneđi Bьlteni, 23(2). 1974.
5. Тьрк кьtaphaneleri tarihi II: Kuruluştan Tanzimata kadar Osmanlı vakıf kьtaphaneleri. Ankara: Atatьrk Kьltьr Merkezi Yayınz, 1991.
6. Osmanlı Devletinde bilim, kьltьr ve kьtaphaneler. Ankara: Тьрк Кьtaphaneçiler Derneđi, 1999.
7. *Uzunearzlı Z.H.* Osmanlı tarihi C. I-II. Ankara: Тьрк Tarih Kurumu Yayınlarz, 2011.
8. *Emsen S.* Osmanlı Ymparatorluđu devrinde Тьrkiye кьtaphanelerinin tarihçesi // Тьрк Кьtaphaneçiler Derneđi Bьlteni. 1960. № 9 (1–2).
9. *Eoruh H.* Fatih'in Kьtaphane Memuru, Бьyьk Тьрк Ansiklopedisti Molla Lьtfi (– ?/1494) // Тьрк Kьltьrь. 1972. № 10 (115).
10. *Unver S.* İkinci Selim'e Kadar Osmanlı Hьkьmdarlarzın Hususı Kьtaphaneleri Hakkında, IV. Тьрк Tarih Kongresi 10-14 Kasım. Ankara, 1952.
11. *Cunbur M.* Fatih devri кьtaphaneleri ve кьtaphaneçilişii // Тьрк Кьtaphaneçiler Derneđi Bьlteni. 1957. № 6 (4).
12. *Erünsal E.* Тьрк Кьtaphaneleri Tarihi – II: Kuruluştan Tanzimat'a Kadar Osmanlı Vakıf Kьtaphaneleri. Ankara: Atatьrk Kьltьr Merkezi yayınlarz, 1991.
13. *Uzunearzlı Z.H.* Osmanlı devletinin ilmiye teşkilatı. Ankara: Тьрк Tarih Kurumu Yayınlarz, 1984.
14. *Unver S.* İstanbul Rasathanesi. Ankara: Тьрк Tarih Kurumu Basımevi, 1969.
15. *Kazanczil A.* Osmanlılarda Bilim ve Teknoloji, İstanbul: Ufuk Kitaplarz, 2000.
16. *Adzvar A.* Osmanlı Тьrklerinde ilim. İstanbul: Remzi Kitabevi, 2000.
17. *Ersoy O.* Тьrkiye'ye matbaanın girişi ve ilk basılan eserler. Ankara: Ankara Üniversitesi, 1959.
18. *Cunbur M.* Onsekizinci yьzylda bir okul кьtaphanesinin aēzlzşii // Тьрк Кьtaphaneçiler Derneđi Bьlteni. 1960. № 8 (1–2).
19. Тьрк кьtaphaneçilişii / Bilginin yazgısz. Ankara: Тьрк Кьtaphaneçiler Derneđi, 2007.
20. *Beydilli K.* Тьрк bilim ve matbaacılık tarihinde mьhendishane, mьhendishane matbaasz ve кьtaphanesi. İstanbul: Eren Yayınçılık, 1995.
21. *Berkes N.* Тьrkiye'de eāşdaşlaşma. İstanbul: Yapı Kredi Yayınlarz, 2008.
22. *Cevad M.* Maarif-i Umumiye Nezareti tarihēe-i teşkilat ve icraatı: XIX. asır Osmanlı maarif tarihi. Ankara: Yeni Тьrkiye Yayınlarz, 2001.
23. Тьрк кьtaphaneçilişii / Bilginin yazgısz iēinde. Ankara: Тьрк Кьtaphaneçiler Derneđi, 2007.
24. *Cunbur M.* Tanzimat'ın кьtaphaneçilişimize etkileri // Belleten. 1964. № 28 (112).
25. Osmanlı Devletinde bilim, kьltьr ve кьtaphaneler. Ankara: Тьрк Кьtaphaneçiler Derneđi, 1999.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

D.S. Smirnova
**The Influence of the Integration
Process on the Development
of Contemporary Labor Market**

The influence of social and economic processes of integration on labor market through revitalization of multinational corporation activities, development of the offshoring and foreign trade, and strengthening of labor migration is investigated. Special attention is given to the consequences of these processes influence on the development of national labor market.

Key words and word-combinations: labor market, integration, labor migration.

Исследуется влияние социально-экономических процессов интеграции на рынок труда через активизацию деятельности транснациональных корпораций, развитие оффшоринга и внешней торговли и усиление трудовой миграции. Особое внимание уделяется последствиям влияния данных процессов на развитие национального рынка труда.

Ключевые слова и словосочетания: рынок труда, интеграция, трудовая миграция.

УДК 331
ББК 65.24

Д.С. Смирнова

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ИНТЕГРАЦИИ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО РЫНКА ТРУДА

В настоящее время для мировой системы хозяйства свойственны две тенденции. Первая связана с процессом глобализации, что означает усиление взаимосвязи и взаимозависимости между странами по социально-экономическим, политическим и культурным вопросам. К этому следует добавить укрепление межстрановых коммуникаций, рост обмена товарами, миграцию населения, развитие информационных систем. Важная роль в интеграционных процессах отводится транснациональным корпорациям (ТНК). Вторая тенденция характеризуется экономическим сближением стран на региональном уровне, в результате чего формируются крупные региональные интеграционные структуры. Все это свидетельствует о процессе межстранового слияния и объединения, который выражается в целом через понятие «интеграция».

Интеграция – это процесс хозяйственно-

политического объединения стран путем создания устойчивых межгосударственных связей и разделения труда национальных экономик при условии их взаимодействия [1, с. 480]. Выделяют два уровня интеграции: микроуровень и макроуровень. На микроуровне происходит интеграция хозяйствующих субъектов (создание филиалов предприятий и фирм), что выражается через взаимодействие их капитала. На макроуровне процесс интеграции непосредственно проявляется через экономические объединения государств. Сегодня процессы интеграции, происходящее на мировом уровне, все чаще рассматривают через призму транснациональных потоков и перемещения рабочей силы, поэтому наряду с международными рынками товаров и услуг, рынком капиталов активно развивается международный рынок труда. При этом экономическая интеграция, происходящая на микро- и на макроуровне, влияет на формирование и развитие национальных рынков труда.

Международный рынок труда представляет собой совокупность национальных рынков труда, поэтому есть основание полагать, что интеграция на микро- и макроуровнях оказывает влияние и на международный рынок труда. Подтверждается это тем, что международный рынок труда утрачивает свою замкнутость и обособленность. Из этого следует, что экономическая интеграция оказывает непосредственное влияние и на международный и национальный рынки труда. Однако в большей степени воздействию интеграционных процессов подвержен национальный рынок труда. Влияние интеграционных процессов на национальный рынок труда целесообразно рассмотреть через активизацию таких процессов, как расширение сферы деятельности ТНК, развитие оффшоринга, внешней торговли, интенсивность международных миграционных перемещений.

Активизация деятельности ТНК в регионах повышает спрос на рабочую силу, обладающую уровнем конкурентоспособности, соответствующим международным стандартам. Концентрация ТНК в регионах происходит согласно сложившейся здесь системе оплаты труда (учитываются среднемесячная заработная плата и минимальный порог установленной заработной платы для региона). Наличие в стране дешевого рабочего труда является основным условием для создания компаний. Принимаются во внимание как дешевизна рабочего труда, так и качество труда, качество производимой продукции и цели производства. Качество труда в регионе определяется спросом зарубежных потребителей на продукцию, изготавливаемую в регионе. Деятельность ТНК обусловила создание пространственных моделей разделения труда, а также новых «товарных цепочек», в которых преобладают новые конфигурации вещественного и личностного факторов в производстве.

Интересы ТНК концентрируются на включении в процесс производства как неквалифицированных или малоквалифицированных работников, так и высококвалифицированных специалистов, поскольку ТНК заинтересованы в создании «мозговой фабрики», обеспечивающей развитие инновационных секторов экономики. Постсоветские страны, которые располагают квалифицированной рабочей силой, являются поставщиками высококвалифицированных кадров для ТНК. Интересы ТНК в размещении своего производства в том или ином регионе связаны с присутствием там экспортно-производственных зон или зон свободной торговли. По данным литературы, занятость в экспортно-производственных зонах с учетом

размещения там ТНК возрастает в сотни раз, но, как правило, увеличивается спрос непосредственно на низкоквалифицированных работников, так как деятельность в большинстве экспортно-производственных зон связана с трудоемким производством. Это страны Африки, Южной Америки, Южной Азии.

Положительное влияние ТНК на национальный рынок труда заключается в увеличении рабочих мест. За последние 30–35 лет, по статистике ЮНКТАД, количество рабочих мест, созданных за счет активизации деятельности ТНК, выросло примерно в 4 раза [2, с. 53]. Таким образом, расширение сферы деятельности ТНК в экономиках принимающих стран таит в себе немало особенностей, связанных с влиянием их на национальный рынок труда. С одной стороны, занятость в регионе, где создана ТНК, с другой – возникает угроза экономической зависимости принимающей страны от установленных особенностей функционирования ТНК. Кроме того, ТНК может создаваться не «с нуля», а путем слияния нескольких компаний, что способно привести к сокращению рабочих мест. В этом случае падает конкурентоспособность товаров местных производителей, что приводит к сокращению их производства и увольнению работников. Таким образом, реакция национальных рынков труда зависит от многих макроэкономических факторов, связанных с размещением ТНК.

Следующей особенностью процесса интеграции и его влияния на рынок труда является быстро развивающийся в мире международный оффшоринг. Развитие современных технологий также является результатом интеграционных процессов. Так, многие высококвалифицированные работники предпочитают продавать свои идеи, результат своего умственного труда, зарубежному работодателю, при этом оставаясь в границах своей страны, но работая через Интернет на другое государство [3, с. 131]. При оффшоринге также идет перемещение отдельных этапов производства товаров или услуг в другие страны. Чаще всего оффшоринговые компании заинтересованы в трудовых ресурсах из развивающихся стран, так как цена труда там ниже. Это выгодно и развивающимся странам (создаются новые рабочие места), и развитым (уменьшается стоимость производства), но, по мнению экспертов, данный процесс, несмотря на признанную эффективность его использования, вызывает большие опасения, в силу того что, по последним исследованиям, оффшоринг оказывает негативное действие на динамику занятости и тем самым на развитие рынка труда через эффект относительных цен и эффект предложения рабочей силы.

При эффекте относительных цен оффшоринговые работы изменяют уровень оплаты труда внутри страны. По мере снижения стоимости оффшоринговых работ падает относительная заработная плата и у других работников, с которыми конкурируют работники оффшоринговых компаний. При эффекте предложения рабочей силы происходит перемещение части производства в другую страну, а рабочие внутри своей страны в данных отраслях экономики остаются без работы, возникает безработица, что является толчком для увеличения предложения рабочей силы в определенных сферах экономики. Например, США за последнее время с учетом перемещения части производства в развивающиеся страны потеряли приблизительно 1 млн рабочих мест внутри своей страны [4, с. 57]. По данным European Restructuring Monitor, за период с 2001 по 2009 г.

среди европейских стран в качестве причины сокращения рабочих мест оффшоринг находится на третьем месте (4,9%) [5, с. 16]. Таким образом, оффшоринг оказывает неоднозначное влияние на национальный рынок труда в целом.

Следующая особенность процесса интеграции – открытая внешняя торговля, также оказывающая влияние на развитие национального рынка труда. Оценка занятости населения обуславливается экспортно-импортными отношениями: экспорт товаров и услуг создает рабочие места; импорт, наоборот, их сокращает. Однако необходимо учитывать, на каких трудовых ресурсах основывается производство в стране, где экспорт преобладает над импортом. Если это низкоквалифицированный труд, то следует заключить, что данная национальная экономика не может быть эффективной, хотя выявить непосредственное влияние внешнеторговой либерализации на национальный рынок труда достаточно сложно. Это можно сделать в краткосрочной перспективе. Либерализация внешней торговли одновременно способствует и созданию рабочих мест, и их ликвидации. По мнению экспертов, стоит учитывать особенности производства отраслей экономики. Например, в США в 1970-е годы была создана попытка сократить импорт автомобилей из Японии, что привело к тому, что американские автопроизводители лишились конкуренции своей продукции. В результате возросшая цена повлекла сокращение спроса на автомобили, что послужило основанием сокращения производства и привело к ликвидации рабочих мест [6, с. 7]. В связи с этим либерализация внешней торговли должна основываться на гибкой заработной плате и на гибкости самого рынка, что способствует предотвращению массовой безработицы. В странах с гибкими рынками труда с учетом либерализации внешней торговли наблюдается рост занятости, несмотря на возникающие всплески безработицы (Австралия, Канада, Дания) по сравнению со странами, где рынок труда жестко регламентирован (Великобритания). Таким образом, либерализация внешней торговли – это один из основных показателей процесса интеграции, который отражается на создании рабочих мест в государстве, но, по мнению экономистов, рассмотреть его влияние на уровень заработной платы, производительность, безработицу в долгосрочной перспективе невозможно, так как необходимо учитывать особенности социально-экономического и политического развития каждого государства, а также возможности развития отраслей национальной экономики.

Наряду с либерализацией внешней торговли и транснационализацией капитала, на интеграционные процессы и развитие рынка труда оказывает и международная миграция рабочей силы [7, с. 147–148].

Трудовая миграция в разное время приобретала различные масштабы и чаще всего порождала социальные проблемы, что стало поводом для ее международного регулирования. На процесс миграции могут оказывать влияние различные факторы: наличие или отсутствие рабочих мест в стране, разница в уровне заработной платы, политическая и экономическая ситуация в стране, комфортные условия работы, перспективы трудовой деятельности, разрыв в условиях труда и т.д. К особенностям процесса миграции можно отнести то, что одни страны заинтересованы в мигрантах из других стран, другие к этому процессу относятся с настороженностью (Бельгия, Дания, Великобритания). При этом можно выделить определенные группы стран, в которых миграция не оказывает за-

метного влияния на национальный рынок труда; страны с ограниченным миграционным потенциалом; страны с расширенным миграционным потенциалом и преобладанием мигрантов в национальной экономике. К первой группе стран можно отнести страны Африки, где чаще всего миграция абсолютно не влияет на национальный рынок труда, но говорить о полном ее отсутствии нельзя, так как миграция в данном случае все равно присутствует, она вызвана политической ситуацией в некоторых странах и носит региональный характер. Ко второй группе стран относятся страны с ограниченным миграционным потенциалом, сюда можно отнести Россию. Специфика этой группы состоит в том, что в странах отсутствует четкое и проработанное законодательство в области приема и адаптации мигрантов, хотя они заинтересованы в зарубежной рабочей силе, как квалифицированной, так и неквалифицированной. Последняя группа включает страны, где их уровень ВВП создается за счет приезжих мигрантов. Число мигрантов здесь может достигать 70–80% от общего числа местных жителей, при этом страны полностью заинтересованы в привлечении иностранных работников.

Рассматривая трудовую миграцию, необходимо заметить, что мигрировать в страну могут как высококвалифицированные кадры, так и неквалифицированные. Если страна будет привлекать только низкоквалифицированных рабочих, это будет способствовать развитию низкооплачиваемого труда и приведет к отсталости государства на мировом уровне. Следовательно, государствам необходимо выбрать правильную политику в области трудовой миграции, потому что миграционные процессы влияют на экономику государства как положительно (удовлетворяют потребности в рабочей силе), так и отрицательно (мигранты имеют низкую квалификацию, большинство из них незаконно находятся на территории страны, провоцируют различные межнациональные конфликты и т.д.). В целом миграция является исторически сложившимся фактором, влияющим на национальные рынки труда, так как приезжие мигранты представляют собой огромный трудовой потенциал.

Исходя из перечисленного, можно сделать вывод, что любая из национальных экономик в той или иной степени вовлечена в международный миграционный обмен. Статистика выделяет около 22% стран, наиболее активно включенных в мировой рынок труда. Естественно, что наибольшее влияние испытывают национальные рынки труда, имеющие расширенный потенциал миграционных процессов, а степень влияния определяется сложившимся законодательством в данной сфере и определенными факторами, характеризующими рынки труда. Миграция способствует территориальным перемещениям работников и в определенной мере решает проблемы сбалансированности между спросом и предложением на рынке труда определенных государств. В связи с этим осуществляется изменение структуры занятости на национальных рынках труда, пересматривается численность работников в той или иной сфере реального сектора экономики, совершенствуется качество трудовых ресурсов [8, с. 75].

Таким образом, формирование устойчивых всесторонних связей между национальными экономиками стран оказывает непосредственное влияние на трудовые отношения. Процесс интеграции включает в себя различные аспекты (расширение сферы деятельности ТНК, развитие оффшоринга, внешней торговли, интенсивность международных миграционных перемещений), которые на-

ходят непосредственное отражение в формировании и развитии рынка труда того или иного государства, вовлеченного в данный процесс интеграции.

Библиографический список

1. Экономика: учебник / под общ. ред. А.С. Булатова. М., 1995.
2. *Ткаченко М.Ф.* Глобальные вызовы для мирового рынка труда // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 10. С. 51–58.
3. Глобализация мирового хозяйства: учеб. пособие / под ред. М.Н. Осьмовой. М., 2011.
4. *Крайнов Д.Е., Матвеев В.Д.* «Оффшоринг» – новый этап глобального разделения труда // Экономическая школа: альманах. 2011. Т. 7.
5. Новая модель рынка труда России: роль внешних факторов / под ред. С.В. Рязанцева, В.А. Гневашевой. М., 2014.
6. *Вишневская Н.Т.* Либерализация внешней торговли и рынок труда: исследования и опыт зарубежных стран. М., 2003.
7. *Герасимова В.В., Ефанова А.И.* Социальное партнерство как институт регулирования экономических отношений // Вестник ПАГС. 2011. № 4(29).
8. *Смирнова Д.С.* Особенности функционирования российского рынка труда // Сборник научных трудов Sworld. Одесса, 2014. Т. 27. № 1.

A.A. Makarov
Prospects for the State
Employment Policy
in the Local Labor Markets

Sociological approaches to the problem of labor market governance are considered. Perspectives for the state employment policy are analyzed. It is proved that the practices of the state bodies, regulating labor market must provide feedback mechanisms of the employment market subjects.

Key words and word-combinations: labor market, employment, public policy.

Рассматриваются социологические подходы к проблеме управления рынком труда. Анализируются перспективы государственной политики занятости населения. Доказывается, что деятельность государственных структур, регулирующих рынок труда и занятости, должна предусматривать механизмы обратной связи субъектов рынка занятости.

Ключевые слова и словосочетания: рынок труда, занятость, государственная политика.

УДК 316.334.2:331
ББК 60.561.2+65.24

А.А. Макаров

ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ НА ЛОКАЛЬНЫХ РЫНКАХ ТРУДА

Состояние рынка труда в России – индикатор, позволяющий судить о социально-экономическом развитии страны. Качество рынка труда во многом обусловлено занятостью населения, которая в социальном аспекте помогает субъектам рынка адаптироваться к рыночным отношениям.

Занятость – это одновременно и материальная дифференциация, и расслоение населения по статусу в условиях изменения государственной парадигмы управления, проис-

ходящие путем поощрения дополнительной занятости трудоспособного населения и принудительного вовлечения населения в малый бизнес. Необходимость дополнительной занятости вызвана тем, что заработная плата не обеспечивает необходимого уровня дохода населения и недостаток восполняется в том числе и в частном секторе экономической занятости. Занятость в современных условиях характеризуется качественными изменениями в отношении собственности: на смену единственной государственной форме собственности пришло множество ее форм. Следовательно, на предприятиях происходит процесс образования коллективных или корпоративных единств, отличных друг от друга. Приоритет в нем занимают наиболее действенные группы управленцев и собственников. При этом расслоение по доходам и общественному положению воспринимается как естественный процесс, при котором невозможно социальное равенство. Постепенно происходит подмена понятий в сознании работников с социального равенства на стремление к единству корпоративных коллективов для достижения общих, коллективных целей, влияющих на благополучие предприятий или соответствующих подразделений, а значит, и благополучие каждого в отдельности работника. Данный вывод подтверждает верность теоретических положений, представленных в работах П. Сорокина.

Исследователь рассмотрел устойчивость социальной системы как зависимость двух основных параметров: уровня жизни населения и степени дифференциации доходов. Дополняя свои выводы примерами из истории развития общества, он показал, что чем выше дифференциация финансовых и материальных доходов населения страны, тем интенсивнее возникают призывы к революционному изменению социального порядка в обществе. Современные процессы реформирования в России характеризуются наличием серьезных экономических и социально-политических изменений (социальная структура – формированием среднего класса, регулирование рынка труда и социально-трудовых отношений – оформлением рыночного механизма спроса и предложения) и является подтверждением выводов ученого. Общество меняется и складывается гиперконкурентным, а также сгруппированным по корпоративному признаку. Преимущество в достижении цели имеют мобильные корпоративные группы, которые представляют интересы среднего класса, поскольку, располагая оперативной информацией, именно они оптимально и своевременно ее реализуют для достижения цели.

Развитие предпринимательства с постоянной нацеленностью на инициативу, внедрение инноваций, новых рабочих мест, с учетом влияния конкуренции, обеспечивает как социально-экономическую, так и общественную выгоду. Именно осознание этого факта обществом и выводит предпринимательство в разряд основных субъектов рыночного взаимодействия. Изложенные факты обусловили необходимость и важность исследования состояния спроса и предложения на рынке труда и занятости.

Исследование спроса и предложения труда с целью его регулирования производится различными способами. Самый распространенный способ исследования – использование эконометрической модели, отражающей функцию занятости. Данная модель выявляет зависимость отраслевой занятости и эконо-

мического состояния на макроуровне. При согласовании динамики текущего спроса на труд, выражаемого количеством вакансий, и его предложения, с учетом перемещения населения и трудовых ресурсов, существуют различные идеи и теории поддержания сбалансированности спроса и предложения. Прирост потенциальных работников поддается лишь косвенному и незначительному управлению факторами, влияющими на его величину; к таким факторам относятся рождаемость, смертность, миграция. Значит, необходим поиск других источников поддержки и регулирования баланса спроса и предложения на рынке труда [1].

Складывающаяся ситуация заставляет поставить вопрос о включении в схему исследования показателей характеризующих динамику эффективной политики занятости. При этом необходимо оценивать не только социально-экономическую политику на рынке труда и занятости, но и правильно оценить уровень безработицы в том или ином социальном слое или группе населения, а также установить факторы, влияющие на их состояние. Регулирующая роль государства должна обеспечивать сбалансированность социальных и экономических факторов, в том числе в процессе формирования бюджетно-налоговой политики. Суть роли государства состоит в обеспечении постоянных связей и взаимодействий в экономической и социальных сферах его субъектов. Создаваемая система локальных рынков труда с внешними и внутренними ограничениями подлежит органической взаимосвязи и взаимодействию между собой. Локальные рынки не должны существовать отдельно и функционировать обособлено. Они должны быть тесно переплетены взаимосвязями, которые будут обеспечивать взаимодействие субъектов рынков. Следовательно, основным отличием таких рынков труда от планового распределения рабочей силы является возможность выбора из множества вариантов при непосредственном удовлетворении интересов работников и работодателей путем установления взаимоприемлемых условий согласования предложения и спроса. Цель функционирования локальных рынков – создание различных возможностей обеспечения предприятия необходимыми кадрами на основе оптимального сочетания стабильности и мобильности кадров при возникающих условиях дисбаланса.

Отметим, что значение этой методики на макроуровне велико: она позволяет регулировать занятость в национальных масштабах и разрабатывать варианты прогнозы ключевых параметров рынка труда и занятости населения в зависимости от сценариев развития экономики на макроуровне.

Актуальность предлагаемых методов возрастает при системном подходе к моделированию и прогнозированию социально-экономической политики на уровне регионов, среди основных направлений которой выделяются следующие:

- формирование профессиональных и социальных признаков рабочей силы региона, набор жизненных средств потребительской корзины;
- подготовка и переподготовка работников;
- экономическая и социально-профессиональная мобильность в рамках единого пространства в условиях не только национальной, но и интеграции в условиях международного разделения труда;
- осуществление структурной перестройки экономики и обеспечение легальной занятости;

– продуктивная политика профессионального образования, а также обособленная система доходов, ориентированная на корректировку деформаций в части оплаты труда работников различных профессий;

– нивелирование проблемы несоответствия спроса и предложения на рынке труда.

Анализ функционирования рынка труда, исследование тенденций социально-экономического развития, итоги социологических исследований, а также данные статистики состояния рынка труда и перспектив его развития обращают внимание на создание механизма управления формированием, сохранением и воспроизводством кадрового потенциала рынка служащих. При этом в рыночных условиях государственное регулирование приобретает локальный характер. Государственная локальность рынка труда основана на перспективной динамике расчета рынка труда, основанной на различных вариантах развития экономики, одним из которых является инновационно-активный. Этот вариант развития исходит из доминирования в экономике samozанятости, развития предпринимательства и развития экономических и социальных инноваций. В структуре трудовой миграции samozанятость представляется как эффективное средство борьбы с бедностью и обнищанием в стране.

Данный вариант коррелируется с теорией экономического развития, предложенного нобелевским лауреатом, ученым-экономистом М. Фридменом. Современная концепция правового, социального государства и исторический опыт показывают, что экономически эффективным является свободный рынок, в котором государство предусматривает не мешающие принципам рыночной саморегуляции механизмы обеспечения социальных гарантий и занятости населения [2, с. 106].

Анализ социально-поведенческих явлений безработицы позволяет предположить, что современные российские условия близки к германской модели социальной защиты, основы которой были заложены в конце XVIII в. О. Бисмарком. Однако происходит снижение эффективности социальной защиты в связи с изменившимися размерами социальных выплат и пособий нуждающимся, которые не обеспечивают действительного минимального уровня жизни. Это подтверждается статистическими данными о падении общего уровня благосостояния, равно как и региональными социологическими исследованиями качества жизни населения.

На современном этапе развития отечественная наука и практика управления осуществляют поиск модели занятости, основанной на равной ответственности государства и граждан за свое социальное и экономическое положение, а также материальное благосостояние. В настоящее время определились две основные модели занятости: либеральная и патерналистская. Остановимся на их основных отличиях.

Либеральная модель предполагает естественный ход развития отношений, минимальное вмешательство государства в процесс регулирования. Индивид самостоятельно решает собственные проблемы и мобилизует для этого силы и возможности семьи. Государство снимает с себя заботу об основных вопросах социального воспроизводства. В научной литературе и мировой практике эта

модель рассматривается в связи с функционированием «этической культуры рынка», принципы которого – доверие, социальная ответственность и солидарность. Доверие определяет уровень развития общества и складывающуюся в нем степень солидарности.

Патерналистская модель основана на социальном контракте и социальном государстве в форме трипартизма, принятом в государстве всеобщего благосостояния [3, с. 31]. Солидарность в части общества, нуждающейся в социальной защите, определяет социальные расходы, трудовую мотивацию, уровень и структуру занятости, темпы экономического роста. Такая модель социальных отношений, представленная в основном в государствах социал-демократического типа, в большей части снимает с людей заботу о решении собственных социальных проблем.

В первом случае регулирование государством, которое считается необходимым для социально-экономического развития, – нежелательно, но неизбежно ввиду слабого развития механизмов саморегуляции рыночных сил, и потому решение о модели социальных отношений и социальной защите принимается в рамках «парадигмы компромисса». Для достижения социального равенства пренебрегают темпами экономического роста и эффективности. Во втором случае паритет отношений в рамках социального контракта сдерживает регулирование экономики рыночными рычагами и результат отношений, основанных на принципе социального контракта, таким образом, вступает в противоречие с требованиями предприятий по поддержанию их конкурентоспособного состояния.

Анализ изложенных тезисов, в проекции на сложившуюся систему взаимоотношений субъектов рынка труда в условиях рыночной экономики, приводит нас к выводу о том, что либеральная модель занятости не эффективна и не способствует развитию. Государственная политика регулирования локальных рынков труда должна представлять из себя систему взаимосвязанных институтов, объединенных механизмами обратной связи и регуляции.

Система управления локальными рынками труда, в аспекте баланса спроса и предложения, должна включать методы взаимодействия работодателей и профессионального образования, предусматривающие следующее:

- механизмы координации спроса работников различного уровня квалификации в зависимости от предложения соответствующих вакантных мест;
- учет изменений предъявляемых требований работодателей к качественной профессиональной подготовке в охватываемой сети образовательных учреждений;
- форматы представительства и влияния работодателей на деятельность системы профессионального образования для обеспечения баланса спроса и предложения, в том числе и по качественно-количественным параметрам [4].

Государственная политика управления локальными рынками труда должна представлять собой институционализацию, то есть закрепленные в регламентах деятельности государственных структур, функции, регулирующие рынок труда и занятости с целью поддержания их баланса. Деятельность государственных структур, регулирующих рынок труда и занятости, должна предусматривать механизмы обратной связи субъектов рынка занятости, которые и будут обеспечивать баланс рынка.

Библиографический список

1. *Капица С.И.* Формирование механизмов управления социальной адаптацией трудоспособного населения к изменениям современного российского рынка труда: дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2009.
2. *Коровкин А.Г.* и др. Макроэкономический анализ и прогнозирование занятости и рынка труда. URL: http://www.labourmarket.ru/i_confs/conf1/conf1/book3_html/8_K.htm
3. *Великанов А.П.* Политико-субъектный потенциал объединений работодателей в системе российского трипартизма // Вестник ПАГС. 2012. № 4 (33).
4. *Вербицкая Н.О., Матафонов М.Э., Федоров В.А.* Прогнозирование потребности рынка труда в выпускниках системы профессионального образования: возможности геоинформационных систем // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: сб. докладов по маг-лам Всерос. науч.-практ. интернет-конф. Петрозаводск, 2005. С. 67–73.

A.V. Kuzmin
Preconditions of Complex
Economic Organization Control
Decentralization

Objective and subjective preconditions of complex economic organization control decentralization are presented. It is proved that control process decentralization defines certain system changes. The connection between control process decentralization and forming creative work conditions and initiative development and rationalization activity is grounded.

Key words and word-combinations: external and internal control, control decentralization, complex economic organization.

Представляются объективные и субъективные предпосылки децентрализации контроля комплексной хозяйственной организации. Доказывается, что децентрализация процессов контроля определяет ряд системных изменений. Обосновывается связь децентрализации процессов контроля и создания условий творческого труда, развития инициативы и рационализации.

Ключевые слова и словосочетания: внешний и внутренний контроль, децентрализация контроля, комплексная хозяйственная организация.

УДК 351
ББК 67.401.11

А.В. Кузьмин

ПРЕДПОСЫЛКИ
ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ
КОНТРОЛЯ КОМПЛЕКСНОЙ
ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

В современных условиях крупные хозяйственные организации имеют характеристики комплексной социально-экономической организационной системы. Данным системам присущи следующие черты: динамичное социокультурное развитие состава работников (не только увеличивается количественный состав работников, но и совершенствуется качественная структура накапливаемого человеческого капитала) [1]; постоянно расширяющийся комплекс взаимосвязанных, но относительно самостоятельных форм социально-экономической деятельности в системе производственной, финансовой, коммерческой или социальной деятельности [2]; сохранение широкого состава социальных объектов организации, определяю-

щих дополнительную деятельность в области охраны окружающей среды, социального контроля, образования, научной, социокультурной деятельности [3].

В новых условиях комплексные хозяйственные организации приобретают специфику социально-экономического развития. Расширяются направления социально-экономической и социальной деятельности данных организаций, увеличивается состав относительно самостоятельных подразделений, структурных отделов, ведущих экономическую, социальную, просветительскую деятельность. В результате традиционно применяемая система централизованного социального контроля не может быть эффективной в целом и в рамках отдельных, относительно независимо функционирующих, многочисленных ее подразделений. Объективно на практике должна формироваться не только гибкая, но и децентрализованная система социального контроля как структурный элемент регулирующего механизма комплексной хозяйственной организации, определяющий «стиль и специфику трудового взаимодействия работников» [4, с. 120].

Одновременно социальный контроль комплексной организации должен быть различным и иметь свойство адаптации относительно специфически изменяющихся целей, задач, стратегий деятельности каждого крупного ее подразделения. Реализация процесса планового перехода к инновационному развитию предусматривает необходимость привлечения творческого, интеллектуально сложного научного труда. При этом субъекты творческого труда, способные генерировать оригинальные идеи, нуждаются в реализации своих замыслов, а значит, и в расширении трудовых прав и обязанностей. Поэтому для современного работника, ориентированного на внедрение в процессе труда нового знания, неприемлемы жесткие узы традиционного социального контроля в организации. В рамках обновления системы применяемого человеческого капитала (сокращения физической и расширения интеллектуально-образовательной его формы) можно уточнить вторую причину необходимости трансформации традиционной централизованной системы социального контроля. Данная причина связана с необходимостью предоставления широких прав и трудовых свобод работникам, передачи им ряда функций текущего, а в отдельных случаях и конечного социального контроля. Важную роль при этом играет внедрение новых экономических стимулов самоконтроля, гарантий и технологий контроля хозяйственного обеспечения социального развития отдельных подразделений предприятия [5].

Таким образом, в современных условиях активизированы объективные (структурные) и субъективные (трудовые) факторы, обуславливающие децентрализацию системы социального контроля комплексной хозяйственной организации. На наш взгляд, следует определить вектор совершенствования общей системы социального контроля комплексной хозяйственной организации и уточнить меры, направленные на децентрализацию контроля. С этой целью в октябре 2014 – январе 2015 г. нами проведено эмпирическое исследование: Социальный контроль организации в оценках работников предприятия ОАО «МЖК «Арма»». Опрошено 335 человек, выборка случайная. Структура опрошенных, а также структура работников исследуемой хозяйственной организации является

вполне сопоставимой. Исследуемое предприятие является комплексной хозяйственной организацией, где не только формировалась эмпирическая информация для научного исследования, но и апробировались и внедрялись результаты работы. Выбор комплексной хозяйственной организации осуществлен исходя из двух факторов.

Во-первых, данное предприятие является старейшей хозяйственной организацией Саратовской области, развивает традиции совершенствования социального контроля на внутриорганизационном уровне, а также характеризуется как комплексная организация по ряду признаков: 1) имеет большой состав работников, осуществляет постоянный и целенаправленный процесс их профессиональной подготовки и переподготовки; 2) представляет собой комплекс взаимосвязанных, но относительно самостоятельных производств: майонеза, маргарина, жировых концентратов, сливочного масла, мыла, рафинационных и гидрогенизационных продуктов; ориентировано на выпуск крупных партий различной регионально значимой продукции; 3) включает в качестве составных элементов разнородные социальные подсистемы: отдел (центр) охраны внешней окружающей среды; внутренний, внешний и интегрированный отдел контроля качества; отдел подбора и образовательного развития персонала; центр инновационных научных разработок (инновационный центр, прикладной центр, центр технологической службы); центр социокультурного развития предприятия (административно-хозяйственный центр, туристическая база, отдел пищевого обслуживания населения).

Во-вторых, на данном предприятии в 2005 г. проводили эмпирическое социологическое исследование, что дает возможность сравнительного временного анализа по ряду показателей развития социально-трудовых отношений, внешнего и внутреннего контроля в организации. Проведенное эмпирическое исследование состояло из нескольких относительно самостоятельных разделов. Основной раздел посвящен выявлению внутренних предпосылок децентрализации системы социального контроля комплексной хозяйственной организации. В рамках данного раздела осуществлен анализ общих характеристик организации, стиля лидерства в организации, сущности трудовых отношений, стратегических целей.

Остановимся на данных оценках подробнее. Анализируя основные социально-культурные характеристики организации ОАО «МЖК «Арма»», необходимо подчеркнуть, что за последние три года неоднократно осуществлялась передача части функций контроля центрального аппарата отдельным подразделениям организации. Респонденты акцентируют внимание на том, что, несмотря на проводимые реформы трудовых отношений, организация по-прежнему является жестко структурированной, в ней имеется жесткая централизованная система внутриорганизационного контроля. Трудовая деятельность работников прежде всего определяется формальными правилами, инструкциями, принятыми нормами контроля и процедурами (мнение 32,54% опрошенных работников). Только 23,58% респондентов считают, что данная централизованная система контроля предпочтительна в будущем для организации. В

стратегической перспективе работники считают необходимым сокращение периодичности и форм контроля действий трудовых коллективов организации. При этом только 18,81% опрошенных видят в организации динамичную и инновационную предпринимательскую систему, обращая внимание на практику жертвования собственными интересами при реализации трудовых действий. На необходимость развития трудового предпринимательства, новаторства, склонности к трудовому риску в стратегической перспективе развития организации указывают 24,48% работников. Они определяют внутриорганизационную инновационную деятельность как фактор роста конкурентного преимущества. В отдельных подразделениях исследуемого предприятия в рамках неформальных практик зарождаются демократические основы трудового взаимодействия; ряду подразделений предоставляются дополнительные полномочия по осуществлению контроля собственной трудовой деятельности. Руководство знает о развитии данных неформальных практик и неоднократно заявляло о необходимости формальной передачи части функций текущего контроля отдельным передовым трудовым бригадам. При этом топ-менеджмент считает целесообразным сохранить практику внезапного контроля результатов труда передовых бригад со стороны отдела формального контроля организации.

Подтверждается гипотеза об актуальности изменения практик социального контроля в результате анализа полученных данных по комплексу общего трудового лидерства в хозяйственной организации. Часть работников (27,16%) характеризуют общий стиль лидерства в организации как проявление практик постоянного мониторинга, стремления трудовой опеки и научения. Работники отмечают излишнюю трудовую опеку, негативно оценивают практики непрерывного контролирующего мониторинга формальных трудовых лидеров (формальных управленцев первичных трудовых групп). Проявляются устойчивые практики направить в общее русло все трудовые процессы и действия работников подразделения. Сохранение данных практик в будущих периодах развития организации считают необходимым 20,59% опрошенных работников. Несложно заметить, что данная характеристика трудового лидерства не поддерживается большинством работников в стратегической перспективе развития организации.

Так, 13,73% респондентов считают, что важной характеристикой трудового лидерства является развитие лидерских предпринимательских инициатив, новаторства, склонности профессионалов к риску в системе трудового взаимодействия. Поддержка в стратегической перспективе практик лидерских предпринимательских инициатив осуществляется 16,11% опрошенных работников. Они связывают стратегическую перспективу развития организации с ростом практик инновационных накоплений, новаторского труда. По сути, общая стратегическая перспектива развития организации работникам видится в достижении роста трудового творчества, реализации инновационных трудовых проектов сотрудниками различных подразделений. Рассматривают организацию в контексте преимущественных практик деловитости, агрессивности, ориентации на

реальный трудовой результат 37,01% работников. Несколько сокращается состав респондентов (34,33%), связывающих стратегическую перспективу организации с ростом данного сегмента трудового лидерства. Этот сегмент работники ассоциируют с излишней контрольной регламентацией, жесткостью и неизменностью реализации типовых практик трудового взаимодействия. Последнее в целом может проявляться в догматизме и неизменности реализации трудового процесса, застое в конечных результатах его реализации.

Только 22,09% работников рассматривают исследуемую организацию как примерную, где оптимально реализуется общий самоконтроль, проявляется социальная ответственность, четко организованы и самоорганизованы трудовые процессы. Как видно из результатов анализа социологического опроса, самоконтроль, социальная ответственность, четкость организации трудовой деятельности не достигли необходимого уровня в организации. При этом резко возрастает число респондентов (28,95%), которые связывают стратегическую перспективу организации с ростом значимости практик реализации местного контроля и самоконтроля, социальной ответственности, четкой организации и самоорганизации трудовых процессов. Именно самоконтроль связывается работниками с возможностью раскрепощения и творческой реализации в процессе социально-трудового действия тружеников.

Рассмотрим основные характеристики связующей сущности исследуемой организации. Так, 18,81% работников считают, что организацию связывают воедино преданность делу и взаимное доверие. Важнейшей связующей сущностью организации является стремление находиться на высоком социально-экономическом уровне, что становится ключевым фактором перспективного ее развития. Необходимость в дальнейшем развивать данную характерную черту организации признают 24,18% респондентов. Только 23,58% работников определяют основную характеристику связующей сущности организации (на период обследования) в виде приверженности новаторству и совершенствованию, стремлению быть на передовых рубежах. Одновременно данный сегмент характеристики для 34,93% работников представляется как фактор оптимизации ее дальнейшего перспективного стратегического развития.

Противоположная тенденция связана с формальными правилами и жестким централизованным контролем трудовой деятельности как ее связующей сущности. С точки зрения 43,28% респондентов, в современных условиях именно формальные правила и жесткий централизованный контроль определяют важнейшую характеристику связующей сущности предприятия. Одновременно в стратегическом перспективном контексте данная характеристика не находит поддержки работников. Только 29,25% опрошенных считают, что в стратегической перспективе необходимо ужесточать формальные правила и централизованный контроль, это в целом и будет служить фактором связующей сущности организации.

Рассмотрим основные социальные стратегические цели исследуемой организации. Лишь 25,07% работников уверены, что основной социальной стратегической целью организации является гуманное развитие, высокое доверие, само-

контроль, открытость и соучастие работников в жизни населения. В то же время для 30,15% респондентов данное направление является важным фактором дальнейшего стратегического обновления социальных целей предприятия; 27,16% состава работников рассматривают обретение новых ресурсов, решение новых проблем, апробацию нового как социальную стратегическую цель организации. Важность данной основной цели в перспективе развития организации отмечает практически тот же состав опрошенных – 27,46% работников. Не являются перспективными и целевая ориентация на конкурентное действие, стремление к победе на рынке, целевая концентрация сил. Только 10,75% отмечают важность данного сегмента в настоящее время и 10,15% указывают на его важность в стратегической перспективе развития организации.

Прослеживается тенденция уменьшения стратегической значимости целевой ориентации на неизменность, стабильность, централизованный контроль всех операций и процессов. По мнению 37,01% респондентов, в организации в настоящее время преобладает цель, направленная на достижение стабильности, а 32,24% опрошенных считают, что в перспективе данная цель должна сохраняться.

Таким образом, можно заметить некоторые тенденции социального развития исследуемой организации. В результате анализа данных социологического опроса выявлено, что предприятие является жестко структурированной организацией, где имеется строго централизованная система внутриорганизационного социального контроля. В стратегической перспективе работники предпочитают сокращение периодичности и форм контроля трудовых действий коллективов организации. Работникам представляется перспективным развитие трудового предпринимательства, новаторства, склонности к трудовому риску. Необходимо согласиться с мнением работников о том, что для организации важно отказаться от излишней трудовой опеки, практик непрерывного контрольного мониторинга управленческих лидеров, стремления руководства оказывать постоянную помощь, трудовые научения, направленные на соблюдение имеющихся трудовых правил, технологий и процедур.

Несложно выявить двойственность предложенных изменений респондентами. С одной стороны, работники считают перспективным развитие новаторства и трудового инновационного лидерства, стремление быть на передовых рубежах как фактор связующей сущности организации. С другой стороны, предлагается сократить число контрольных проверок, смягчить формальные правила и децентрализовать систему контроля как фактор связующей сущности комплексной организации. По сути, работники предлагают постепенно отказаться от целевой стратегической ориентации на неизменность, стабильность, централизованный контроль всех операций, процессов, трудовых действий. Важнейшей целью в перспективе (по мнению работников) должна стать стратегия гуманного развития: высокое доверие, самоконтроль как в рамках отдельных подразделений, так и внутри них, открытость и соучастие работников в жизни не только коллектива предприятия, но и в жизни населения региона, где оно находится.

В организации созданы объективные (структурные) и субъективные (трудо-вые) предпосылки децентрализации процессов контроля. Последние предусматривают не только отказ от чрезмерной централизации контролирующей власти, демократизацию форм и методов общего контроля деятельности организации, но и ослабление и передачу основных функций общего социального контроля на уровень среднего менеджмента организации, а также передачу максимально возможных функций контроля топ-менеджмента отдельным группам работников и профессиональным специалистам. Проявляется связь децентрализации процессов контроля и развития творчества в системе социально-трудовых отношений организации.

Библиографический список

1. *Быченко Ю.Г., Лопухин В.Ю.* Человеческий фактор экономики в условиях перехода общества на инновационный путь развития // Вестник ПАГС. 2011. № 1 (26).
2. *Митюкова Е.В.* Этапы социального проектирования саморазвивающейся организации // Вестник Саратов. гос. аграр. ун-та им. Н.И. Вавилова. 2006. № 3. С. 89–92.
3. *Палади А.А.* Структурные изменения в организации и разработка программы социальной ответственности персонала // Актуальные проблемы развития военного образования в современных условиях. Саратов, 2009. С. 10–19.
4. *Кузьмин А.В.* Контроль хозяйственной организации в социальном пространстве общества // Вестник ПАГС. 2014. № 6 (45).
5. *Мангушева Т.С.* Оптимизация социального контроля деятельности организации // Социально-культурологические аспекты социологии управления. Саратов, 2004. Ч. 2. С. 56–64.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

V.M. Dolgov
Political Science
in the Saratov Region:
Formation and Prospects
of Development

В.М. Долгов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В САРАТОВСКОМ РЕГИОНЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Политическая наука в нашей стране официально культивируется около четверти века. Появившись в условиях перестройки как некий противовес советскому общественнознанию, она в 1990-е годы получила существенную поддержку нового государства и стала активно развиваться. В качестве учебной дисциплины политология по рекомендации Министерства образования РФ была включена в программы подготовки высшего образования по большинству специальностей. К концу 1990-х годов сформировалась широкая сеть диссертационных советов по политическим наукам, издавались учебники и монографии, открывались специализированные журналы, проводились многочисленные научные конференции по политической проблематике. Российская ассоциация политической науки каждые три года проводила съезды, сотрудничала с МАПН. Российская политология в целом активно распространяла в обществе идеи либерализма и демократии, вытесняя из общественного сознания коммунистическое мировоззрение.

Ведущую роль в становлении российской политологии играли московские вузы: МГУ, МГИМО, РАГС, РГГУ. Это естественно, ибо в столице су-

ществовали лучшие возможности для развития новых в России, но хорошо разработанных в европейских университетах обществоведческих дисциплин. В этих вузах концентрировались наиболее демократически настроенные ученые, тесными были контакты с зарубежными научными и учебными центрами. К тому же провинция постоянно подпитывала их активными и перспективными исследователями. Только из Саратова в московские вузы перебралось порядка десяти молодых и амбициозных политологов с учеными степенями, из которых пятеро – доктора политических наук. Московские политологические центры определяли основные направления научных исследований, содержание и характер преподавания политологических дисциплин, общий уровень развития науки. Многие московские ученые превратились в авторитетных лидеров различных направлений создаваемой российской политологии.

Одновременно (и часто при прямой поддержке москвичей) происходило становление политической науки в российской провинции. С начала 1990-х годов несколько областных центров в данном отношении опережали большинство других областей и республик, среди них: Ростов и Саратов, Воронеж и Екатеринбург, Казань и Владивосток. Затем география «активной политологии» в стране существенно расширилась. Проблемы формирования и развития российской политологии, в том числе на провинциальном уровне, получили отражение и оценки в многочисленных публикациях Я.А. Пляйса [1], исследованиях других ученых [2]. Отдельные политологические центры специализировались на исследовании тех или иных проблем развития государства и общества: в Ростове развивались элитологические исследования, в Казани активно и масштабно разрабатывалась этнополитическая проблематика, в Саратове – совокупность аспектов политической регионалистики. Благодаря возникновению региональных центров политическая наука приобрела всероссийский масштаб, активно внедрилась в общественную жизнь страны.

Официальный статус политической науки в нашей стране был определен постановлением ГК НТ СССР в ноябре 1988 г. С января 1989 г. это постановление вступило в действие, а с 1990 г. состоялись первые защиты диссертаций по политическим специальностям, в вузах создавались кафедры политологии и читались учебные курсы политологического содержания. Политология вписалась в образовательный процесс. Саратовские обществоведы вполне обоснованно вошли в новую науку одними из первых. Сильная гуманитарная база вузов Саратова обеспечила активность местных ученых в освоении политологической проблематики. В 1987 г. кандидат философских наук А.И. Демидов опубликовал одну из первых в стране монографию на политологическую тему [3]. В 1988 и 1990 гг. вышел ряд статей с политологическим анализом происходивших в стране общественных процессов кандидата исторических наук В.М. Долгова [4]. В монографии философа Г.В. Дыльнова, изданной в 1992 г. исследовались политические основания и проблемы развития Российского государства [5]. С.И. Барзилов в том же году защитил диссертацию на степень доктора социологии, по сути являвшуюся политологической работой [6]. Статьи с политическим анализом различных общественных явлений на рубеже 1980–1990-х годов публиковали философы Н.Г. Козин, В.Б. Устьянцев, В.Н. Ярская, экономисты В.И. Новичков,

Т.И. Трубицына, юристы В.Г. Кабышев, Н.И. Матузов, историки В.И. Дорофеев, В.А. Динес, В.Д. Полищук, А.Г. Рыбков и другие саратовские ученые.

Весной 1990 г. доценты Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (СГУ) В.М. Долгов и Л.И. Мерзляков на историческом факультете и в техникуме транспортного строительства прочитали цикл лекций по политологии в форме спецкурса. Осенью того же года кафедра истории КПСС СГУ была переименована в кафедру политических наук, решение об этом принималось на общем собрании партийной организации кафедр общественных наук университета. С 1991 г. на истфаке был введен систематический учебный курс по политологии, а с 1992 г. – политологическая специализация. С 1993/94 учебного года политология стала преподаваться как самостоятельный предмет в вузах Саратова на многих специальностях. В свет вышло множество учебных и учебно-методических пособий, сборников научных статей по политологии, разворачивались научные исследования по политической проблематике. В феврале 1994 г. в СГУ приказом ВАК РФ был открыт один из первых в регионах России диссертационный совет по специальности «Политические институты и процессы». В том же году открыта аспирантура, а с 1996 г. проведен первый набор студентов на специальность «Политология», что стало необходимой основой для научных исследований и профессиональной подготовки кадров по политологии. Успешное развитие политологии в Саратове отмечалось в документах ВАК России.

Во второй половине 1990-х годов политическая наука утвердилась в большинстве саратовских вузов: в пяти из них были организованы специализированные кафедры, в трех – открыты аспирантуры, а вслед за ними – диссертационные советы. Развернулись политологические исследования по широкой и актуальной проблематике, а вместе с ними и разнообразные научные мероприятия регионального и всероссийского характера. В октябре 1997 г. на базе СГУ состоялось выездное заседание Экспертного совета ВАК России по политическим наукам с участием редакции журнала «Власть» [7]. В сентябре 1998 г. проведена международная научная конференция по проблемам регионального развития в России [8]. Ее организаторами выступали саратовские политологи и историки вместе со специалистами Центра цивилизационных и региональных исследований РАН. В августе 1999 г. на базе СГУ прошел научный семинар Московского общественного научного фонда с участием Фонда имени Фридриха Эберта на тему «Регион как субъект политики и общественных отношений», по материалам которого МОНФ выпустил сборник статей. Различные научные и научно-практические мероприятия по вопросам российской политики проводились и в других саратовских вузах, прежде всего в социально-экономическом институте и Поволжской академии государственной службы. Однако университет выступал в качестве единого центра политической науки в регионе, определяя общий уровень ее развития и объединяя большинство ученых. Принципиальную роль в этом играл Диссертационный совет СГУ по политологии, в котором работали представители пяти саратовских и двух московских вузов.

Большую основательность приобрела работа по подготовке в вузах учебно-методической литературы. Уже в середине 1990-х годов преподаватели разных

вузов подготовили и опубликовали учебно-методические пособия общеполитологического содержания, которые в некоторой степени компенсировали острую нехватку учебной литературы. В последующие годы в СГУ была выпущена серия брошюр по отдельным разделам политической науки, а также учебник, подготовленный коллективом авторов (объемом почти тридцать печатных листов) [9]. В этих изданиях отразилось авторское видение проблем, связанное с восприятием политической истории современного политического процесса в нашей стране. Авторы, изучая научные политические концепции западных ученых, выявляли при этом особенности отечественной политической практики. Однако достаточно скоро стало понятно, что политология как наука, построенная на либеральной идеологии и западном политическом опыте, не способна объяснить многие явления российской действительности. В этом смысле ее возможности ограничены. К тому же большая часть идей политологического просвещения и учебного материала политологии базируется на опыте и практике американского общества и государства, что еще дальше от российских реалий, чем западноевропейская общественная практика.

Масштабные иностранные заимствования научного и учебного плана, характерные для формирования российской политологии, были неизбежными, однако либеральная эйфория в нашем обществе к концу 1990-х годов исчезла. Даже в элитарные круги пришло осознание необходимости смены политического курса России на более самостоятельный путь развития. Одним из результатов такого процесса оказался уход от власти Б.Н. Ельцина и приход на президентский пост В.В. Путина. Было очевидно, что российское обществознание, и политология в первую очередь, не должно лишь транслировать западные концепции и гипотезы развития современного общества, а призвано иметь национальную окраску, собственную концептуальность. Именно такой является политология во Франции и Скандинавии, США и Германии. России требуется собственная политология, не игнорирующая, учитывающая международные основы и достижения науки, а выстроенная в соответствии с национальными условиями, интересами, традициями и перспективами.

Конечно, системное следование западной науке, развитие в ее русле было характерно для всего российского обществознания. Именно такой характер политической науки соответствовал основным тенденциям политического развития страны в 1990-е годы. Традиционные для России культура, идейность, нравственность, экономика, социальные отношения, образование и наука теряли свои национальные качества и самостоятельность, пасовали перед мощным давлением всего западного, особенно американского. Политология формировалась и развивалась так же, как и другие науки социально-гуманитарного профиля: под сильнейшим влиянием западных авторов, теорий и оценок.

К 2000-м годам российская политология накопила потенциал, необходимый для самостоятельного развития. Десятки вузов готовили специалистов-политологов. Среди научных исследований преобладали докторские диссертации и монографии, определявшие новые направления и более высокий уровень развития науки. В 2008 г. уже функционировала широкая сеть из пятидесяти диссертационных советов по политологическим наукам. Появились фундаментальные

учебники отечественных авторов. Проводилось множество научных конференций по политической проблематике, а каждые три года – Всероссийский конгресс политологов. Политология превратилась в одну из самых активных наук.

Все это подтверждается развитием и современным состоянием политической науки в Саратове. В 1999 г. в Диссертационном совете СГУ была защищена первая докторская диссертация, и с того времени работы такого уровня превратились в неотъемлемую часть научного процесса в среде саратовских политологов. К настоящему времени в диссертационных советах при саратовских вузах защищены 33 докторские диссертации (в среднем две за год). Анализ тематики этих диссертаций показывает, сколь разнообразны проводимые в Саратове политологические исследования.

Одним из ведущих направлений исследования оказались проблемы, связанные с политической властью: формирование и характер политической системы, федеральный, региональный и местный уровни власти, их взаимодействие, институциональные аспекты разрешения и развития государственной власти в условиях демократической политической системы России. Первой докторской диссертацией по данной проблематике стала работа А.Г. Чернышова в 2000 г. [10]. Вслед за ней в разные годы защищены докторские диссертации В.А. Титаренко, И.Г. Горького, И.Н. Тарасова, А.В. Бондара, И.И. Кузнецова, А.А. Коробова, А.И. Кольбы.

Заявленные проблемы получили подробную разработку в значительном количестве кандидатских диссертаций, научных публикаций. На такой основе в Саратове сформировалось научное направление по исследованию политического регионализма, региональной системы власти и регионального процесса. Можно утверждать, что разработкой разнообразных вопросов регионального уровня политики Саратовский политологический центр сформировался как единое сообщество ученых, чем и выделяется среди других политологических центров России.

Наряду с исследованием структурных характеристик и функциональности различных государственных институтов авторы анализировали государственную политику, оценивали ее эффективность, предлагали свои модели ее дальнейшего развития: В.А. Титаренко – в вопросах использования государством политических механизмов управления; И.И. Кузнецов – в системе политического взаимодействия ветвей государственной власти; А.А. Коробов – в сфере государственной миграционной политики.

Большая группа докторских исследований посвящена проблематике гражданского общества, его теоретическим парадигмам, различным институтам, политическим механизмам его внутреннего развития и взаимодействия со структурами государства. Многие работы данной группы теоретически насыщены, дают глубокий анализ противоречивости форм и содержания гражданского общества в современной России, раскрывают разнообразие уровней его развития в различных субъектах РФ. Разработку данной тематики в Саратове открыли докторские диссертации О.Н. Фомина [11] и А.С. Федотова [12]. Вслед за ними защищены докторские диссертации И.И. Санжаревским, И.В. Андроновой, Н.М. Великой, С.Е. Гришиным. Существенной сферой исследования гражданского общества являются социальные аспекты его развития. В этом смысле

особое значение имела диссертация А.А. Вилкова о крестьянстве в политическом процессе [13]. Докторские исследования О.В. Суровой, А.Е. Круглова, Э.В. Чекмарева посвящены проблемам политического развития и участия молодежи, Г.Н. Долговой – о политическом содержании российской приватизации, О.Г. Овчаровой – о гендерных аспектах политики, С.Ю. Хлыстунова – о проблемах российских СМИ в условиях идеологической глобализации. Оригинальную работу по анализу характера политических процессов и их влияния на общество в современной России осуществил М.В. Данилов [14]. Большое количество докторских диссертаций по проблематике гражданского общества обусловлено противоречивостью общественного развития России, сложностью формирования и функционирования демократических институтов и отношений. В этом исследовательском направлении Саратовским центром политологии достигнуты существенные результаты.

Достоинство представлено в Саратове исследования по теоретическим, методологическим, историческим аспектам политической науки. Первыми крупными работами в рамках данного направления были докторские диссертации В.С. Слободниковой и Н.И. Шестова. Затем защищены докторские работы Л.М. Семеренко, Т.Н. Митрохиной, В.И. Демченко, Н.Ф. Жирнова (защищена в Москве), С.С. Иванова. Особая научная ценность данного исследовательского направления заключается во вкладе ученых в развитие теоретических основ науки, в разработку истории общественной и мировой политической мысли. Тем самым подтверждается мировой, всеобщий характер политологии, соединяющей в себе международные и национальные достижения.

Значимое место в исследованиях саратовских политологов занимает партийная тематика: формирование и развитие отдельных политических партий, оформление многопартийной системы в России, партийные идеологии и участие партий в избирательном процессе. Большинство исследований касалось регионального уровня деятельности партий. Около двадцати кандидатских диссертаций посвящены партийной тематике (например, работы М.В. Данилова, А.Т. Ташпекова, А.В. Латкова, Н.В. Пшеничникова, П.В. Солодовникова). В 2009 г. В.И. Головченко защитил докторскую диссертацию по проблематике партийных идеологий. Партийное строительство, политическое позиционирование партий, имидж отдельных партий в различных избирательных циклах, политическая роль партий в региональном политическом пространстве – эти проблемы получали отражение в статьях и монографиях А.И. Демидова, В.А. Динеса, В.М. Долгова, В.И. Дорофеева, С.Ю. Наумова, А.Н. Николаева, других ученых, не защищавших диссертации по политологии, но отдавших ей многие годы своего творчества. Несколько монографий саратовских авторов посвящены анализу российской многопартийности [15]. Саратовская партология разнообразна и значительна.

В Саратове успешно разрабатываются и проблемы этнополитики, электро-ального процесса, российского федерализма, местного самоуправления, региональных элит, экологической, социальной, образовательной политики Российской Федерации, политической коммуникативности, других аспектов политики, актуальных в современных условиях. В саратовских диссоветах защищено более

двухсот кандидатских диссертаций по политологическим специальностям. Потенциальные возможности политической науки в Саратовском регионе значительны, что гарантирует ей перспективное будущее.

В Саратове одновременно с научной развивалась образовательная, учебная составляющая политологии. На протяжении последних десяти лет в четырех вузах города реализуется специальность «Политология»: в СГУ – сначала на факультете гуманитарных и социальных наук, а затем на юридическом факультете; в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина – на политико-правовом факультете; в социально-экономическом институте – на гуманитарном факультете; в СГЮА – в Институте права, политики и экономики. Совокупный ежегодный набор студентов на эту специальность составляет 85–100 человек дневного и заочного обучения; в СГУ и Поволжском институте управления осуществляется прием в магистратуру по политологическим направлениям. В четырех вузах работает аспирантура и до последнего времени функционировали диссертационные советы по политологическим специальностям. В вузах города преподают 16 докторов и около 40 кандидатов политических наук – вполне достаточное профессиональное сообщество для обеспечения высокого уровня подготовки кадров политологов и преподавания политологических дисциплин, для активного участия в научной и общественной жизни региона. Саратовцы участвовали во всех всероссийских конгрессах политологов; на пленарном заседании I конгресса политологов России в 1998 г. с докладом выступал профессор Саратовского государственного технического университета С.И. Барзилов. В 1996 г. в Саратове была создана первичная организация Российской академии политической науки, которая в настоящее время ведет активную деятельность в пространстве Поволжского региона на базе Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

Политология, являясь важной составляющей политического просвещения и воспитания, призвана активно участвовать в жизни гражданского общества. Саратовские политологи до последних лет успешно исполняли эту функцию. Они осуществляли разнообразные опросы населения, участвовали в избирательных кампаниях, в деятельности политических партий, разрабатывали аналитические записки, рекомендации, проекты для органов региональной и муниципальной власти, сотрудничали со СМИ разных идейных позиций. Многие политологи привлекались к конкретной работе в общественных организациях: О.Н. Фомин и А.И. Демидов – члены Общественной палаты Саратовской области; А.Н. Николаев и А.А. Вилков – члены Экспертной комиссии ВАК РФ; В.В. Семенов – член Президиума Ассамблеи народов России в Саратовской области; М.В. Данилов – эксперт Рособнадзора РФ; В.А. Труханов – член Саратовского отделения Союза ветеранов-афганцев; Э.В. Чекмарев – координатор проекта «Дискуссионное пространство молодежи Саратовской области» при Правительстве Саратовской области. Немало иных общественных контактов, где политологи являются советниками структур правительства области, мэрии Саратова, помощниками депутатов, консультантами партийных и общественных организаций.

В последние годы общественно-политическая жизнь региона, как и всей

российской провинции, претерпевает существенные изменения. Во-первых, очевиден факт значительного сокращения общего объема политической деятельности, проявившееся во всех сферах: информационной, партийной, электоральной, управленческой. Происходит определенное свертывание, сужение регионального политического процесса. Во-вторых, уменьшается влияние политических партий на общественную жизнь, избирательный процесс, региональную политику. Российская многопартийность на региональном уровне все более приобретает «декоративный» характер. В-третьих, топчется на месте или откровенно буксует развитие системы местного самоуправления, беспомощность муниципальных властей в решении важнейших социальных вопросов жизни людей уже никого не удивляет, стала привычной. Политическая функциональность органов местного самоуправления сведена к проведению избирательных кампаний. В-четвертых, усилилась зависимость, особенно финансовая и кадровая, региональных властей от федерального центра, что не только подрывает авторитет региональной элиты, но и значительно снижает эффективность ее деятельности в региональном пространстве.

Все это в совокупности отражается на взаимоотношениях науки и практики в политической сфере. Некоторые традиции эффективного взаимодействия с реализацией интересов обеих сторон постепенно свернулись. Тем самым политическая наука, как и другие обществоведческие дисциплины, все меньше проявляется в региональной политике.

В то же время общественное предназначение политической науки резко актуализировалось, как и в первой половине 1990-х годов, но с существенной разницей: тогда на первый план выступали теоретические, а теперь практические аспекты политики. Долгое время в образовании и общественном сознании культивировались идеальные модели политического устройства западного общества, и как бы само собой подразумевалось, что они абсолютно утверждены в современной общественной практике западных стран, прежде всего США, Англии, Франции, Германии. Эти иллюзии нанесли большой вред представлениям о характере и содержании переустройства российского общества, формировали ошибочные, далекие от реальности политические ценности и принципы, характеристики современной политической системы, господствующей на Западе. Сегодня необходима политология, дающая правдивые, критические знания о политических отношениях в западных странах, воспитывающая и обеспечивающая российские общественные традиции и ценности, интересы и перспективы развития. Политическая наука призвана не повторять давно известные общественно-политические формулы, а показывать и оценивать практику их использования в интересах развития России и ее народов.

Однако переход российской политологии в подобное состояние весьма непрост. Государственная власть и политическая система России трудно поддаются научному анализу. Конституционная модель устройства власти и ее функционирования существенно расходится с ее реальным состоянием. Демократические механизмы государственного управления нередко подменяются «теневыми» отношениями, администрированием, технологиями «ручного управления». В этом случае деятельность власти невозможно исследовать и спрогнозировать,

оценить ее эффективность научными методами. Она в значительной степени превращается для науки в «закрытый ящик», о содержимом которого можно только предполагать без уверенности в правильности выдвигаемых суждений. Практическое значение подобных исследований невелико, а их востребованность в обществе и в структурах самой власти носит по преимуществу искусственный характер.

Непознаваемость власти на научном уровне, а в связи с этим невозможность исполнения политической наукой своих главных (аналитической и прогностической) функций представляется наиболее важной проблемой дальнейшего развития политологии в России и процесса взаимодействия науки и власти. Оно эпизодично, бессистемно, конъюнктурно. Власти не нужны научные рекомендации, не соответствующие реальным условиям ее деятельности, а наука не может разработать такие рекомендации, пока власть для нее закрыта. Замкнутый круг, объясняющий слабые внедренческие возможности политологических исследований. Данная ситуация характерна для политической науки в целом, но особенно остра она на региональном уровне, где заказчиков на политологическую научную продукцию практически нет и даже региональные власти, нуждающиеся в подобных исследованиях, обычно не имеют возможности их финансировать.

Это прослеживается на примере Саратовской области, где властные институты и прежде всего правительство делают заказы ученым-обществоведам местных вузов по проблемам межнациональных отношений, миграции населения, электоральной и вообще общественной активности граждан, различным вопросам социальной и экономической жизни, но на условиях безвозмездного проведения исследований. Характер реализации таких заказов, объективность их результатов в условиях местного рынка вызывают большие сомнения. Однако средств для организации настоящей системной исследовательской работы практически не имеют ни областное правительство, ни муниципальные органы, ни региональные отделения политических партий. Таковы сложившиеся общественные условия для прикладной политологии.

Исследовательский аспект политологической науки, в большей степени основанный на личном интересе и инициативе ученых, также имеет свои проблемы, возникшие в процессе ее развития, но вполне разрешимые при улучшении организационно-управленческой системы в данной сфере. Речь идет о том, что при быстром количественном развитии политология медленно повышает свое качественное состояние. Плохо координируется тематика научных, особенно диссертационных работ, из-за чего появляется множество дублирующих, повторяющих друг друга исследований. Нередко наличие многих работ не продвигает разработку темы к существенным результатам. Все это происходит в научном пространстве многих регионов и страны в целом. Конечно, бесполезных диссертаций немало в педагогической, экономической, социологической и других областях знаний, но это никак не сглаживает остроту данной проблемы для политической науки.

Одной из причин такого положения является несомненная раздробленность, даже расколотость политологического сообщества в масштабе страны

и отдельных регионов. Кроме редких, проводимых 2–3 раза в год общероссийских научных мероприятий, никаких масштабных возможностей общения политологи не имеют. Проводимые в регионах научные конференции, за редким исключением, приобрели заочную, стендовую форму. Только на основе личных инициатив поддерживаются научные связи между политологами в рамках федеральных округов и даже внутри крупных вузовских городов. К примеру, в таких крупных политологических центрах, как Санкт-Петербург, Казань, Ростов-на-Дону, Саратов, сформировавшееся сообщество разделено на группы, работающие обособленно, порой при излишней конкурентности, перерастающей в соперничество, что вряд ли это способствует развитию науки.

Состояние раздробленности присуще политологии и в общероссийском масштабе. Традиционное логичное деление на «столицу» и «провинцию» в последние годы дополнилось выделением из РАПН Российского общества политологов, а также параллельным существованием Совета по политологии УМО по классическому университетскому образованию и Национальной коллегии политологов-преподавателей. Наряду с этим оживает свою деятельность Академия политической науки, организованная в середине 1990-х годов. Свой «вклад» в этот процесс раздробления внесло Положение ВАК РФ о присуждении ученых степеней, утвержденное Правительством РФ 24 сентября 2013 г. Его установки на то, что члены Экспертного совета ВАК не могут выступать в качестве оппонентов, но при этом получают значительные полномочия по осуществлению окончательной экспертизы диссертаций, во-первых, расслаивает научное сообщество, открыто формируя научную аристократию, или бюрократию; во-вторых, выводит наиболее авторитетных ученых за пределы научных дискуссий и предварительной экспертизы диссертационных исследований. Очевидно, что разнообразие организационных структур, близких по профилю своей деятельности, не противоречит принципам гражданского общества, но возникает вопрос в целесообразности такого разнообразия. В чем оно проявляется в российской политологии?

Самостоятельная проблема и, думается, наиболее острая для российского общества – образовательная и воспитательная функции политологии. В условиях обострения идеологической борьбы в мире принципиальное значение приобретает идейная позиция на всех общественных уровнях: в массах, элитах, у политических лидеров. Историческая практика показывает, что не бывает эффективной государственной политики вне идейных ценностей и стратегий. От идейной устойчивости граждан, в свою очередь, зависит политическая устойчивость общества и государства. Гражданские чувства и соответствующее поведение призвана формировать вся система образования, но политология в этом смысле – базовый предмет. Нести в общество и утверждать в массовом сознании ценности патриотизма, демократии, народных традиций, государственности, национальных интересов, гражданственности, справедливости – принципиальная задача политологии. Уже только это превращает ее в необходимый и ответственный сектор образования – среднего, высшего, послевузовского. Еще несколько лет назад политология закладывалась в государственные

стандарты почти всех вузовских специальностей, что обеспечивало ее массовое преподавание и формирование специальных кафедр, коллективов ученых. Однако, когда стало очевидным, что преподавание политологии способствует распространению в молодежной среде идей либерализма, западных ценностей и общественных практик, не соответствующих отечественным традициям, культурным и религиозным нормам, привычкам, механизмам власти и государственного управления, в высших сферах российской власти приняли решение сократить или вообще исключить политологию из учебных планов. И это в момент нарастающего идеологического противостояния во всем мире, и вокруг России особенно. Нормальная логика заключается не в выводе политологии за рамки образовательных стандартов, а в приспособлении ее содержания к российским условиям и интересам. Политология – мировая наука, но в большинстве стран имеет национальную компоненту, которая базируется на общих идеях, концепциях, теориях и преподается как наиболее важная часть дисциплины. Такой путь и следует выбрать, что уже подтверждается научными исследованиями, содержанием учебной литературы и образовательного процесса. Политология нуждается в государственной поддержке в интересах самого государства.

Отмеченные три уровня проблем политологии в современной России – прикладной, исследовательский и образовательный – высвечивают ее сложное состояние, откровенно недостаточную встроенность в общественные процессы. В жизненном пространстве регионов это проявляется и ощущается особенно остро.

Библиографический список

1. *Пляйс Я.А.* Политическая наука в России на рубеже веков // Бюллетень ВАК. 2003. № 4.
2. Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007). М., 2008.
3. *Демидов А.И.* Политическая деятельность: философский анализ факторов детерминации. Саратов, 1987.
4. *Долгов В.М.* Власть и собственность // Волга. 1990. № 5. С. 150–167.
5. *Дьячнов Г.В.* Становление российской государственности. Саратов, 1992.
6. *Барзилов С.И.* Взаимодействие социальной и политической систем современного общества: дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д., 1992.
7. Бюллетень государственного Высшего аттестационного комитета РФ. М., 1998. № 3. С. 56–57.
8. Современное Поволжье: региональное развитие в ситуации социокультурного пограничья // Мат-лы междунар. науч. конф. / под ред. В.М. Долгова. Саратов, 1999.
9. Политология / под ред. В.М. Долгова. Саратов, 2002.
10. *Чернышов А.Г.* Регион в системе политических отношений российского общества: дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2000.
11. *Данилов М.В.* Политизация общества в постсоветской России: институты, технологии, циклы. Саратов, 2014.
12. *Фомин О.Н.* Политические механизмы регулирования общественных отношений: дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2002.
13. *Федотов А.С.* Гражданское общество в России: параметры адекватной теории: дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2004.
14. *Вилков А.А.* Менталитет крестьянства и российский политический процесс: дис. д-ра полит. наук. Саратов, 1999.
15. Феномен многопартийности в российском обществе / кол. авторов. Саратов, 2006.

N.S. Gegedyush, M.M. Mokeev
The International Scientific
and Practical Conference "Local
Government in the System
of Public Authorities"
(Saratov, Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration,
January 21, 2015)

Н.С. Гегедюш, М.М. Мокеев

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«МЕСТНОЕ
САМОУПРАВЛЕНИЕ
В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ
ВЛАСТИ»**

**(г. Саратов,
Поволжский институт
управления
имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте
Российской Федерации,
21 января 2015 года)**

В Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина 21 января 2015 г. состоялась международная научно-практическая конференция «Местное самоуправление в системе публичной власти». Инициатором и организатором мероприятия выступило министерство по делам территориальных образований Саратовской области, обеспечившее участие в работе конференции представителей органов местного самоуправления Саратова; Аткарского, Балаковского, Вольского, Ершовского, Маркского, Ровенского, Советского, Татищевского и Энгельсского муниципальных районов; Натальинского, Новопушкинского и Первомайского муниципальных образований. Обсуждение проблем и перспектив развития местного самоуправления в формате конструктивного диалога представителей органов местного самоуправления с научным сообществом пока-

зало свою эффективность годом ранее, 29 января 2014 г., в ходе совместно проведенной на базе института международной научно-практической конференции «От земских учреждений к местному самоуправлению в Российской Федерации: традиции, опыт, перспективы (к 150-летию Земской реформы)».

Актуальность тематики конференции подчеркивается тем фактом, что обеспечение дальнейшего укрепления финансово-экономической базы муниципальных образований, их бюджетной самостоятельности, а также решение вопросов правового и кадрового обеспечения местного самоуправления Президент России В.В. Путин на заседании Совета по местному самоуправлению 31 января 2013 г. обозначил в качестве одного из приоритетов государственной политики. Более того, глава государства указал, что опыт работы муниципалитетов в современных условиях требует обстоятельного анализа, и подчеркнул их роль в повышении инвестиционной привлекательности регионов России [1].

В приветственном слове на открытии конференции директор Поволжского института управления имени П.А. Столыпина кандидат социологических наук, доцент В.Л. Чепляев подчеркнул роль института как экспертно-аналитического центра поддержки развития местного самоуправления на территории Саратовской области. В настоящее время потенциал института позволяет выработать рекомендации по направлениям развития регионального законодательства в сфере местного самоуправления, осуществлять организационно-методическое сопровождение противодействия коррупции и развития кадрового потенциала органов местного самоуправления, определять меры, обеспечивающие устойчивое развитие сельских территорий, содействовать органам местного самоуправления в формировании эффективного диалога с жителями, обобщать лучшие практики муниципального управления. В заключение В.Л. Чепляев выразил надежду, что ориентация научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава на решение конкретных проблем конкретных территорий обеспечит дальнейшее плодотворное сотрудничество Поволжского института управления, министерства по делам территориальных образований Саратовской области и органов местного самоуправления.

Министр по делам территориальных образований Саратовской области Л.П. Жуковская в своем выступлении охарактеризовала значимые изменения регионального законодательства о местном самоуправлении, произошедшие в 2014 г. В первую очередь речь шла о содержании принятых в развитие положений, введенных Федеральным законом от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ, законов Саратовской области от 30 сентября 2014 г. № 108-ЗСО «О вопросах местного значения сельских поселений Саратовской области» и № 109-ЗСО «О порядке избрания глав муниципальных образований в Саратовской области», а также от 29 октября 2014 г. № 131-ЗСО «О порядке формирования представительных органов муниципальных районов в Саратовской области». Л.П. Жуковская подчеркнула, что указанные законы принимались на основе широкого участия в их обсуждении представителей муниципальных образований области и экспертного сообщества, и отметила положительные результаты работы органов местного самоуправления, в том числе в сфере благоустройства терри-

тории, привлечения жителей к участию в решении вопросов местного значения, активизации деятельности общественных советов муниципальных образований. Несмотря на многие трудности, в 2014 г. удалось добиться положительной динамики социально-экономического развития муниципальных образований нашего региона.

Особое внимание со стороны органов исполнительной власти Саратовской области в последние три года уделялось вопросам создания условий для устойчивого развития муниципальных образований. Одним из ключевых факторов стало формирование благоприятного инвестиционного климата территорий. Совместными усилиями региональной и муниципальной власти удалось увеличить объем инвестиций в основной капитал. Так, в 2013 г. рост объема инвестиций, за исключением бюджетных средств, составил 5,8% к уровню 2012 г. [2]. Подтверждением достигнутых результатов для участников конференции стала выставка инвестиционных проектов муниципальных образований, организованная ассоциацией «Совет муниципальных образований Саратовской области». В продолжение темы инвестиционной привлекательности территорий выступил глава Советского муниципального района С.В. Пименов, рассказавший об опыте работы органов местного самоуправления по привлечению инвестиций и результатах использования в этой сфере программного подхода. Важный аспект работы муниципальной власти, затронутый в докладе Л.П. Жуковской (применение механизмов обеспечения открытости деятельности органов местного самоуправления), осветила глава администрации Ершовского муниципального района С.А. Зубрицкая.

Первый блок выступлений завершили представители научного сообщества. Различие квалификационных требований к должностям муниципальной службы на примере некоторых муниципальных образований Российской Федерации, приводящее, по сути, к нарушению права на равный доступ к муниципальной службе, охарактеризовал доктор юридических наук, профессор М.В. Пресняков. Нововведения Федерального закона от 22 декабря 2014 г. № 431-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции», а также изменения, произошедшие в этой связи в законодательстве о муниципальной службе, проанализировал доктор юридических наук, профессор С.Е. Чаннов.

Детальное обсуждение актуальных аспектов развития местного самоуправления проходило в формате секционных заседаний. Направления работы шести секций формировались исходя из насущных потребностей муниципалитетов, консолидированное мнение которых представило министерство по делам территориальных образований Саратовской области: «Механизмы повышения качества муниципального управления: российский и зарубежный опыт», «Правовое регулирование местного самоуправления в Российской Федерации», «Кадровое обеспечение местного самоуправления в России», «Финансово-экономические инструменты развития местного самоуправления», «Современные информационно-коммуникационные технологии в муниципальном управлении», «Исторический опыт развития местного самоуправления в России».

Несмотря на продуктивное обсуждение докладов в рамках секционных заседаний, ключевыми мероприятиями конференции были признаны два тематических круглых стола. В отличие от секций, где большее число участников было представлено вузовской наукой, в работе круглых столов превалировало участие представителей муниципальных образований. Круглый стол «Открытость власти и механизмы привлечения населения к осуществлению местного самоуправления» открылся докладом доцента кафедры государственного и муниципального управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина А.А. Степанова, в котором были отражены предпосылки и этапы внедрения концепции открытого управления на федеральном уровне, вопросы правового регулирования этой модели. Проведенный докладчиком анализ позволил понять трудоемкость предстоящей органам власти области и органам местного самоуправления работы по переходу на модели «Открытый регион» и «Открытый муниципалитет», поставить вопрос о необходимости определиться с содержанием модели «Открытый муниципалитет» и дальнейшей единой стратегией действий органов местного самоуправления по ее внедрению.

Направления и результаты реализации социально значимого проекта «Открытость власти – залог успешного развития территории» охарактеризовал заместитель министра по делам территориальных образований Саратовской области С.Ю. Зюзин. Цель проекта – оказание содействия органам местного самоуправления по внедрению принципов и механизмов открытого управления; формы ее достижения – зональные семинары-совещания и круглые столы. Эксперты проекта провели мониторинг пяти сайтов органов местного самоуправления Саратовской области, на основе которого разработали рекомендации по оптимизации содержания сайтов муниципальных образований. Конечные продукты проекта, по мнению министерства, – прозрачность управленческих процессов, привлечение граждан к разработке, контролю и оценке деятельности органов местного самоуправления, а также развитие межсекторного партнерства.

Немаловажная роль в обеспечении открытости управления принадлежит общественным советам муниципальных образований. 2014 год для общественных советов муниципалитетов Саратовской области – это этап «переформатирования», когда был внедрен новый порядок их формирования, четко обозначены статус, цели, задачи и результаты деятельности. Глава Натальинского муниципального образования А.В. Сабрига на примере общественных советов населенных пунктов, входящих в состав поселения, продемонстрировал не только рост социальной активности жителей с момента начала работы советов, но и повышение заинтересованности и желания участвовать в решении вопросов местного значения. По совместному решению общественных советов были внедрены принципы и формы их отчетности и разработаны показатели оценки их деятельности. Таким образом, общественные советы стали для главы муниципалитета серьезной опорой в решении конкретных проблем развития поселения.

Возможности использования в системе муниципального управления инструментов электронной демократии как формы организации общественно-политической деятельности граждан, обеспечивающей за счет широкого применения

информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия граждан друг с другом, с органами власти, общественными и коммерческими организациями, раскрыла Н.С. Гегедюш. Докладчик указала, что такие инструменты электронной демократии, как общественные обсуждения официальных документов, работа с электронными обращениями граждан и организаций, уже используются в деятельности органов местного самоуправления. Однако они ориентированы на обеспечение открытости муниципальной власти. Вовлечению жителей в обсуждение, а затем и непосредственное решение вопросов местного значения способствуют интерактивные электронные сервисы. Практика их создания в России только формируется, но уже можно выделить преимущества и недостатки в подходах, которые реализуют регионы и муниципальные образования. Итогом выступления стали практические рекомендации органам местного самоуправления по внедрению интерактивных электронных сервисов. Еще один аспект обеспечения открытости власти затронула С.В. Бакал, первый заместитель министра информации и печати Саратовской области. Ею был представлен сводный отчет о работе местных средств массовой информации, указаны «слабые места» и обозначены возможности исправления ситуации. В дискуссиях круглого стола также приняли участие представители Марковского, Саратовского, Советского и Энгельсского муниципальных районов.

На круглом столе «Инвестиционная привлекательность территорий» обсуждались вопросы, связанные с проблемами и перспективами реализации инвестиционных проектов на территории Саратовской области, меры по повышению инвестиционной привлекательности муниципальных образований, инструменты формирования благоприятного инвестиционного климата, методические аспекты оценки инвестиционных проектов, способы повышения конкурентоспособности территорий.

Экономическая стагнация и бюджетные проблемы регионов и муниципальных образований, по мнению Е.Е. Нечаевской, референта сводно-аналитического отдела управления прогнозирования социально-экономического развития министерства экономического развития и инвестиционной политики Саратовской области, стимулируют органы власти к активизации работы по формированию благоприятного инвестиционного климата. Реализации инвестиционных проектов препятствует целый ряд факторов, но над их устранением региональная и муниципальная власть должны работать вместе. К таким факторам относятся высокие административные издержки, низкие темпы создания новых объектов инженерной инфраструктуры и обновления имеющихся объектов инфраструктуры, слабое развитие транспортной и логистической инфраструктуры; неблагоприятная кредитная политика коммерческих банков и прочее.

В начале 2014 г. министерством экономического развития и инвестиционной политики Саратовской области разработан стандарт деятельности органов местного самоуправления по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в муниципальных образованиях и сформулированы методические рекомендации по его внедрению. «Инвестиционный стандарт» включает стратегические, инфраструктурные и коммуникационные инструменты, реализация

которых позволит муниципальным образованиям комплексно подойти к вопросам развития территории.

Меры по повышению инвестиционной привлекательности муниципального образования «Город Саратов» охарактеризовала заместитель главы администрации города по экономическим вопросам, председатель комитета по экономике Е.В. Ножечкина. В дискуссиях также приняли участие представители Аткарского, Балаковского, Вольского, Саратовского и Татищевского муниципальных районов. По итогам работы круглого стола участниками были сформулированы следующие предложения: 1) обеспечить сотрудничество Поволжского института управления имени П.А. Столыпина с органами государственной власти и местного самоуправления по вопросам инвестиционной политики; 2) на регулярной основе проводить семинары-тренинги и (или) круглые столы по вопросам инвестиционной привлекательности территорий для муниципальных служащих; 3) привлекать к обсуждению вопросов улучшения инвестиционного климата специалистов из субъектов РФ и муниципальных образований, имеющих положительный опыт привлечения инвестиций, а также руководителей ресурсных организаций, таких, как ОАО «Саратовэнерго», ОАО «Саратовская газовая компания».

В целом участники круглых столов отметили продуктивность прошедших обсуждений, поскольку они имели практикоориентированный характер, позволили определить общую стратегию решения проблем социально-экономического и общественно-политического развития муниципальных образований, получить не только ответы на конкретные вопросы, но и информацию о перспективных практиках муниципального управления.

По итогам всех форм работы с докладами на конференции выступили более семидесяти ученых из Саратова, Москвы, Санкт-Петербурга, Тамбова, Республики Молдова, Республики Беларусь и Германии. Международная научно-практическая конференция «Местное самоуправление в системе публичной власти», состоявшаяся в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина, является ярким примером эффективного взаимодействия науки и практики. Высокий уровень докладов, заинтересованность и адресность запросов органов государственной власти и местного самоуправления позволяют надеяться на то, что совместными усилиями будет обеспечено дальнейшее и устойчивое развитие не только муниципальных образований, но и региона в целом.

Библиографический список

1. Стенограмма заседания Совета по местному самоуправлению при Президенте РФ от 31 янв. 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17397>
2. Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, расположенных в границах Саратовской области, по итогам 2013 года // Официальный сайт м-ва по делам территориальных образований Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru/upload/iblock/214/сводный%20доклад%20о%20результатах%20мониторинга%20деятельности%20ОМСУ%20по%20итогам%202013%20года.pdf>

O.I. Tsybulevskaya
Book Review:
*Lebedeva E.N. The law stimuli
policy in modern of Russia:
theoretical aspect /
edited by A.V. Malko. Saratov:
FSBEI of HPE «Saratov State Law
Academy» Publishers,
2014. – 208 p.*

О.И. Цыбулевская

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Лебедева Е.Н.
Правостимулирующая
политика в современной
России: общетеоретический
аспект / под ред. А.В. Малько.
Саратов: Издательство ФГБОУ
ВПО «Саратовская
государственная юридическая
академия», 2014. – 208 с.**

Монография Е.Н. Лебедевой «Правостимулирующая политика в современной России: общетеоретический аспект» представляет собой актуальное научное исследование, соответствующее современному этапу развития современной юридической науки и практики.

Автор, отдавая должное своим предшественникам, внесшим весомый вклад в становление и поэтапное развитие категориального аппарата правовой политики в Российском государстве, последовательно осуществив анализ накопленных знаний, предприняла весьма успешную попытку продвижения научной мысли в рассмотрении стимулирующих ее аспектов. Несмотря на то что тема правовой политики постоянно находится в поле зрения российских ученых-правоведов, многие ее проблемы остаются «за кадром». Е.Н. Лебедева сосредоточила свое внимание на изученном аспекте проблематики, восполнив тем самым существующий пробел.

Новизна предпринятого исследования заключается в том, что впервые на монографическом уровне правостимулирующая политика представлена как комплексная категория с учетом взаимосвязей системы права, ее соотношения с системой законодательства, рассмотренная через призму инструментального подхода.

Трансформационные процессы в России обуславливают необходимость обращения к антропологическому подходу в исследовании общественных явлений. Личностный подход в современной философии права позволяет выдвинуть суждение о том, что индивид как человек, личность и гражданин с его взглядами, позициями и отношениями является создателем всего политико-правового опыта (культуры), поэтому необходимо использовать его гуманитарный потенциал для решения задач реформирования публично-правовой сферы общества.

Долгое время основная роль в правовом регулировании как в теории, так и на практике отводилась многообразным ограничивающим средствам, имеющим в ряде случаев решающее значение для соблюдения режима законности и наведения общественного порядка в стране. Но, по справедливому замечанию автора, наука, опережая практику и основываясь на ее результатах, многообразно и объемно «выявляет зависимость» всей современной жизни от стимулируемого развития, что является закономерным процессом правовой жизни (с. 4).

Е.Н. Лебедева утверждает, и с этим следует согласиться, что перспективы становления и функционирования институтов гражданского общества показывают реальную значимость дозволительного режима в отношениях «личность – общество – государство». Прогрессирующая дифференциация социальных систем, усложнение их структуры требуют уточнения исходных базовых моментов теории гражданского общества. Формирование эффективного механизма выявления, оформления и согласования общественных интересов – основополагающая задача системного взаимодействия общества и государства. Стимулируемые и защищаемые правом общественные объединения вместе с другими институтами гражданского общества могут, удерживая страну от катастрофы, влиять на происходящие процессы. Механизм правового регулирования при этом нуждается в умелом сочетании правовых стимулов и ограничений. Стимулирующие средства в виде льгот, поощрений, рекомендаций, наград, субъективных прав могут наиболее адекватно отражаться в правовом регулировании общественных отношений.

Рецензируемая монография структурно выстроена вполне логично. Она состоит из пяти взаимосвязанных глав. В первой главе «Правовая политика как общетеоретическая категория» раскрывается содержание актуальной, научной категории. Правовая политика здесь представлена как с позиций узкого подхода – политики в области права, так и широкого – в виде концептуальной государственной деятельности, осуществляемой повсеместно в отношении всех сфер общественной жизни посредством права. Результатом анализа различных точек зрения, вдумчивого осмысления сложного феномена является представленное в работе авторское полное и развернутое определение правовой политики, в котором оправданно выделен основополагающий деятельностный аспект. Рассмотрение в этой главе признаков, принципов и других элементов сущностной характеристики исследуемой категории также весьма значимо. В пределах общетеоретического аспекта исследования обозначенных проблем охарактеризована правостимулирую-

щая политика – особая разновидность правовой политики; определены цели, приоритеты и средства современной российской правостимулирующей политики; рассмотрены ее формы и методы реализации в различных сферах жизнедеятельности российского общества.

Вторая глава - «Правостимулирующая политика – особая разновидность правовой политики», закладывает основы авторского видения представляемой категории. Ценны суждения автора по поводу содержания различных механизмов действия права, связанных со стимулами и стимулированием. Изучаемые категории в работе Е.Н. Лебедевой получают исчерпывающую характеристику. В этой главе, что особенно значимо, отражено многообразие и показана специфика субъектов правостимулирующей политики с констатацией информационно-психологического аспекта действия стимулов и их системных образований.

Третья глава «Цели, приоритеты и средства современной российской правостимулирующей политики» направлена на комплексное изучение перечисленных конструкций. Автор последовательно разделяет вопросы становления, развития, соотношения категорий целей и задач, а также приоритетов в правовом регулировании. Значимость становления института приоритетов в правовом стимулировании ведет к их адекватному взаимодействию с целями и задачами. Полно раскрыты вопросы непротиворечивости приоритетов правовой и правостимулирующей политики, их взаимозависимость и взаимопроникновение.

В четвертой главе «Формы и методы правостимулирующей политики», всестороннему рассмотрению подвергается взаимодействие форм и методов правостимулирующей политики путем анализа конкретного материала из разных отраслей права. Е.Н. Лебедева обоснованно трактует формирование правостимулирующей политики через закрепление различных ее форм.

Пятая глава «Правостимулирующая политика в различных сферах жизнедеятельности российского общества», посвящена выборочному осмыслению проведения направленной правостимулирующей политики по правам человека в международных отношениях, в сфере частного права, в области качества образования. В этой же главе поднята проблема юридических дозволений как правовых средств, носящих характер общих и частных положений и недостаточно изученных российской правовой наукой.

Общетеоретический аспект формирования научной мысли все больше тяготеет к потенциалу комплексных категорий. К их числу можно причислить и правостимулирующую политику, рассматриваемую в контексте формирования и взаимодействия объемных блоков правовых средств, что свидетельствует об усложняющихся процессах в механизме правового регулирования.

Как и всякая творческая работа, рецензируемая монография не лишена отдельных спорных моментов. Рассмотрение сферы действия стимулов необходимо, на наш взгляд, связать с функциональной направленностью права. В этом случае представленная автором конструкция имела бы более прочное основание. Высказанное замечание носит характер пожеланий и ориентира для дальнейшей работы.

В целом рецензируемое исследование весьма познавательно, научно обоснованно, логично и вполне соответствует «духу времени». Обращает на себя внимание широта подходов к рассматриваемой проблеме: от таких непростых аспектов стимулирующей правовой политики, как ее концептуальные и доктринальные начала, до инструментального видения всех элементов правостимулирующей системы. Объемный вид монографическому исследованию придает то обстоятельство, что все составляющие правостимулирующей политики рассматриваются автором с точки зрения концепции и реальности.

Существенен вклад Е.Н. Лебедевой в «возрождение» практического использования правовых стимулов. Гармонизация применения стимулов и ограничений для работников государственных органов и негосударственных структур – залог повышения эффективности их профессиональной деятельности. Выводы и предложения ученого могут быть использованы не только в правотворческом и правоприменительном процессе, но и в правовоспитательной работе.

Монографическое исследование Е.Н. Лебедевой носит творческий характер, интересно по сути изложения, может быть полезно научным работникам, практикующим юристам и служащим, всем тем, кто интересуется вопросами общей теории государства и права.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абидулин Алим Маратович – кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

e-mail: abidulinam@gmail.com

Баразгова Евгения Станиславовна – доктор философских наук, профессор кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Екатеринбург, Россия

e-mail: evg.barazgova@mail.ru

Барышная Наталия Александровна – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор кафедры государственного управления и права Балаковского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: socis64@gmail.com

Белоусова Евгения Александровна – аспирант кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии

e-mail: arxangel2703@mail.ru

Вершицкая Галина Валентиновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и уголовного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: vershickaya@yandex.ru

Гацалова Лариса Борисовна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой технологий и инноваций в социальной работе Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова

e-mail: larabella8@mail.ru

Гегедюш Наталья Сергеевна – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: gegedush@rambler.ru

Долгов Виктор Михайлович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: TVDB2008@yandex.ru

Иванов Артем Алексеевич – аспирант кафедры гражданского и международного частного права Саратовской государственной юридической академии, учитель обществознания и права МОУ «СОШ № 53» г. Саратова
e-mail: docswar@mail.ru

Исаев Алексей Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: isaevlesha@yandex.ru

Концевой Геннадий Владимирович – аспирант кафедры гражданского и международного частного права Саратовской государственной юридической академии e-mail: roter-wind@mail.ru

Коротин Вячеслав Олегович – аспирант кафедры философии Саратовского государственного технического университет имени Гагарина Ю.А.
e-mail: korotinv@rambler.ru

Кузьмин Андрей Викторович – адъюнкт кафедры военной педагогики и психологии Саратовского военного института внутренних войск МВД России
e-mail: kuzmin1@front.ru

Макаров Александр Александрович – аспирант кафедры социологии, рекламы и связей с общественностью Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского
e-mail: 89096914521@mail.ru

Максимова Лариса Николаевна – доктор социологических наук профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: larisa-maximova@yandex.ru

Маслова Яна Юрьевна – преподаватель кафедры управления персоналом Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: maslova-jana@mail.ru

Мокеев Максим Михайлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: mokeevru@rambler.ru

160 2015 ● № 2(47)

Мокин Константин Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного управления и права Балаковского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: mokin_konstantin@list.ru

Немоляев Вячеслав Викторович – старший преподаватель кафедры тактики Саратовского военного института внутренних войск МВД России
e-mail: novocheck2008@mail.ru

Нугманов Нугман Абдуллаевич – кандидат юридических наук, проректор по научно-исследовательской работе Университета мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Республика Узбекистан
e-mail: nugmann@mail.ru

Окороков Дмитрий Сергеевич – преподаватель кафедры финансов и кредита Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова
e-mail: okorokov.88@mail.ru

Парсиева Лариса Касбулатовна – доктор филологических наук, доцент кафедры технологий и инноваций в социальной работе Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова
e-mail: parsieva_larisa@mail.ru

Проказина Наталья Васильевна – доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии и психологии управления Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: nvprokazina@mail.ru

Сидорова Елена Юрьевна – доктор экономических наук, заведующий кафедрой маркетинга, внешнеторговой деятельности и учета на предприятиях Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: ejsidorova@yandex.ru

Смирнова Дарья Сергеевна – аспирант кафедры экономики и таможенного дела Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: smirnova.darya89@mail.ru

Спесивов Никита Владимирович – аспирант кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии
e-mail: nikita_spesivov@bk.ru

Федюнина Светлана Михайловна – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: smf777@bk.ru

Хитрин Кирилл Леонидович – аспирант кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Екатеринбург, Россия

E-mail: khitrin.gmu552@yandex.ru

Цыбулевская Ольга Ивановна – доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: olga77.54@mail.ru

Чаннов Сергей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: sergeychannov@yandex.ru

Чекмарёв Эдуард Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: chekmarev@nm.ru

Черникова Виктория Владимировна – сотрудник научно-методического центра по работе с молодежью Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: pags2012@yandex.ru

Шахин Зулфия – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры западных языков и литературы Анкарского университета, г. Анкара, Турция

e-mail: zulfiya.sahin@yandex.com

Яковлев Лев Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной политики Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: lionel1801@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alim Maratovich Abidulin – Candidate of Sciences (History), Docent of Oriental Languages and Cultural Linguistics Chair, Institute of International Relations and World History of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
e-mail: abidulinam@gmail.com

Evgenia Stanislavovna Barazgova – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Theory and Sociology of Management Chair, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia
e-mail: evg.barazgova@mail.ru

Natalia Aleksandrovna Baryshnaya – Doctor of Sciences (Sociology), Candidate of Sciences (Politics), Professor of the Public Administration and Law Chair, Balakovo branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: socis64@gmail.com

Evgenia Aleksandrovna Belousova – post-graduate student of the Arbitration Proceedings Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: arxangel2703@mail.ru

Galina Valentinovna Vershitskaya – Candidate of Sciences (Law), Docent of the Administrative and Criminal Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: vershickaya@yandex.ru

Larisa Borisovna Gatsalova – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Technology and Innovation in Social Work Chair, North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov
e-mail: larabella8@mail.ru

Natalia Sergeevna Gegedyush – Candidate of Sciences (Sociology), Head of the Public Administration Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: gegedush@rambler.ru

Victor Mikhailovich Dolgov – Doctor of Sciences (History), Head of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: TVDB2008@yandex.ru

Artem Alekseevich Ivanov – post-graduate student of the Civil and International Private Law Chair, Saratov State Academy of Law, teacher of social science and law at the Secondary School No. 53 of the City of Saratov
e-mail: docswar@mail.ru

Aleksey Vladimirovich Isaev – Candidate of Sciences (Politics), Docent of the Constitutional and Municipal Law Chair, Deputy Head of the Educational and Methodical Department, Oryol Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: isaevlesha@yandex.ru

Gennady Vladimirovich Koncevoy – post-graduate student of the Civil and International Private Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: roter-wind@mail.ru

Vyacheslav Olegovich Korotin – post-graduate student of the Philosophy Chair, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin
e-mail: korotinv@rambler.ru

Andrey Viktorovich Kuzmin – post-graduate student of the Military Pedagogies and Psychology Chair, Saratov Military Institute for the Internal Troops of the Ministry of Interior of Russia
e-mail: kuzmin1@front.ru

Aleksandr Aleksandrovich Makarov – post-graduate student of the Sociology, Advertising and Public Relations Chair, Bryansk State University named after I.G. Petrovsky
e-mail: 89096914521@mail.ru

Larisa Nikolaevna Maksimova – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: larisa-maximova@yandex.ru

Yana Yurievna Maslova – lecturer of the Personnel Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: maslova-jana@mail.ru

Maksim Mikhailovich Mokeev – Candidate of Sciences (Law), Docent of the Public Administration Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: mokeevru@rambler.ru

Konstantin Sergeevich Mokin – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Public Administration and Law Chair, Balakovo branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: mokin_konstantin@list.ru

Vyacheslav Viktorovich Nemolyaev – senior lecturer of the Tactics Chair, Saratov Military Institute for the Internal Troops of the Ministry of Interior of Russia
e-mail: novocheck2008@mail.ru

Nugman Abdullaevich Nugmanov – Candidate of Sciences (Law), Vice-Rector for Scientific Research, University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, the Republic of Uzbekistan
e-mail: nugmann@mail.ru

Dmitry Sergeevich Okorokov – lecturer of the Finance and Credit Chair, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov
e-mail: okorokov.88@mail.ru

Larisa Kasbulatovna Parsieva – Doctor of Sciences (Philology), Docent of the Technology and Innovation in Social Work Chair, North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov
e-mail: parsieva_larisa@mail.ru

Natalia Vasilievna Prokazina – Doctor of Sciences (Sociology), Head of the Management Sociology and Psychology Chair, Oryol Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: nvprokazina@mail.ru

Elena Yurievna Sidorova – Doctor of Sciences (Economics), Head of the Marketing, Foreign Trade and Accounting Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: ejsidorova@yandex.ru

Darya Sergeevna Smirnova – post-graduate student of the Economics and Customs Business Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: smirnova.darya89@mail.ru

Nikita Vladimirovich Spesivov – post-graduate student of the Criminal Procedure Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: nikita_spesivov@bk.ru

Svetlana Mikhailovna Fedyunina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: smf777@bk.ru

Kirill Leonidovich Khitrin – post-graduate student of the Theory and Sociology of Management Chair, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia

e-mail: khitrin.gmu552@yandex.ru

Olga IvanovnaTsybulevskaya – Doctor of Sciences (Law), Professor of the Theory of Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: olga77.54@mail.ru

Sergey Evgenievich Channov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Office and Labor Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: sergeychannov@yandex.ru

Eduard Vladimirovich Chekmarev – Doctor of Science (Politics), Professor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: chekmarev@nm.ru

Victoria Vladimirovna Chernikova – member of the Scientific and Methodological Center for Youth Work, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: pags2012@yandex.ru

Zulfiya Shakhin – Candidate of Sciences (Philology), lecturer of the Western Languages and Literature Chair, Ankara University, Ankara, Turkey

e-mail: zulfiya.sahin@yandex.com

Lev Sergeevich Yakovlev – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology and Social Policy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: lionel1801@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Чаннов С.Е.

Государственная гражданская служба:
изменения в сфере противодействия коррупции 4

Сидорова Е.Ю., Окорочков Д.С.

Система управления резервами
сельскохозяйственных организаций 11

Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К.

Реализация социально-экономической политики занятости
в Республике Северная Осетия – Алания 19

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

24

Мокин К.С., Барышная Н.А.

Миграция как процесс формирования
этнополитической структуры региона 24

Проказина Н.В., Исеев А.В.

Межнациональные и межэтнические конфликты
в оценках населения мононациональных регионов 31

Нугманов Н.А.

Международно-правовое регулирование сотрудничества
в области международного обмена информацией 36

Концевой Г.В.

Коллизионное регулирование алиментных обязательств
в международных соглашениях 42

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

48

Иванов А.А.

Ответственность информационного посредника
за нарушение интеллектуальных прав
в информационно-телекоммуникационной сети 48

Вершицкая Г.В.	
Правовые особенности применения фотографии в ходе расследования преступлений	53
Белоусова Е.А.	
Защита публично-правовых интересов в арбитражных судах прокурором	58
Спесивов Н.В.	
Создание специализированной системы правосудия по делам несовершеннолетних: международные стандарты и российская практика	62

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

68

Барзгова Е.С., Хитрин К.Л.	
Профессии: актуальный анализ развития социологических представлений	68
Максимова Л.Н.	
Сравнительный анализ организационной и профессиональной культуры	76
Немоляев В.В.	
Профессиональная культура как социальный феномен	81
Маслова Я.Ю.	
Оценка персонала как инструмент повышения конкурентоспособности вуза	87

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

93

Чекмарёв Э.В., Черникова В.В., Яковлев Л.С.	
Тенденции деструкции традиционных моделей политической социализации молодежи: контуры политической контркультуры (по результатам регионального исследования)	93
Федюнина С.М.	
Толерантность в поликультурном обществе XXI века: миф или возможность сохранения цивилизации?	102
Коротин В.О.	
Национальная идентичность в современном обществе в условиях глобализации	109
Абидулин А.М., Шахин З.	
Культура османского общества: исторический опыт библиотечно-издательской деятельности	114

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

121

Смирнова Д.С.	
Влияние процесса интеграции на развитие современного рынка труда	121

168 2015 ● № 2(47)

Макаров А.А.

Перспективы государственной политики занятости
на локальных рынках труда 126

Кузьмин А.В.

Предпосылки децентрализации контроля
комплексной хозяйственной организации 131

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
138**

Долгов В.М.

Политическая наука в Саратовском регионе:
становление и перспективы развития 138

Гегедюш Н.С., Мокеев М.М.

Международная научно-практическая конференция
«Местное самоуправление в системе публичной власти»
(г. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, 21 января 2015 года) 149

Цыбулевская О.И.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Лебедева Е.Н. Правостимулирующая политика в современной России:
общетеоретический аспект / под ред. А.В. Малько. Саратов:
Издательство ФГБОУ ВПО «Саратовская
государственная юридическая академия», 2014. – 208 с. 155

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
159**

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Channov S.E.

The State Civil Service:
Changes in the Legislation on Corruption Counteraction 4

Sidorova E.Yu., Okorokov D.S.

The System of Agricultural Organizations Reserves Management 11

Gatsalova L.B., Parsieva L.K.

Implementation of Socio-Economic Employment Policy
in the Republic of North Ossetia-Alania 19

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

24

Mokin K.S., Baryshnaya N.A.

Migration as a Process of Regional Ethno-Political Structure Formation 24

Prokazina N.V., Isaev A.V.

Interethnic and Transnational Conflicts in the Estimates
of Mono-Ethnic Regions Population 31

Nugmanov N.A.

International Law Regulation of Cooperation
in the Sphere of International Information Exchange 36

Koncevoy G.V.

Conflict Regulation of Alimentary Obligations in International Agreements 42

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

48

Ivanov A.A.

Features of Information Intermediary Liability for Infringement
of Intellectual Property Rights in the Information
and Telecommunication Network 48

Vershitskaya G.V.

Legal Peculiarities of the Application of Photographs
in the Course of Crime Investigation 53

Belousova E.A.

Protection of Public Legal Interests by the Prosecutor in Arbitration Courts 58

170 2015 ● № 2(47)

Spesivov N.V.

- The Creation of a Specialized System of Juvenile Justice:
International Standards and Russian Practice 62

**SOCIAL POLICY
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

68

Barazgova E.S., Khitrin K.L.

- Professions: Topical Analysis
of the Development of Sociological Notions 68

Maksimova L.N.

- Comparative Analysis
of Organizational and Professional Culture 76

Nemolyaev V.V.

- Professional Culture as a Social Phenomenon 81

Maslova Ya.Yu.

- Performance Appraisal as an Instrument to Increase Competitiveness
of a Higher Education Institution 87

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

93

Chekmarev, E.V. Chernikova V.V., Yakovlev L.S.

- Destruction Trends of Traditional Models
of Youth Political Socialization:
the Contours of the Political Counterculture
(Based on the Results of Regional Studies) 93

Fedyunina S.M.

- Tolerance in a Multicultural Society of the XXI Century:
Myth or Condition for the Survival of Civilization? 102

Korotin V.O.

- National Identity in Modern Society
in the Context of Globalization 109

Abidulin A.M., Shakhin Z.

- Culture of Ottoman Society:
Historical Experience of Library and Publishing Activities 114

**PUBLIC POLICY AND ADMINISTRATION IN RUSSIA:
YOUNG SCIENTISTS' VIEW**

121

Smirnova D.S.

- The Influence of the Integration Process
on the Development of Labor Market at the Present Stage 121

Makarov A.A.

- Prospects for the State Employment Policy in the Local Labor Markets 126

Kuzmin A.V.

- Preconditions of Complex Economic
Organization Control Decentralization 131

**REVIEWS.
SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE**

138

Dolgov V.M.

Political Science in the Saratov Region:
Formation and Prospects of Development 138

Gegedyush N.S., Mokeev M.M.

The International Scientific and Practical Conference
“Local Government in the System of Public Authorities”
(Saratov, Stolypin Volga Region Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, January 21, 2015) 149

Tsybulevskaya O.I.

Book Review:

Lebedeva, E.N. The Law Stimuli Policy in Contemporary Russia:
Theoretical Aspect / ed. by A.V. Malko. Saratov:
Saratov State Academy of Law, 2014. – 208 p. 155

**INFORMATION
ABOUT THE AUTHORS**

163

172 2015 ● № 2(47)

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОГО ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ**

Научный журнал

№ 2 (47)

Редакторы *Т.П. Иванова, Е.В. Феклистова, Ю.Н. Бирюкова*
Компьютерная верстка *М.В. Лысцевой*

Тем. план 2015 г., п. № 909

Подписано к печати 07.04.2015 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 14,19. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500. Заказ 542.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник Поволжского института управления»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) приставный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами института или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжского института управления»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 65 35 77

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru/vestnik>